

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО–А

И. Т. Цориева

**НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ**

**(вторая половина 1940-х –
первая половина 1980-х гг.)**

Владикавказ 2012

ББК 72.4(2 Рос.Сев)–7
Ц 81

П е ч а т а е т с я
по решению Ученого совета СОИГСИ

Ц 81 **Цориева И.Т.** Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.): Монография. ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 327 с.

ISBN 978-5-91480-140-0

Рецензенты:

доктор исторических наук *Ю.Ю. Клычников*
доктор исторических наук *С.А. Айларова*

Автор представляет историю развития образования и науки в Северной Осетии в середине 1940-х – 1980-х гг., выявляет общее и особенное в реализации государственной научно-образовательной политики на региональном уровне. В работе прослеживаются основные тенденции в развитии общеобразовательной и профессиональной школы, определяются количественные и структурные изменения в системе среднего и высшего образования, анализируются вопросы становления и функционирования научных учреждений, особенности формирования научно-кадрового потенциала, выясняются направления научно-исследовательской деятельности. Рассматривается также проблема реформирования национальной школы, и оцениваются его последствия для развития национального языка и культуры.

Для историков, преподавателей общественных наук и всех интересующихся историей и культурой Северной Осетии.

ISBN 978-5-91480-140-0

ББК 72.4(2 Рос.Сев)–7

© ИПО СОИГСИ, 2012

© Цориева И.Т., 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ	17
1.1. Проблемы восстановления и развития системы школьного образования в послевоенное десятилетие	17
1.2. Количественные и структурные изменения в системе школьного образования в середине 1950-х — 1960-х годов	39
1.3. Реформа национальной школы: от «коренизации» до денационализации.....	50
1.4. Политехническая реформа в общеобразовательной школе: идея, реализация, итоги.....	62
1.5. Реформы — контрреформы второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов в системе школьного образования	86
ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ.....	104
2.1. Развитие высшего и среднего профессионального образования в послевоенное десятилетие	104
2.2. Образовательная политика в сфере подготовки национальных кадров специалистов в автономиях Северного Кавказа во второй половине 1940-х — 1950-е годы: сравнительный анализ	117
2.3. Влияние модернизационных процессов на структуру высшего и среднего профессионального образования в условиях развертывания научно-технической революции	127
2.4. Становление и развитие единой системы начального профессионального образования.....	147
2.5. Основные тенденции в развитии высшей и средней профессиональной школы во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов. Становление университетского образования.	162

ГЛАВА 3. НАУКА И НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ.....	179
3.1. Проблемы восстановления кадрового потенциала научных учреждений в послевоенное десятилетие	179
3.2. Основные направления научной деятельности во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов.....	191
3.3. Проблемы научно-исследовательской деятельности в условиях модернизационных изменений во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов.....	225
3.4. Основные исследовательские направления в области естественно- технических наук во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов.....	260
3.5. Развитие осетиноведения в контексте социально-политических процессов второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов.....	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	305
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	314
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	327

ВВЕДЕНИЕ

Образование и наука — эти две важнейшие составляющие культуры всегда выступают исходными пунктами смены представлений об окружающем мире и о положении в нем человека. Они являются преобразующими факторами, определяющими развитие всех сфер общественной жизнедеятельности.

В начале XXI века, когда модернизационные процессы приобрели глобальный характер, вовлекая в свою орбиту новые страны и народы, роль науки и образования как важнейших движущих сил общественного прогресса многократно возрастает. Очевидно, что только существование развитого научно-образовательного пространства, способного создавать и осваивать новейшие научные разработки и технологические новации, может обеспечить устойчивое воспроизводство и развитие всех сфер общественной жизнедеятельности, формировать эффективную и конкурентоспособную экономику, вырабатывать социальные механизмы защиты общества от непредсказуемых последствий модернизационных процессов. Для многонационального российского общества, переживающего в настоящее время состояние глубоких системных преобразований, гарантом государственной независимости и условием вхождения в мировое цивилизационное пространство на равноправных партнерских началах служат высокий уровень образовательной и профессиональной подготовленности населения, наличие фундаментальных научно-исследовательских центров, способных конструктивно отвечать на злободневные социально-экономические и политические вызовы.

Новое знание всегда основывается на достижениях прошлых поколений. Поэтому на современном этапе человеческого познания мира, гигантского расширения научных горизонтов, новых инновационных и технологических прорывов особенно важна преемственность в культуре.

Последние два десятилетия российская научно-образовательная сфера находится в состоянии непрекращающегося реформирования всей системы высшей и средней школы и научных учреждений. Эти годы явились свидетелями не только успехов

реформаторов, но и больших разочарований. Дезинтеграция отечественных образовательных и научных структур, резкое падение престижа науки, снижение качества образования стали знаковыми явлениями в жизни полиэтничного российского общества. Между тем, в России в XX веке была создана одна из лучших в мире научно-образовательных систем, позволившая сделать за короткий промежуток времени невиданный скачок в накоплении национального научного кадрового потенциала. Продвижение страны по пути научно-технического прогресса в значительной степени зависело от деятельности региональных научно-образовательных центров, являвшихся составными частями научно-образовательного пространства страны.

Обращение к опыту формирования и функционирования сферы образования и науки на региональном уровне позволяет значительно дополнить картину культурного строительства в СССР в процессе советской общественной модернизации, выявить общее и особенное в динамике научно-образовательной сферы применительно к национальным регионам, оценить последствия модернизационных преобразований для развития национальных культур.

Являясь важнейшими социальными институтами, наука и образование оказывают влияние на все стороны общественной жизни. Организация научно-образовательного пространства на принципах равноправия культур разных народов и разных духовных конфессий позволяет консолидировать многонациональное российское общество, сохранить единое социокультурное пространство страны, содействовать преодолению этнонациональной напряженности и социальных конфликтов, ограничению социального неравенства.

Усвоение советского опыта культурного строительства на региональном уровне с учетом его позитивных и негативных последствий может служить сегодня гарантией от ошибок при формировании государственной культурной политики в сфере науки и образования и играть стабилизирующую роль в современном российском обществе. Учитывать данное обстоятельство особенно важно, когда речь идет о таком полиэтничном, поликонфесси-

ональном регионе, как Северный Кавказ, составным элементом которой является Северная Осетия, избранная в качестве объекта предпринятого исследования.

Хронологические рамки исследования ограничиваются второй половиной 1940-х — первой половиной 1980-х годов. Естественными рубежами служат две судьбоносные для истории советского государства даты. Первая из них — это год великой Победы, достигнутой неисчислимыми потерями, но символизировавшей жизнеспособность социалистической идеи. Вторая — год начала перестройки, предпринятой с целью модернизации затухающей экономики, завершившейся крахом советской модели социализма и распадом Советского Союза. В промежуток между этими двумя датами вмещаются последнее сталинское десятилетие, годы «оттепели» и весь период «застоя» — время, отличавшееся крайней амбивалентностью и сложностью сочетания социально-политических, экономических и культурных явлений. Отдельные выходы за хронологические рамки исследования обусловлены необходимостью завершения логического ряда при освещении того или иного события, явления.

Разноречивые процессы, наблюдавшиеся в общественном развитии страны, оказали огромное влияние на состояние научно-образовательной сферы. Рост количественных и качественных показателей образовательного уровня населения, формирование научного потенциала, развитие научных учреждений и разработка передовых научных направлений, происходившие в структурно-организационных рамках образовательных и научных учреждений, диктовались потребностями научно-технического прогресса. Вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х годов вошли в историю образования и науки в СССР как важнейший этап, характеризовавшийся глубоким реформированием всей научно-образовательной системы, составившей основу научных прорывов в сфере космонавтики, электроэнергетики, создания оборонного щита страны.

В представленном исследовании изучение научных и образовательных аспектов культурного развития во второй половине 1940-х — первой половине 1980-х годов осуществляется

в территориальных границах национальной автономной республики, входившей в рассматриваемый период в качестве самостоятельного административно-территориального образования в состав Российской Советской Федеративной Социалистической республики. Большинство научных и образовательных структур Северо-Осетинской автономной советской социалистической республики находилось в двойном подчинении союзных и федеративных органов власти и управления, контролировавших сферу науки и образования. Поэтому деятельность общеобразовательных школ, профессиональных учебных заведений, научных учреждений республики осуществлялась в рамках общесоюзных и общероссийских проектов и программ, отражавших суть государственной культурной политики в сфере науки и образования.

История развития научно-образовательной сферы в национальных административно-территориальных образованиях Северного Кавказа, в том числе Северной Осетии имеет определенную историографическую традицию. Выделяются два основных этапа. Первый этап охватывает 1940-е — 1980-е годы — время, когда исследование культурных процессов шло параллельно с их осуществлением. Второй этап начинается с 1990-х годов и продолжается по настоящее время.

Вопросы формирования и развития системы среднего и высшего образования, научных учреждений с сопутствующей им инфраструктурой, проблема подготовки кадров специалистов, разработки научных направлений и научных школ получили освещение в обобщающих монографиях по истории народов Северного Кавказа¹.

Исследования давали возможность составить общее представление о сущности происходивших в культурной сфере пере-

¹ История Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1966. Т. 2; История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 2; История Дагестана. М., 1968-1969. Т. 3-4; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2; Даниялов Г.Д. Развитие экономики и культуры Дагестана (1945-1965). М., 1966; 50 лет советской автономии Кабардино-Балкарии. Сб. статей. Нальчик, 1971; Цуциев Б.А. Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР. Дзауджикау, 1952; его же. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967; Черджиев Х.С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1 и т.д.

мен и способствовали расширению исследовательской проблематики. Позитивным моментом отмеченных работ являлся тот факт, что проблема развития научно-образовательных учреждений, формирования профессиональных кадров, разработки научно-исследовательских направлений в национальных регионах рассматривалась в общеисторическом хронологическом контексте, в структурной взаимосвязи с экономическими, социальными и политическими процессами, происходившими в советском обществе.

Отдельные аспекты проблемы анализировались в монографических исследованиях А. А. Абилова, А. В. Бурнышева, М. Х. Герандокова, С. Т. Дедегкаева, З. К. Джамбулатовой, Г. Ш. Каймаразова, Б. С. Кулова, В. Д. Текиева, Х. М. Хутиева, опубликованных в 1940-х — 1980-х годах. В них рассматривались общие проблемы культурного строительства в автономных республиках и областях Северного Кавказа².

Имевшиеся в отмеченные годы в распоряжении исследователей документальная база и научно-методический инструментальный обеспечивали достаточно высокий для своего времени уровень разработки отдельных вопросов культурного строительства в национальных регионах, выявления основных тенденций в развитии научного творчества, системы общего и профессионального образования, формирования национальных кадров интеллигенции³.

² Абилов А. А. Очерк советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959; Бурнышев А. В. Культура, рожденная Октябрем. Майкоп, 1958; Герандоков М. Х. Культурное строительство в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975; Дедегкаев С. Т. Культурное строительство в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1964; Джамбулатова З. К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940). Грозный, 1974; Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. Махачкала, 1971; Кулов Б. С. Кулов Б. С. К высотам культуры. Орджоникидзе, 1979; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1987; Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры в советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984 и др.

³ Исаев М. И. Взаимоотношение развития национальных языков и национальных культур. М., 1980; Исмаилов А. Р. Ликвидация неграмотности в Дагестане. Махачкала, 1970; Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988; Куксин В. П. Профессионально-техническое образование в Чечено-Ингушетии (1959-1965). Грозный, 1968;

Использование отраслевого подхода при освоении конкретно-исторического материала дало положительные результаты при разработке вопросов фундаментального образования. В 1940-е — 1980-е годы в осетинской историографии активно исследуются образовательные аспекты культурного строительства в республике. В статьях и монографиях А. Х. Галазова, М. И. Исаева, Л. И. Прохуренко, Х. С. Черджиева и других проблемы становления и развития национальной общеобразовательной и профессиональной школы рассматривались в сравнительно-историческом плане в контексте общесоюзных тенденций. При этом, анализируя содержание трансформаций в научно-образовательной сфере, исследователи оценивали их, прежде всего, с точки зрения социально-политической и хозяйственной значимости, обращали внимание на воспитательный, просветительский характер преобразований⁴.

Перестроечные процессы, начавшиеся в советском обществе во второй половине 1980-х годов, оказали значительное влияние на историографическую традицию в изучении истории советской многонациональной культуры. Конец XX — начало XXI века отмечены сломом старых теоретических построений и формированием новых исследовательских подходов при анализе и реконструкции модернизационных преобразований России в советский период. По-новому осмысливаются проблемы советской культурной трансформации, в том числе в национальных регионах. В региональной историографии происходит переоценка явлений и

Магидов Ш. Г. Осуществление ленинской национально-языковой политики на Северном Кавказе. Махачкала, 1979; Омаров С. М. Женское образование в Дагестане. Махачкала, 1960; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989; Хачиров А. К. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964; Эфендиев А. -К. И. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920-1940). Махачкала, 1960 и др.

⁴ Галазов А. Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977; Его же. Народное образование в Северной Осетии // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1970. Т. 28; Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974; Прохуренко Л. И. Народное образование в Северной Осетии в послевоенный период // Известия СОНИИ. Отдельный оттиск из 20 тома Орджоникидзе, 1957; Черджиев Х. С. Очерки по истории среднего образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958 и др.

событий, связанных с осуществлением социально-политических, экономических и культурных преобразований в национальных республиках и областях Северного Кавказа⁵.

Однако если вопросы советской культурной трансформации 1920-х — 1930-х годов в северокавказских автономиях разрабатываются довольно активно, то многие аспекты культурной жизни национальных республик и областей периода модернизационных преобразований 1940-х — 1980-х годов до сих пор остаются малоизученными⁶. Исключения составляют две проблемы, неразрывно связанные друг с другом. Это вопросы развития и функционирования национального языка и национальной общеобразовательной школы, исследуемые в работах Р. С. Бзарова, Т. Т. Камболова и ряда других ученых⁷.

В контексте современных модернизационных преобразований эти вопросы рассматриваются как часть более общей проблемы совершенствования системы образования и науки в Северо-Кавказском регионе. Вместе с тем, особый интерес к сохранению и разви-

⁵ Герандоков М. Х, Герандокова В. З. Культурная революция в национальных регионах: Миф или реальность. Нальчик, 2003; Гобети З. Б. Культурное развитие Северной Осетии в 20-30-е годы XX века: дисс. ... канд. ист. наук Владикавказ, 2009; Калинин С. Б. Из истории науки на Северном Кавказе. Научно-исследовательские институты: становление и деятельность (1920-1941 гг.). Ставрополь, 2006; Ее же. Формирование и развитие научного пространства в республиках Северного Кавказа и на Ставрополье (1918-1940 гг.): дисс. ... док. ист. наук. Ставрополь, 2006; Мамсиров Х. Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). Нальчик, 2004 и др..

⁶ Северный Кавказ. Образование: история и современность. Пятигорск, 2001; Ошроев Р. Г. Становление и развитие университетского образования Кабардино-Балкарии в XX — нач. XXI в.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2004; Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Владикавказ, 2008 и др..

⁷ Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2005. №3; Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11; Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. История. Современность. Перспективы. Владикавказ, 2007; Цориева И. Т. Языковая реформа и осетинская национальная школа: от «коренизации» до денационализации // Вестник ВНИЦ, 2009. №1 и др.

тию национального языка в настоящее время обусловлен огромной значимостью его как структурообразующего элемента культуры — фактора этнонациональной и этнокультурной идентичности, формирующего мировоззренческие установки в обществе.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы выявить основные тенденции в развитии системы общего и профессионального образования, в становлении и функционировании научных учреждений, в формировании научного потенциала республики, в определении основных научно-исследовательских направлений как составных частей общероссийской научно-образовательной традиции в их единстве с национальными и специфическими местными характеристиками.

Поставленная цель определила основные задачи исследования:

- раскрыть содержание советской государственной научно-образовательной политики на примере Северной Осетии и показать ее обусловленность социально-политическими и экономическими факторами;

- выявить основные тенденции и специфику функционирования научно-образовательного пространства национального региона на протяжении четырех послевоенных десятилетий;

- проанализировать процесс осуществления политехнической реформы и определить степень ее влияния на становление единой системы начального профессионального образования;

- выяснить последствия реформирования национальной школы для развития национального языка и национальной культуры;

- проследить количественные, качественные и структурные изменения в сфере высшей и средней профессиональной школы;

- показать особенности формирования государственной политики в сфере подготовки профессиональных кадров специалистов в республике;

- определить пути и методы формирования научно-педагогических кадров для научных учреждений и учебных заведений республики;

- рассмотреть основные направления развития науки и науч-

ных учреждений региона в контексте социально-политических процессов второй половины 1940-х — первой половины 1980-х годов.

Поставленные задачи решаются на основе привлечения большого круга документальных источников, подразделяющихся на ряд групп.

Наиболее значительную по содержательному и количественному наполнению группу источников составляют документальные материалы, извлеченные из фондов центральных и республиканских архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Центрального государственного архива РСО — А. (ЦГА РСО — А), Центрального государственного архива историко-политической документации РСО — А. (ЦГА ИПД РСО — А).

В фондах РГАСПИ (Ф. 17 — ЦК ВКП (б), Ф. 556 — Бюро ЦК КПСС по РСФСР) хранятся документы управления и отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП (б), отдела школ, науки и культуры ЦК КПСС по РСФСР, которые дают представление об особенностях формирования научной и образовательной политики в национальных регионах, в том числе в Северо-Осетинской АССР, раскрывают характер взаимоотношений с местной политической номенклатурой, деятелями науки и культуры. Большой исследовательский интерес представляют документы отдела идеологии и пропаганды, а также отделов науки и культуры ЦК КПСС, отложившиеся в фондах РГАНИ (Ф. 5 — аппарата ЦК КПСС). Среди них докладные записки республиканских партийно-советских органов о состоянии идеологической и политической работы в учебных заведениях и научных учреждениях, письма-обращения по вопросам подготовки профессиональных кадров специалистов и решения материально-жилищных проблем научно-педагогических кадров и учащейся молодежи, справки-отчеты о структурных преобразованиях и деятельности научно-образовательных учреждений.

Информативно насыщенными являются фонды ЦГА РСО — А. (Ф. 786 — Министерство просвещения Северо-Осетинской АССР, Ф. 128 — Северо-Осетинский государственный университет, Ф. 605 — Северо-Осетинский сельскохозяйственный ин-

ститут (ныне Горский государственный университет), Ф. 687 — Северо-Осетинский государственный медицинский университет (ныне Северо-Осетинская государственная медицинская академия), Ф. 698 — Северо-Кавказский горно-металлургический институт и др.). Они содержат материалы, позволяющие выявить динамику развития системы среднего и высшего образования, становления и функционирования научных учреждений, формирования научно-образовательного кадрового потенциала и разработки научных направлений.

Большой интерес представляют справки, протоколы заседаний Ученых советов вузов, переписка с различными ведомствами и прочее. Особенно ценные сведения включают отчеты учебных заведений. Они дают представление об учебно-методическом процессе и его идеологической направленности, о социальном и национальном составе студенчества, о характере кадровой политики и формах подготовки научно-педагогических кадров, о научной деятельности, о материально-технической инфраструктуре и содержании культурной жизни вузов.

Документальные источники, извлеченные из ЦГА ИПД РСО — А (Ф. 1 — Северо-Осетинский обком КПСС) (протоколы заседаний бюро, стенограммы пленумов, конференций, совещаний обкома КПСС и др.), представляют информацию об особенностях осуществления культурной политики в условиях Северной Осетии, о способах управления партийными органами научно-образовательным процессом, о формах и методах воздействия на научную интеллигенцию.

Отложившийся в фондах Научного архива СОИГСИ (ф.13, включающий протоколы заседаний Ученого совета, справки, письма, отчеты о научно-исследовательской работе института и его подразделений, а также личные фонды М.С. Тотоева, А.А. Хадарцевой и других) документальный материал позволяет составить представление о развитии гуманитарных наук, выявить наиболее активно исследуемые проблемы осетиноведения. Имеющийся в фондах материал содержит также данные о количестве и составе научных кадров, об их материальном положении, о степени влияния идеологических и политических факторов на научную деятельность.

Вторую группу источников составляют опубликованные документы⁸. Сюда включены разнообразные сборники и справочники: «Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов в 2-х тт.» Т.2; «История Владикавказа»; «50 лет Горскому сельскохозяйственному институту»; «50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту» и другие. Эти сборники документов содержат большой фактический материал, отражающий многообразие культурного пространства республики, общее и особенное в развитии среднего и профессионального образования, а также научных учреждений, характеризующий основные направления реформирования школьной системы в 1940-х — начале 1980-х годов, количественные и структурные изменения в системе высшего и среднего специального образования.

Третья группа источников сложилась из опубликованных статистических материалов. Сборники содержат сведения о динамике численности общеобразовательных и специальных учебных заведений на протяжении исследуемого периода, об изменениях в социальной структуре североосетинского общества, в количественном, национальном и гендерном составе учащихся и студентов, о формах подготовки кадров специалистов для различных отраслей народного хозяйства. Они дают представление об изменении численности и профессионального, квалификационного уровня научных и педагогических кадров и т.д.⁹

Четвертая группа источников представлена материалами, извлеченными из центральных и местных периодических изданий.

⁸ Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. В 2-х тт. Орджоникидзе, 1983. Т.2; Городу Орджоникидзе 200 лет. 1784-1984. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе, 1985.; История Владикавказа. Сб. документов. Владикавказ. 1990; 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. Орджоникидзе, 1977; 50 Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. Орджоникидзе, 1981.

⁹ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. Сборник. Орджоникидзе, 1958; Народное хозяйство РСФСР. Стат. ежегодник. М., 1959; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Орджоникидзе. 1964; Северная Осетия за годы советской власти. Орджоникидзе, 1967; Северная Осетия за 60 лет. Орджоникидзе, 1977; Северная Осетия за 60 лет автономии. Орджоникидзе, 1984.

В выступлениях партийных и советских руководителей, представителей научной и творческой интеллигенции, опубликованных на страницах газет и журналов, в научно-публицистических статьях, в художественных очерках, в письмах читателей содержатся сведения, иллюстрирующие различные стороны научной и культурной жизни. Они представляют также реакцию разных социальных слоев на общественно-политические, культурные процессы, происходившие в отмеченный период в стране в целом и Северной Осетии в частности.

Отдельную группу источников составляют воспоминания современников — непосредственных участников или свидетелей событий и явлений, имевших место в общественной и культурной жизни в анализируемый период. Мемуарная литература является наиболее субъективной по характеру восприятия действительности и отбора документальных свидетельств эпохи. Однако ценность этого документального ресурса в том, что, представляя собой личные наблюдения, авторские впечатления от увиденного и услышанного, он позволяет почувствовать духовную атмосферу времени, понять мотивацию поступков людей, облаченных властью или занимающихся научно-педагогической и творческой деятельностью, нередко принужденных в сложных жизненных обстоятельствах делать выбор по «совести» или по «долгу службы».

Имеющаяся источниковая база позволяет, на наш взгляд, составить довольно цельную картину развития научно-образовательного пространства на протяжении второй половины 1940-х — первой половины 1980-х годов, проследить динамику модернизационных процессов в сфере общего и профессионального образования, науки и научных учреждений республики, выявить общее и особенное в реализации научно-образовательной политики государства в многонациональном регионе.

ГЛАВА 1.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х ГОДОВ

1.1. Проблемы восстановления и развития системы школьного образования в послевоенное десятилетие

Одним из приоритетных направлений культурной политики Советского государства после окончания Великой Отечественной войны являлось скорейшее восстановление и развитие системы образования. Повышенное внимание к этой сфере общественной деятельности было обусловлено огромной потребностью в образованных и квалифицированных кадрах специалистов, без которых не мыслилось преодоление разрушительных последствий войны и обеспечение дальнейшего развития народно-хозяйственного комплекса страны. Поэтому советское государство, несмотря на крайнюю ограниченность материальных и финансовых возможностей, изыскивало средства на восстановление и развитие средней и высшей школы. Война еще продолжалась, но на освобожденных территориях, а также в регионах, не затронутых боевыми действиями, уже приступили к воссозданию сложившейся еще в 1930-е годы системы всеобщего начального образования. С 1944 года формируются особые семилетние и средние вечерние школы в городах и рабочих поселках — школы рабочей молодежи. Эта новая форма обучения давала возможность работающей молодежи совместить учебу в школе и работу на производстве. Восстанавливалась и развивалась материально-техническая база вузов, техникумов и других средних специальных учебных заведений. Налаживалась работа научных учреждений. Открывались аспирантуры по подготовке научных и педагогических кадров.

Несмотря на то, что оккупация части территории Северной Осетии носила непродолжительный характер, война, тем не менее, нанесла огромный урон материально-технической и учебной базе, преподавательским кадрам общеобразовательных школ. В результате боевых действий, развернувшихся на территории республики осенью-зимой 1942 года, было полностью разрушено

и сожжено 34 школьных здания. Причем 28 из них были уничтожены оккупационными властями, остальные подверглись разрушению в результате артобстрелов и бомбежек. Еще 165 школ были частично повреждены. Имущество их разграблено. Не затронутые военными действиями школы, оставшиеся без внимания в связи с военным временем, также нуждались в капитальном ремонте. В целом из 212 начальных, семилетних и средних школ, работавших на начало 1940/1941 учебного года, в той или иной степени пострадали 94% всех школ Северной Осетии¹⁰.

Восстановление школьной инфраструктуры республики требовало больших капитальных вложений. Но на первоначальном этапе, чтобы обеспечить минимальные условия для налаживания учебного процесса, предстояло решить первоочередные вопросы: отремонтировать кровлю и печи, застеклить окна, поставить двери.

Наряду со строительством и ремонтом школьных зданий требовалось восстановить учебно-методическую и материально-техническую базу учебных заведений. Во многих школах отсутствовала школьная мебель. Большие трудности испытывали из-за нехватки наглядных пособий, учебников. Остро дефицитными были учебно-письменные принадлежности. Вот что пишет о первых послевоенных годах выпускник Чиколинской средней школы 1948 года, доктор исторических наук Н. Д. Малиев: «Во время войны немецкие оккупанты превратили школу в госпиталь, и вся техническая база была уничтожена. Многие мои сверстники не могли учиться из-за материальной необеспеченности, у большинства родители погибли в Великую Отечественную войну. Не хватало классных помещений, учебников, тетрадей и т.п. Мы использовали старые книги и газеты вместо тетрадей. Писали между строк не чернилами, а соком бузины, но, несмотря на это, получали неплохие знания»¹¹.

В еще более сложной ситуации находились учащиеся школ отдаленных горных районов¹². По воспоминаниям современников,

¹⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. 1941-1977. Сб. документов и материалов. Орджоникидзе, 1983. Т. 2. С.43.

¹¹ Малиев Н. Д. Славный путь. Школа № 1 с. Чикола. Владикавказ, 2008. С. 78.

¹² ЦГА РСО — А.. Ф. 786. Оп. 5. Д. 6. Л. 2.

че детство и школьные годы пришлось на послевоенное время, в таких школах тетради нередко заменяли уже исписанные листки, обрывки газет. Писали, как правило, огрызками карандашей. Обладатель пером для ручки был объектом зависти ровесников.

Для восполнения потерь изыскивались самые разные способы. Частично было возвращено школьное имущество, унесенное местными жителями во время войны. Необходимую мебель изготавливали в школьных мастерских. В качестве предметов школьного интерьера в сельской местности нередко служили самодельные столы, скамьи, табуреты, сделанные родителями учащихся. Учились в основном по изданиям довоенного периода, которые хотя и не покрывали потребностей школ в учебниках и учебных пособиях, но несколько смягчали острый дефицит.

Сложнейшей проблемой послевоенной школы являлось отсутствие достаточного количества преподавательских кадров. Многие учителя, ушедшие на фронт, остались на полях сражений. Другие, в силу жизненных обстоятельств, изменили вид деятельности. Третьи не вернулись в прежние места проживания. Восстановление системы школьного образования в республике началось вскоре после изгнания фашистских оккупантов с территории республики. Постановление Совнаркома Северо-Осетинской АССР «О возобновлении занятий в школах в освобожденной от немецко-фашистских захватчиков части территории республики» от 9 января 1943 года определило первоочередные задачи исполкомов Советов депутатов трудящихся и Народного комиссариата просвещения Северной Осетии по возобновлению работы школ¹³.

В начале марта 1943 года Народный комиссариат просвещения Северо-Осетинской АССР направил наркому просвещения РСФСР В.П. Потемкину докладную записку о состоянии школьной системы в республике. В записке ущерб, нанесенный школам Северной Осетии, был оценен в сумме около 80 млн. рублей¹⁴. Определяя важнейшую задачу в области культурного строительства, республиканское руководство указало в ней на проблемы

¹³ Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. Т. 2. С. 41.

¹⁴ Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. С. 43.

возрождения системы школьного образования в кратчайшие сроки. В том же году республике на отмеченные цели из государственного бюджета было ассигновано 3 млн. рублей, что позволило произвести частичные восстановительные работы и создать относительно приемлемые условия для проведения занятий в 154 школах. К 1 марта 1944 года в республике работали 170 школ¹⁵.

Одновременно с ремонтом и восстановлением школьных зданий оказывалась учебно-методическая помощь. По распоряжению СНК РСФСР от 25 февраля 1943 года для школ Северной Осетии было выделено 18 тыс. учебников, 500 коробок цветных карандашей, 25 тыс. грифельных карандашей, 43 тыс. перьев, 30 тыс. чернильных таблеток, 150 тыс. тетрадей, 400 коробок красок, на 25 тыс. рублей писчей бумаги и других школьных принадлежностей. По данным Главснабпроса Народного Комиссариата просвещения РСФСР, с 1 января по 15 марта 1943 года для Северо-Осетинской АССР было отгружено учебников для начальных и средних школ (сверх намеченных планом) в количестве 12 тыс. экземпляров, учебно-наглядных пособий и школьно-письменных принадлежностей на сумму 69,8 тыс. рублей¹⁶.

На развитие образования выделялись средства и из местного республиканского бюджета. В 1943 году ассигнования составили 19,7 млн. руб. (в ценах соответствующих лет). В 1944 году на нужды республиканских школ было затрачено 40,9 млн. рублей, а в 1946 году — 46 млн. рублей. В 1952 году сумма расходов на образование составила 86 млн. рублей. В этом же году для школ республики было приобретено учебно-наглядных пособий на 448 тыс. рублей¹⁷.

Финансирование образовательной системы позволило с 1948 по 1953 год построить и ввести в действие (включая восстановленные школы из числа разрушенных в годы войны) 78 школьных зданий. В сельской местности на восстановление и строительство школ привлекались трудовые ресурсы, материальные и финансовые средства колхозов. Всего к 1953 году в республике насчитывалось 393 школьных здания. Из них только 185 были ти-

¹⁵ ЦГА РСФСР — А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 391. Л. 1.

¹⁶ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 327.

¹⁷ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 46, 57.

повыми, остальные 208 арендовались у различных организаций и предприятий и приспособлялись под школьные нужды¹⁸.

Учащиеся Дзауджикауской средней школы № 5. 1950 г.

Главной задачей советской школы второй половины 1940-х — первой половины 1950-х годов, как и в предвоенные годы, являлось обеспечение обязательного общеобразовательного минимума. С целью решения обозначенной проблемы сразу же после окончания войны восстанавливается система всеобщего начального образования. При этом за относительно короткий срок произошло существенное количественное приращение начальных школ в Северной Осетии. Так, с 1940/41 по 1948/49 учебный год численность начальных школ выросла с 72 до 102. Но эта тенденция не имела продолжения, поскольку советская школа вступала в новую фазу практического претворения в жизнь программы всеобщего обязательного минимума, устанавливаемого в рамках семилетней школы. С учетом новых образовательных задач с 1949/50 учебного года постановлением Совета Министров

¹⁸ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 328.

республики от 29 июля 1949 года сеть школ была пересмотрена. Число начальных школ сокращалось до 96, семилетних школ — увеличивалось с 82 до 90. Число средних школ оставалось неизменным (71). Общее количество школ (с учетом всех типов школ, включая ШРМ, ШСМ, школы для взрослых) при этом выросло с 255 до 257 за счет ввода в эксплуатацию двух новых семилетних школ¹⁹.

Система всеобщего семилетнего образования в СССР формировалась на протяжении 1930-х годов. В столице Северной Осетии г. Орджоникидзе обязательное семилетнее обучение вводилось с 1930/1931 учебного года. С 1935/1936 года переход к всеобучу в объеме семилетки планировалось осуществить на всей территории республики. В действительности эта задача решалась медленнее, чем предполагалось первоначально. Поэтому 21 мая 1940 года Совет Народных Комиссаров Северо-Осетинской АССР, руководствуясь постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 августа 1930 года и постановлением СНК РСФСР от 22 июня 1935 года «О введении всеобщего обязательного обучения», решил продлить введение обязательного всеобщего семилетнего образования для детей в возрасте от 8 до 14 лет на последующее время, определив в качестве исходного момента 1939/1940 учебный год. Одновременно намечалось ввести обязательное обучение в специально создаваемых «ускоренных» школах с одногодичным или двухгодичным обучением для детей 10-14 летнего возраста, не прошедших курса начальной и неполной средней школы. По отношению к родителям, отказывавшимся посылать детей в школу или к самим детям, допускавшим систематические пропуски занятий по неуважительным причинам, предусматривалось применять меры административного порядка (взыскания в виде штрафов от 10 до 100 рублей, исправительно-трудовые работы от пяти дней до месяца)²⁰.

Война прервала начатый процесс. Советское государство вернулось к осуществлению задачи всеобуча в объеме семилетней школы только на рубеже 1940-х — 1950-х годов. Семилетнее об-

¹⁹ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1958. С. 113; ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 95-96.

²⁰ От века к веку. Страницы образования в Северной Осетии. М., 2001. С. 40.

разование стало обязательным для всех учащихся с 1952 года. В том же году, на XIX съезде КПСС была сформулирована новая задача в области школьного образования: к началу 1960-х годов осуществить переход к обязательному среднему образованию. Мы вернемся к рассмотрению этого вопроса позднее, а пока отметим, что на решение этой задачи потребовалось гораздо больше времени, чем предполагалось в начале 1950-х годов. Тем не менее, введение обязательного всеобщего восьмилетнего обучения в начале 1960-х годов явилось важным шагом к всеобщему среднему образованию, состоявшемуся в середине 1970-х годов.

В качестве образовательной структуры, обеспечивавшей наряду с обычными общеобразовательными школами выполнение задач всеобуча, были определены школы-интернаты. 4 ноября 1949 года Совет Министров Северо-Осетинской АССР принял постановление об утверждении сети школьных интернатов по республике. Количество интернатов предусматривалось увеличить с 8 до 14 (с расчетом на 380 мест). Организация, оборудование и содержание интернатов возлагались на исполкомы Садонского, Махческского, Орджоникидзевого, Алагирского районных и Малгобекского городского советов депутатов трудящихся. В 1949 году из бюджетов местных советов предусматривалось затратить на создание и обеспечение этих учебных заведений 218 тыс. рублей²¹. Большинство школ-интернатов создавались в сельских районах республики. Они ориентировались, прежде всего, на детей из беднейших социальных слоев общества и на сирот, потерявших кормильцев в годы войны. Интернаты предназначались также для привлечения детей, проживавших в отдаленных горных селениях, в которых отсутствовали собственные школы.

В 1956/57 учебном году в Северной Осетии насчитывалось 223 начальных, семилетних и средних школы (без учета школ рабочей и сельской молодежи и школ взрослых) — на 11 школ больше, чем в 1940/41 учебном году. Как видим, существенного количественного роста школьной системы не произошло. Определяющими в ней были качественные и структурные изменения.

²¹ От века к веку. Страницы образования в Северной Осетии. С. 53; ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л.96.

С 1940/1941 по 1956/1957 год заметно сократилось число начальных школ (от 72 до 57) и одновременно выросло количество средних школ (от 70 до 90). Что касается семилетних школ, то, несмотря на определенный их рост в первые послевоенные годы, уже с середины 1950-х годов наблюдается тенденция постепенного их сокращения. В 1956/57 учебном году насчитывалось 74 семилетние школы, а к 1962 году в республике не осталось уже ни одной семилетней школы. Все они были преобразованы в восьмилетние или средние школы²².

В послевоенное десятилетие успех выполнения задачи всеобщего обязательного обучения детей непосредственно связывался с проблемой вовлечения всех детей школьного возраста в учебный процесс. Поэтому существовавшая проблема отсева учащихся из школ постоянно находилась в поле зрения органов образования, ответственных за выполнение закона о всеобуче. Борьба шла, по сути, за каждого ученика.

В сентябре 1947 года из 50270 учтенных детей 7-14-ти летнего возраста школу не посещали 1671 человек или 2,1%. Особенно неблагоприятно ситуация складывалась в ряде сельских районов. К примеру, в Нартовском районе этот показатель составлял 9,2%. В Курпском районе он равнялся 7,2%, в Кировском — 7,1%, в Садонском — 5,7%, в Орджоникидзевском — 5,3% и т.д. В течение 1947/1948 учебного года из школ Северной Осетии по разным причинам отсеялось 4870 учащихся (7,1%).

Приведенный факт послужил основанием для того, чтобы в постановлении Президиума Верховного Совета Северо-Осетинской АССР о выполнении закона «О всеобщем обязательном обучении детей» (сентябрь 1947 года) охарактеризовать работу образовательных учреждений республики как неудовлетворительную²³.

Неизменными спутниками отсева учащихся являлись неуспеваемость и второгодничество. Так, в 1946/1947 учебном году из

²² В перечень вошли имевшиеся в республике две школы для детей с ограниченными возможностями.

Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 113; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1964. С. 171.

²³ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 50.

68760 учащихся 50929 человек, 74,1%, окончили школу и были переведены в следующий класс. На второй год остались 9839 учащихся (4,3%); а 7992 школьникам (1,6%) назначены осенние испытания. Примерно такая же картина наблюдалась и в последующие годы. На 15 сентября 1948 года в школах республики обучалось 89253 человека. В конце учебного года в следующий класс были переведены или окончили школу 68993 учащихся, то есть 77,3%; остались на второй год 6726 (7,5%); испытания на осень назначены 7356 школьникам (8,2%). Остальные просто покинули школу, не завершив учебы²⁴.

Основная причина оттока детей из школ заключалась в крайне тяжелых материально-бытовых условиях, в которых в первые послевоенные годы жило подавляющее большинство рядовых граждан. Дети часто были лишены самого необходимого. Из-за отсутствия теплой одежды, обуви в зимние месяцы численность детей, не посещавших школу, возрастала. Особенно страдали жители горных районов (Садонского, Махческского, Ирафского). Нередко школы располагались в нескольких километрах от дома. Для младших школьников, впрочем, как и подростков, плохо одетых, часто босых, живущих впроголодь такое расстояние, особенно зимой, оказывалось непреодолимым.

Но даже в том случае, когда дети добирались до школы, им трудно было сосредоточиться на учебном процессе. В холодное время года школы отапливались дровяными печами. Но нередко из-за отсутствия средств, несогласованности с местными властями и по иным причинам дров заготавливалось недостаточно или не заготавливалось вовсе. К началу 1949/50 учебного года для школ республики (в том числе интернатов), например, планировалось завезти 15887 и для учителей 16110 кубометров дров. Реально же, к 1 ноября было завезено для школ 12725 и учителей 9300 кубометров дров, что составляло соответственно 80,0% и 57,7% запланированного объема. Особенно плохо обеспечивались топливом Нартовский, Аланский, Дигорский, Гизельдонский и другие сельские районы. Из-за холода в школах нередко

²⁴ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 50; ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 59.

на два-три дня в неделю отменялись занятия. Некоторые дети, поддерживаемые родителями в подобных обстоятельствах, вообще отказывались посещать школу. Неблагоприятные условия негативно сказывались на состоянии здоровья учащихся и на результатах учебного процесса.

Не лучше обстояло дело и в школах-интернатах. Из-за ограниченности финансовых возможностей местных Советов, последние не в состоянии были обеспечить нормальное функционирование этих учебных заведений. Многие интернаты крайне неудовлетворительно снабжались топливом и продуктами питания. Не удивительно, что в подобных обстоятельствах руководство образовательных учреждений не могло силой удерживать учащихся. В январе 1952 года школы-интернаты Махчешского района только из-за холода покинуло 20% детей²⁵.

Другая причина отсева заключалась в том, что за годы войны многие семьи лишились кормильцев. И дети, особенно подростки, стали главными помощниками в домашнем хозяйстве, а то и кормильцами. Они, наравне с взрослыми, работали на промышленных предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах. Иллюстрацией к сказанному служат сведения, извлеченные из справки Министерства просвещения СО АССР от 24 февраля 1953 года о результатах выполнения закона о всеобуче. В ней отмечалось, что в течение первого полугодия 1952/1953 учебного года отсеялось по «неуважительным» причинам 196 детей. Далее шла расшифровка «неуважительных» причин: а) отдаленность от школ, в результате чего отсеялось 8 человек; б) работа на предприятиях — 49 человек; в) работа в колхозе — 52 человека; г) домашние обстоятельства — 41 человек; д) исключено — 46 человек²⁶.

Принимая во внимание неполноту и отчасти неточность приведенных данных, тем не менее, можно судить о реальных обстоятельствах оттока учащихся из школ. Совершенно очевидно, что подавляющее большинство детей оставляли учебу по материальным причинам, вынужденные самостоятельно зарабатывать средства к существованию. Более 50% отмеченных детей оста-

²⁵ ЦГА РСО — А., Ф. 786. Оп. 1. Д. 533. Л. 2.

²⁶ ЦГА РСО — А., Ф. 786. Оп. 1. Д. 563. Л. 11.

вили школу, потому что они не могли совмещать учебу в школе с работой в колхозах и на предприятиях.

Другая немаловажная причина была обусловлена болезнями, которым детский организм, из-за плохого питания, тяжелой, не по возрасту, работы, был особенно подвержен. Частые пропуски занятий по болезни отражались на успеваемости и нередко вели к тому, что дети оставались на второй год, а затем вообще бросали школу.

Не менее серьезной причиной отсева детей из школ являлось то, что до середины 1950-х годов обучение в старших классах оставалось платным. И многие родители, не имея достаточных средств, чтобы оплатить учебу, вынуждены были забирать детей из школы.

Встречались и такие случаи, когда подростки, чаще всего, девочки, покидали школу под давлением родителей, полагавших, что в «большом образовании» нет необходимости, а для обыденной жизни вполне достаточно усвоенных азов грамотности.

К середине 1950-х годов выявилась еще одна категория детей, оставлявших школу не завершив обучения. Это были переростки. Многие из них давно переросли своих одноклассников по возрасту. Нередко бывало, что в 3 классе начальной школы учились ребята в возрасте 12-14 лет. Среди учащихся 4-х классов можно было встретить и 18-тилетних ребят. Они не желали учиться в «детской» школе и покидали ее²⁷.

Таким образом, проблема сохранялась. Даже в столице республики, где ситуация всегда была лучше, чем в других населенных пунктах Северной Осетии, в 1955/1956 учебном году по данным органов образования из 21 336 учащихся школу посещали 19 794 (92,7%). За первое полугодие 1955/1956 учебного года отсеялось 1311 человек. В Моздокском районе из 5259 детей школьного возраста каждый десятый оказался вне школьного обучения. В школах Ирафского района в сентябре 1955 года обучалось 4385 учащихся, в феврале 1956 — 4155 человек (94,7%). Следует учитывать, что в официальных отчетных документах действительное положение вещей нередко искажалось, поэтому можно предположить, что реальные цифры могли быть еще ниже²⁸.

²⁷ ЦГА РСО — А.. Ф. 786. Оп. 1. Д. 667. Л. 3.

²⁸ ЦГА РСО — А.. Ф. 786. Оп. 1. Д. 667. Л. 2, 6, 8.

Складывавшаяся ситуация вызывала серьезное беспокойство руководителей системы образования, поскольку она противоречила основным целям образовательной политики и препятствовала осуществлению программы всеобща. Проблема оттока детей из школ неоднократно обсуждалась партийно-государственными органами, ответственными за решение задач народного образования. В январе 1949 года в г. Орджоникидзе состоялось совещание директоров и заведующих учебными частями школ столицы республики. В центре внимания участников совещания находился важнейший вопрос о недопустимости отсева детей из школ. В заключительном документе подчеркивалось, что среди первостепенных мероприятий, которые следует провести с целью улучшения работы школ во втором полугодии 1948/1949 учебного года, — необходимо: «принять меры, обеспечивающие в двухнедельный срок возврат в школы всех детей, отсеявшихся по неуважительным причинам в первом полугодии. В дальнейшем не допускать ни одного случая отсева детей из школ, принимая своевременные меры предупреждающего характера»²⁹.

Особая ответственность за охват детей всеобщем возлагалась на педагогические коллективы. Поэтому в стремлении вернуть учащихся в школу, учителя использовали самые разные методы убеждения и принуждения. Родителей заставляли отправлять детей в школы даже вопреки желанию обеих сторон. На «нерадивых» родителей пытались воздействовать и через трудовые коллективы, в которых они работали.

Но никакие административные санкции не могли вернуть и удержать детей в школе до тех пор, пока сохранялись причины, порождавшие отсев, прежде всего, — бедность. В 1956 году на февральском совещании заведующих районными отделами народного образования Северной Осетии рассказали о семье, проживавшей в одном из селений Моздокского района. Единственная кормилица — мать не в состоянии была обеспечить пятерых детей ни теплой одеждой, ни обувью. Дети не только не учились, в холодное время года они вообще не имели возможности выйти на улицу из-за отсутствия элементарной одежды. Таких семей в

²⁹ ЦГА РСО — А., Ф. 771. Оп. 1. Д.46. Л. 6.

первые послевоенные годы было немало. Не решался и вопрос подвоза учащихся в школы из отдаленных населенных пунктов. Впрочем, среди педагогов встречались и такие, кто полагал, что в подобной практике нет необходимости. «Расстояние в 2-3 километра для учеников восьмых классов только физкультурная зарядка», — отмечал в своем выступлении на том же совещании заведующий Дарг-Кохским районным отделом народного образования³⁰.

Использование административных методов воздействия на педагогические коллективы и родителей для предотвращения оттока детей из школ оказывалось малоэффективным. Поэтому наряду с принудительными мерами, изыскивались и другие способы удержания учащихся в школах. В этом смысле гораздо более действенной представлялась деятельность создававшихся на предприятиях и в учреждениях фондов помощи всеобучу. Эти фонды оказывали помощь детям из малообеспеченных семей. Патрионуемым и опекаемым детям выделялись деньги на приобретение одежды и обуви. Помощь нуждающимся детям оказывали и родительские комитеты школ. Так, в I полугодии 1948/1949 учебного года в школах города Орджоникидзе 705 ученикам была оказана материальная помощь на сумму 157 тыс. руб. Родительские комитеты городских школ №№ 22, 5, 11, 27, 3 и других оказали помощь одеждой и обувью 114 учащимся. В результате проделанной работы в школы смогли вернуться и продолжить учебу 107 детей³¹. Подобные акции формировали благоприятную перспективу в решении проблемы возвращения детей в школы.

Но, в целом, приходится признать, что возможности оказания материальной помощи были ограничены, размеры ее в масштабе республики были незначительны. Поэтому, в случае если в основе проблемы оттока детей из школ лежали причины материального, а не иного порядка, успешное решение вопроса оставалось, по-прежнему, проблематичным.

Тем не менее, упорная и последовательная работа по возвращению детей в школы продолжалась. Важным позитивным мо-

³⁰ ЦГА РСО — А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 667. Л. 3, 7.

³¹ ЦГА РСО — А. Ф. 771. Оп. 1. Д. 46. Л. 24.

ментом в привлечении детей являлась отмена с 1956/1957 учебного года платы за обучение в старших классах школы. Безусловно, такая политика не была продиктована одними лишь гуманитарными задачами. Она определялась жесткой социально-политической необходимостью. Школа решала не только задачу обучения детей. Она была нацелена на воспитание нового человека, преданного идеалам коммунизма, способного отстаивать интересы социалистического государства. Тем более, что Советский Союз после окончания Второй мировой войны стал «оплотом мировой системы социализма», а его граждане должны были находиться «в авангарде строительства нового мира».

Кроме того, руководство страны исходило из назревавших проблем обеспечения в экономике научно-технической революции, технологического развития, освоения новых научно-технических отраслевых задач. Поэтому с начала 1950-х годов, практически сразу после перехода советской школы к семилетнему всеобучу, начинается активное обсуждение вопроса о переходе к всеобщему среднему образованию.

В контексте новых тенденций в образовательной политике 15 мая 1953 года Совет Министров СО АССР принимает постановление «Об осуществлении перехода к всеобщему среднему образованию в г. Дзауджикау» (г. Владикавказ), дублирующее союзное решение. В нем отмечалось:

«1. Просить Совет Министров РСФСР утвердить представленный Министерством просвещения Северо-Осетинской АССР план завершения перехода к концу пятилетки от семилетнего образования на всеобщее среднее образование (десятилетку) в г. Дзауджикау...»³².

Поспешность принятия этого решения на фоне существовавших проблем в системе образования была очевидна. Тем более в масштабах небольшой национально-автономной республики. Но вместе с тем, было понятно, что данное решение имело общесоюзное мобилизующее значение и отвечало важнейшим стратегическим вызовам времени наравне с освоением целины, на фоне

³² Дзауджикау переименован в Орджоникидзе 24 февраля 1954 г. — Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 56.

ударных комсомольскихстроек и создания ракетно-ядерного щита страны.

Потребности общественного развития, обеспечения безопасности страны обуславливали растущие требования к уровню образовательной подготовки молодежи. Одним из основных направлений в деятельности послевоенной школы являлась работа по улучшению качества обучения в школе. Ряд нововведений в организации учебного процесса, принятых в 1944 году были направлены на решение этой задачи. Постановлением ЦК ВКП (б) от 21 июня 1944 года устанавливались обязательные выпускные экзамены для оканчивавших начальную и семилетнюю школу, вводилось награждение золотыми и серебряными медалями выпускников средней школы, «которые в течение года и при сдаче экзаменов на аттестат зрелости проявили глубокие знания при отличном поведении». Как отмечалось в постановлении, предусмотренные ЦК ВКП (б) меры были направлены «на улучшение работы общеобразовательной школы, повышение успеваемости и укрепление дисциплины учащихся, усиление ответственности педагогического персонала за качество обучения»³³.

Важным фактором повышения эффективности работы школ являлось укрепление учебно-методической базы. Постепенно налаживалась система снабжения школ учебниками, наглядными пособиями. Количество выпускаемой учебной литературы не восполняло всей потребности учащихся. Поэтому по-прежнему широко использовались учебники и учебные пособия довоенного периода, одновременно практиковалась покупка подержанных учебников у населения.

В целях оптимизации учебного процесса в 1946 году Совет Министров РСФСР принял решение об организации в начальных школах автономных республик, краев и областей подготовительных классов. Была облегчена и программа преподавания в начальной школе. Проведение этих мероприятий предусматривало улучшение работы начальной школы и преодоление таких негативных явлений в школьной практике, как второгодничество

³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1986. М., 1985. Т.7. С. 505.

и неуспеваемость. Конечно, означенные проблемы решались не просто, но положительная динамика обнадеживала. Так, если в первом полугодии 1947/1948 учебного года из 81 119 учащихся общеобразовательных школ Северной Осетии успевало 76,4%, в первом полугодии 1949/1950 учебного года из 89 660 — 81,9%, то в 1954/1955 учебном году среди 75 397 школьников успеваемость составляла 86,4%. На второй год было оставлено 13,7% человек³⁴.

Показатели успеваемости по городским и сельским школам обычно разнились не в пользу последних. Причин тому было как всегда множество: и менее благополучное материально-техническое состояние школ и учебно-методической базы, и нехватка или низкий уровень квалификации педагогических кадров, и различия в укладе жизни городских и сельских жителей, и особенности функционирования национальных школ и слабое владение русским языком, что являлось серьезным препятствием для усвоения школьной программы.

Анализ имеющихся документальных источников позволяет судить о высоких требованиях, предъявляемых к оценке знаний учащихся в рассматриваемые годы. На наш взгляд, уровень требовательности к знаниям учащихся существенно мог влиять на показатели успеваемости и второгодничества в школе. Работа педагогических коллективов, в этом смысле, находилась под пристальным контролем органов власти. В постановлении бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 19 февраля 1948 года «Об итогах работы школ СО АССР за первое полугодие 1947/1948 учебного года» подчеркивалось: «...1.г) обеспечить в школах повседневный контроль за применением учителями установленных норм оценок знаний учащихся, не допуская при этом либерализма; постоянно контролировать в школах ведение классных журналов всеми учителями, ликвидировать пропуски занятий без уважительных причин...»³⁵.

Таким образом, перед школой ставилась задача совершенствования образовательного процесса, улучшения качества и повышения степени усвоения знаний учащимися. Высокая требо-

³⁴ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 1. Д. 543. Л. 74; Оп. 6. Д. 234. Л. 35; История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С.404.

³⁵ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 5. Д. 543. Л. 77.

вательность к оценке качества знаний оптимизировала развитие советской школы. Но важным условием решения поставленной задачи являлось, помимо всего прочего, наличие квалифицированных педагогических кадров. Между тем, профессиональные кадры, особенно в первые послевоенные годы, были «слабым звеном» в системе школьного образования.

В 1946 году школы республики были обеспечены учителями лишь на 70,2%. Вместо требуемых 3217 насчитывалось лишь 2258 учителей. Немногим более половины из них имело какое-либо педагогическое образование³⁶. Нередки были случаи, когда профессиональная подготовка учителей совершенно не соответствовала преподаваемому предмету. Нехватка педагогических кадров в школах восполнялась разными способами. Прежде всего, преподавательский состав школ пополнялся за счет возвращавшихся домой учителей. В течение двух послевоенных лет из действующей армии демобилизовалось около двух тысяч учителей. Однако ни по количественным, ни по качественным показателям имевшийся преподавательский кадровый потенциал не соответствовал потребностям общеобразовательных школ Северной Осетии.

Наиболее сложная ситуация складывалась в школах сельской местности. В течение 1949 года в школы республики было направлено 532 человека. Но на 1 ноября отмеченного года в сельских районах по-прежнему не хватало 76 учителей, из них 60 по иностранному языку, хотя совместительство широко практиковалось³⁷.

В сельских школах постоянная нехватка в педагогических кадрах, помимо всего прочего, обуславливалась тяжелыми, в климатическом и бытовом смысле, условиями жизни в сельской местности, особенно в отдаленных горных аулах. Многие молодые специалисты, как правило, коренные горожане, не выдерживали суровых условий жизни. Поэтому на протяжении долгого периода частая сменяемость учительских кадров, отсутствие предметников оставалась одной из серьезнейших и трудно решаемых проблем в сельских школах.

Для ускоренной подготовки преподавателей были созданы

³⁶ ЦГА РСО — А., Ф. 786. Оп. 1. Д. 400. Л. 4.

³⁷ ЦГА ИПД РСО — А., Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 98.

двухлетние учительские институты. Подготовка учителей по сокращенной программе осуществлялась и на базе специальных одиннадцатых педагогических классов, открытых в некоторых школах республики. В традиционном формате преподавательские кадры готовились также Северо-Осетинским государственным педагогическим институтом и Северо-Осетинским педагогическим училищем. В 1948 году из этих учебных заведений в школы республики было направлено 250 учителей. Число выпускников росло с каждым годом. В 1955 году дипломы только о высшем педагогическом образовании получили 300 человек³⁸.

В результате целенаправленной деятельности образовательных органов в данном направлении, к середине 1950-х годов школы республики, в основном, были обеспечены педагогическими кадрами. С 1950/51 по 1955/56 учебный год число учителей во всех школах Северной Осетии выросло с 3913 до 4480, (для сравнения: в последнем предвоенном году в школах республики насчитывалось 2978 учителей)³⁹.

Количественное наполнение преподавательского состава школ позволило повысить требовательность к уровню подготовки учителей. Были ликвидированы двухлетние учительские институты и одиннадцатилетние педагогические классы. Подготовку учителей средней школы отныне предполагалось осуществлять только на базе десятилетней школы. В своем выступлении на 1-м съезде учителей Северо-Осетинской АССР (19-20 августа 1955 года) министр просвещения республики А.Г. Тотров подчеркивал: «...на работу не только в 8-10 классы, но и 5-7 классы отныне будут направляться только лица, имеющие законченное высшее образование»⁴⁰.

Совершенствование системы подготовки педагогических кадров находило отражение в изменении квалификационного уровня преподавателей. Рос удельный вес учителей с высшим образованием и, напротив, снижалась доля учителей с незаконченным средним образованием. В 1950/51, 1952/53 и 1958/59 учебном

³⁸ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 75; ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 634. Л.33.

³⁹ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 113.

⁴⁰ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 634. Л. 33.

М. З. Уруймагов

году эти показатели соответственно изменялись следующим образом: доля первых росла — 27,1; 33,8; и 46,2%; доля вторых снижалась — 2,8; 1,7 и 0,7%⁴¹. К середине 1950-х годов в школах республики работало немало высококвалифицированных преподавателей, занимавшихся образованием и воспитанием подрастающих поколений. Среди них — М. З. Уруймагов, А. М. Круглеевская, Е. А. Лосева, Н. П. Мазуренко, Е. С. Нечипурнова и другие.

Наряду с образовательными задачами школа была призвана выполнять важнейшую функцию идейно-политического воспитания подрастающего поколения. Она должна была формировать в сознании школьников коммунистические идеалы, чувства патриотизма, коллективизма и неприятия индивидуалистической психологии, убежденности в верности избранного Коммунистической партией пути. Но для реализации этой политики нужны были не просто учителя-предметники. Не меньшие, а иногда и более высокие, чем к профессиональному уровню, требования предъявлялись к идейно-политической подготовке преподавателей.

Во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов в образовании, так же, как и в других отраслях культуры, все более ощущается усиление идеологического диктата, характерного для всей общественной жизни страны. Руководители учебных заведений, по сути, наделялись контролирующими функциями. Они были обязаны систематически проверять работу учителей не только на предмет повышения ими своей профессиональной квалификации, но и овладения основами марксизма-ленинизма, идейно-политической выдержанности в преподавании основ наук в учебно-воспитательном процессе. В октябре 1948 года вопросы постановки идейно-политической работы в школе рассматривались на заседании бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б). «В

⁴¹ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 561. Л. 30.

результате неудовлетворительного состояния политической работы среди учителей, — отмечалось в постановлении бюро обкома партии от 7 октября 1948 года, — серьезные недостатки имеются в постановке комсомольского воспитания учащихся. Отдельные преподаватели на уроках недостаточно показывают превосходство советского общественного и государственного строя перед капиталистическим строем, слабо увязывают преподавание с современностью, с новейшими достижениями науки и в частности в области биологии»⁴². Постановление бюро обкома обязывало горкомы и райкомы ВКП (б) создать при средних и неполных средних школах кружки для учителей по изучению «Краткого курса истории ВКП (б)» и произведений Ленина и Сталина. Руководители кружков утверждались райкомом ВКП (б). Ими же обеспечивалось систематическое инструктирование руководителей по очередным темам занятий. Помимо участия в кружковых занятиях, учителя обязаны были заниматься политическим самообразованием.

В послевоенное десятилетие в ряду образовательных задач, определенных государством, немаловажное место занимала проблема ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения. Этот вопрос постоянно находился в поле зрения высших партийных и советских органов. Он систематически выносился на обсуждение бюро Северо-Осетинского обкома и Совета Министров республики. Работа велась в двух направлениях: выявление категории неграмотных и малограмотных и их обучение.

В 1953 году органами образования было выявлено 13706 неграмотных и малограмотных. Из них на 1 января 1954 года прошли обучение 1765 человек, и продолжали учиться 2083 человека. На обучение израсходовано 63,1% выделенных средств. В 1955 году было предусмотрено охватить 5000 неграмотных и 4000 малограмотных. Фактически обучение прошли 730 человек (8,1%). Из ассигнованных на это мероприятие 358 тыс. рублей было израсходовано 198 тыс. рублей (55,3%)⁴³.

⁴² ЦГА ИПД РСО — А., Ф.1. Оп. 5. Д. 576. Л. 11.

⁴³ ЦГА ИПД РСО — А., Ф. 1. Оп. 6. Д. 562. Л. 27.

Тем не менее, надо признать, что предпринимаемые органами власти усилия в решении проблемы ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения (в возрасте от 16 до 50 лет), все же были не напрасны. Из года в год число людей, подлежащих обучению, сокращалось и потому, что они проходили курс обучения и в силу того, что выбывали по возрасту из возрастных категорий, подлежащих обучению.

При этом следует обратить внимание еще на один момент. Если в 1920-е — 1930-е годы эта задача рассматривалась как важнейшее условие достижения всеобщей грамотности и осуществления культурной революции, то в первые послевоенные годы акценты в решении данной проблемы расставлялись несколько иначе. Основное внимание органов народного образования, ответственных за ликвидацию неграмотности и малограмотности, было направлено, прежде всего, на работу среди молодежи призывного и допризывного возраста. Большой интерес к данной проблеме был обусловлен, главным образом, двумя факторами: во-первых, ростом потребности народного хозяйства в квалифицированных специалистах, подготовка которых была невозможна без определенного образовательного уровня. Во-вторых, в послевоенные годы в связи со складыванием двух противостоящих друг другу мировых систем и нарастанием проявлений «холодной войны» произошло резкое обострение международной ситуации. В изменившихся условиях послевоенного устройства мира на первый план выходила задача повышения обороноспособности страны. Обслуживание создаваемой военной техники, подготовка к выполнению боевых задач в новых условиях требовали грамотных специалистов.

Между тем, как указывалось в постановлении Совета Министров Северо-Осетинской АССР «О ликвидации неграмотности и малограмотности среди молодежи допризывного и призывного возраста» (под грифом «секретно») от 9 октября 1953 года, наличие среди молодежи неграмотных и малограмотных, а также плохое знание русского языка затрудняют прохождение ими действительной военной службы. Поэтому среди тех, кого в первую очередь следовало охватить обучением на протяжении 1940-х —

1950-х годов преобладала молодежь призывного и допризывного возраста⁴⁴.

Большую работу среди неграмотных и малограмотных вели учителя и учащиеся старших классов. В решении задач ликвидации неграмотности и малограмотности немаловажную роль призваны были сыграть особые семилетние и средние учебные заведения: школы рабочей молодежи (ШРМ), а затем и школы сельской молодежи (ШСМ), которые начали создаваться в республике с 1944 года. Новая форма обучения оказалась весьма востребованной, так как она давала возможность работающей молодежи, в том числе переросткам, окончить школу без отрыва от производства.

В 1950-е годы ШРМ и ШСМ в Северной Осетии приобретают все большую популярность. С 1950/51 по 1956/57 учебный год количество школ рабочей молодежи в республике выросло с 8 до 14, школ сельской молодежи — с 13 до 17. В г. Орджоникидзе работала также одна средняя заочная школа для взрослых. С 1950/1951 по 1956/1957 учебный год численность учащихся в ШРМ и ШСМ, а также в школе для взрослых выросла почти вдвое с 2739 до 4785 человек.

Все школы рабочей молодежи в Северной Осетии, за исключением одной, являлись средними. Напротив, среди школ сельской молодежи до 1955 года не было ни одной средней школы. Но вскоре большинство ШСМ также начали работать по программам средних школ. В 1956/57 учебном году из пятнадцати семилетних школ сельской молодежи осталось только пять. Десять семилетних школ были преобразованы в средние, и одновременно открыты еще две средние школы⁴⁵.

Развитие школ рабочей и сельской молодежи, также как и 16 действовавших к этому времени школ-интернатов, активно поддерживалось, так как их деятельность обеспечивала реализацию программы обязательного всеобщего обучения для молодежи, вышедшей из школьного возраста, а также детей, лишенных возможности по разным причинам обучаться в обычных общеобразова-

⁴⁴ ЦГА РСО — А.. Ф. 786. Оп. 1. Д. 140. Л. 18об.

⁴⁵ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 118, 119.

зовательных школах. В 1956/57 годах в Северной Осетии в школах всех типов обучалось 73,2 тыс. учащихся⁴⁶.

В целом, в послевоенное десятилетие в развитии системы школьного образования произошли заметные позитивные сдвиги. Но, оценивая изменения в послевоенной школе республики, следует учитывать, что она постоянно сталкивалась в своей работе с множеством проблем социального, материального, политического, идеологического характера. Советское государство строило свою образовательную политику, исходя из принципа необходимости и достаточности, что находило отражение также в системе школьного образования Северной Осетии. Низкий уровень материального благосостояния населения затруднял создание прочной материально-технической базы школ, обеспечение высокого качества обучения. Присутствие идеологической доминанты в учебных программах, несовершенные методики преподавания также отрицательно сказывались на глубине и прочности знаний. Кроме того, бедность, бытовая неустроенность, неразвитость социальных институтов, формировавших общественный статус семьи, были столь значительны, что требовали первоочередного своего решения для успешного осуществления образовательных и политических задач всеобща.

1.2. Количественные и структурные изменения в системе школьного образования в середине 1950-х — 1960-х годов

С середины 1950-х годов определяющим фактором общественного развития, менявшим картину мира и создававшим новые отношения вчерашних равновеликих держав, становится научно-техническая революция. Завершив восстановительный период, СССР вступал в новую эпоху, имея определенный инвестиционный, научный и духовный потенциал для социально-экономического роста. Однако для активного поступательного развития советского общества достигнутого было заведомо недостаточно. Научно-технический прогресс предъявлял повышенные требования

⁴⁶ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 113, 119.

к образовательному уровню населения как решающему условию такого развития. Именно поэтому в последующее десятилетие центральное место в культурной политике советского государства заняли вопросы совершенствования системы образования.

Начиная с середины 1950-х гг. советская школа переживает череду модернизационных преобразований, которые, как полагают отцы-реформаторы, позволяли создать школу, способную адекватно реагировать на вызовы трансформирующегося мира. К отмеченному времени задачи советской школы были определены достаточно ясно. Неизменной оставалась решающая роль школы в формировании новых поколений советских граждан, обладающих определенным объемом знаний, идейно и политически воспитанных в духе коммунистических идеалов. Вместе с тем, в условиях развертывания научно-технической революции произошло новое осмысление школы, как образовательной структуры, способной обеспечить подготовку квалифицированных кадров для постоянно растущего общественного производства.

В контексте сформулированных задач строилась работа всей системы школьного образования, как в центре, так и в национальных регионах. Вопросы школьного строительства находились в центре внимания республиканских партийных и советских органов Северной Осетии. Они рассматривались на заседаниях бюро, пленумах Северо-Осетинского обкома КПСС, на партийных конференциях, сессиях Верховного Совета и заседаниях Совета Министров республики. В принимаемых документах обосновывались приоритетные направления в развитии общеобразовательной школы, вырабатывались адаптационные механизмы реализации государственной образовательной политики применительно к местным условиям.

С середины 1950-х годов общеобразовательная школа в Северной Осетии вступала в новый этап развития, характеризовавшийся важными количественными и структурными изменениями. В этот период в системе народного образования наблюдается тенденция сокращения численности общеобразовательных школ и количества обучавшихся в них детей. Так, в 1950 году в 243 дневных школах (начальных, семилетних, восьмилетних и сред-

них) насчитывалось 84,1 учащихся. В 1956/57 учебном году в 223 действовавших в республике дневных школах училось 73,2 тыс. человек. В 1958 году число школ несколько выросло, составив 231, но количество учащихся в них сократилось до 69,4 тыс. человек⁴⁷.

Выпуск Мизурской средней школы 1959 г.

Наблюдавшаяся во второй половине 1950-х гг. нисходящая динамика количественных показателей в структуре школьного развития была обусловлена в основном тремя факторами. Прежде всего, сказались последствия войны. С 1949/50 учебного года контингент учащихся пополнялся за счет детей, появившихся на свет в военный период, когда рождаемость естественно была ниже, чем в мирное время. Сокращение численности школ и учащихся в них было связано также с территориальными изменениями, произошедшими в 1957 году, когда после восстановления Чечено-Ингушской автономии, ей были переданы некоторые районы, входившие до того в состав Северо-Осетинской АССР. На уменьшение количества школ заметное влияние оказало и реформирование системы школьного образования, сопровождав-

⁴⁷ См.: Народное хозяйство СО АССР. Стат. сборник. С. 113,119; Северная Осетия за годы советской власти. Стат. сб. Орджоникидзе, 1967. С. 207, 208.

шея сокращением численности начальных и семилетних школ и одновременным увеличением доли восьмилетних и средних школ.

С начала 1960-х годов ситуация в системе школьного образования Северной Осетии стала меняться. Если в 1960/61 учебном году в школах всех типов, включая школы рабочей и сельской молодежи, обучалось 81,2 тыс. человек, то есть меньше, чем в 1950/51 учебном году (86,8 тыс. человек), то в 1965/66 учебном году во всех школах насчитывалось уже 106,9 тыс. детей и взрослых. Тенденция роста сохранялась и в последующие годы. Особенно высок был наплыв учащихся в ШРМ и ШСМ. Так, в дневных общеобразовательных школах (начальных, семилетних, восьмилетних и средних) численность учащихся с 1950/51 по 1965/66 учебный год выросла в 1,2 раза, а в школах рабочей и сельской молодежи в 3,7 раза. За этот же период количество всех общеобразовательных школ, включая школы для детей с дефектами умственного и физического развития, выросло с 265 до 284. Обращает на себя внимание тот факт, что приращение произошло в основном за счет вечерних школ: в 1950/51 учебном году их насчитывалось 22, а в 1965/66 учебном году — 59 школ. Что же касается дневных общеобразовательных учреждений, то здесь наблюдается абсолютное сокращение общего числа таких школ. В 1950/51 учебном году в республике работали 243 дневные школы, в 1960/61 учебном году их насчитывалось 236, в 1965/66 — 225⁴⁸. Но в данном случае мы можем говорить лишь о сокращении общей численности дневных школ в целом. Более внимательное рассмотрение вопроса позволяет судить о том, что внутри разных видов дневных школ изменения носили разнонаправленный характер.

На протяжении всего исследуемого периода происходит укрупнение школ за счет закрытия начальных школ или объединения их с преобразуемыми в восьмилетки семилетними школами, а также со средними школами. Но, если заметного приращения числа неполных средних школ не произошло (с 78 в 1950/51 учебном году до 80 в 1965/66 учебном году), то количество сред-

⁴⁸ Северная Осетия в восьмой пятилетке. Орджоникидзе, 1972. С. 147.

них школ за соответствующий период увеличилось существенно: с 71 до 101 школы⁴⁹.

Итак, в 1950-е — первой половине 1960-х годов в системе народного образования наряду с дневными средними школами наблюдается устойчивое развитие школ рабочей, сельской молодежи и школ взрослых. С принятием Закона «Об укреплении связи школы с жизнью» в декабре 1958 года интерес со стороны государства и общества к школам этого типа заметно вырос.

В культурной политике государства они по-прежнему расценивались как наиболее эффективное образовательное учреждение, способное вовлечь работающую молодежь в учебный процесс, обеспечить возможности для овладения общетеоретическими знаниями и практическими навыками, необходимыми для освоения рабочей профессии и повышения рабочей квалификации. Внимание со стороны партийно-государственных органов к вечерним (сменным) школам и заочным школам взрослых было обусловлено также ролью, которая им отводилась в реализации программы всеобщего обязательного восьмилетнего обучения. По официальным данным в 1966 году в Северной Осетии не имели восьмилетнего образования более 12 тыс. человек в возрасте от 16 до 29 лет. Органы народного образования, партийные и комсомольские организации подведомственных учреждений обязаны были решать задачу вовлечения этой молодежи в вечерние школы⁵⁰.

Что касается учащейся молодежи, то растущий интерес ее к школам рабочей и сельской молодежи в конце 1950-х — начале 1960-х гг., помимо отмеченного выше, обуславливался к тому же несколько иными мотивами. В условиях, когда средняя общеобразовательная школа получила «политехнический» профиль, вечерние школы стали рассматриваться определенной частью общества, прежде всего, представителями интеллигенции, как более приемлемая и необходимая ступень в образовательных и карьерных устремлениях их детей. Учащиеся, окончившие восемь классов дневной общеобразовательной школы, поступали в девятый класс вечерней школы и через два года могли рассчитывать

⁴⁹ Северная Осетия в восьмой пятилетке. С. 147.

⁵⁰ ЦГА ИПД РСО — А., Ф.1. Оп. 56. Д. 6. Л. 19.

на получение документа о среднем образовании («аттестата зрелости»). Политехническая же школа удлиняла этот путь, поскольку предусматривала совмещение учебы в общеобразовательной школе с трудом на производстве в течение трех лет. Причем при выборе производственной базы обучения организаторы этого процесса практически никогда не руководствовались наклонностями и способностями учащихся, предлагая имевшийся в их распоряжении ограниченный перечень рабочих специальностей.

Вполне закономерно, что количество школ рабочей и сельской молодежи особенно быстро росло в период наиболее активной реализации политехнической реформы в дневной общеобразовательной школе. Если с 1950/51 до 1957/58 учебного года численность школ рабочей и сельской молодежи и заочных школ взрослых в Северной Осетии выросла с 22 до 35, а количество обучающихся в них — в 1,9 раза (от 2739 до 5198 человек), то в 1960/61 учебном году их насчитывалось 62 школы с 7420 учащимися. Больше всего школ этого типа (65) работало в республике в 1964/65 учебном году. В них обучались 8,6 тыс. человек, т.е. почти в 1,6 раза больше, чем в 1957/58 учебном году. В дальнейшем абсолютное число вечерних школ сокращается, но при этом продолжается устойчивый количественный рост учащегося контингента. Тенденция роста численности учащихся вечерних (сменных) общеобразовательных школ сохранялась и в первой половине 1970-х годов. Так число учащихся вечерних школ, включая и обучающихся заочно, с 1965/66 по 1975/76 учебный год увеличилось с 9,9 до 11,2 человек⁵¹.

С конца 1950-х годов наблюдается также тенденция количественного роста учащихся средних и старших классов школ рабочей и сельской молодежи, а также школ взрослых. С 1958/59 по 1965/66 учебном году численность учащихся 5-11 классов в этих школах увеличилась в 2 раза (с 4626 до 9692 человек), в то время как количество учащихся всех общеобразовательных школ выросло лишь в 1,4 раза⁵².

⁵¹ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1958. С. 118, 119; Северная Осетия за годы советской власти. С. 207, 208; Северная Осетия за 60 лет автономии. Орджоникидзе, 1984. С. 108.

⁵² Северная Осетия за годы советской власти. С. 212-213.

В рассматриваемый период обращает на себя внимание еще один факт: растет удельный вес учащихся более взрослых возрастных категорий в школах рабочей и сельской молодёжи. К примеру, если в 1954/55 учебном году учащиеся в возрасте от 18 лет и старше составляли одну треть от общего числа обучавшихся, то в 1957/58 учебном году на их долю приходилась уже половина всего состава учащихся ШРМ и ШСМ⁵³.

Востребованность школ рабочей и сельской молодёжи, а также заочных школ взрослых в обществе положительно сказалась на квалификационном, образовательном уровне преподавательских кадров. Только с 1955/56 по 1957/58 учебный год, доля учителей с высшим образованием в школах рабочей и сельской молодежи выросла с 30,6 до 58,9%. Одновременно шло сокращение доли учителей с незаконченным высшим образованием, а также окончивших учительские институты и приравненные к ним учебные заведения (с 48,1 до 32,4%). Уменьшился и удельный вес преподавателей с законченным средним и средним специальным образованием (с 20,3 до 8,6%). Повышение образовательного уровня педагогических кадров способствовало улучшению качества преподавания в вечерних школах. Другая проблема, от которой также зависело качество преподавания, — проблема совместительства решалась сложнее, но и в ней наметились позитивные сдвиги. К примеру, если в 1956/57 учебном году из 219 учителей только для 33,8% работа в вечерних школах носила постоянный характер, то в следующем году на постоянной основе работали уже 43,4% учителей⁵⁴.

В исследуемый период одним из направлений образовательной политики оставалась деятельность, направленная на решение задачи окончательной ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения. По-прежнему приоритетное внимание уделялось работе среди юношей призывного и допризывного возраста. Внимание к образовательному уровню, физическому и нравственному развитию молодежи обуславливалось необходимостью обеспечения национальной безопасности

⁵³ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 260. Л. 26,27.

⁵⁴ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 260. Л. 27, 78, 138.

СССР в условиях развертывавшейся «холодной войны». Страна нуждалась в сильной, грамотной, боеспособной армии. Между тем, как отмечалось на одном из заседаний бюро Северо-Осетинского обкома КПСС в ноябре 1959 года: «Общее состояние здоровья и физического развития значительного количества призывников не отвечает современным требованиям Советской Армии. В 1958 году негодными к воинской службе по состоянию здоровья были признаны 28,3% призывников, в 1959 году — 26,2%. Большое количество ребят имели низкую общеобразовательную подготовку. Многие парни были малограмотны. Несмотря на значительные усилия в области организации различных форм обучения, встречались молодые люди, которые вообще не владели грамотой»⁵⁵.

В справке-докладе от 30 июня 1959 года, направленной Республиканским военным комиссариатом в Северо-Осетинский обком КПСС, в Совет Министров и Министерство просвещения Северной Осетии, отмечалось, что из общего числа учтенных юношей 1941-1944 года рождения, насчитывавшего 8994 человека, восьмилетнего образования не имели 75%, то есть 6748 человек. Причем, 2413 подростков вообще не были охвачены никакими формами обучения⁵⁶.

Помимо общеобразовательной подготовки повышались требования к обеспечению материально-технической базы политического, физического воспитания допризывной молодежи. 6 октября 1959 года органы народного образования автономных республик Северного Кавказа, Военные комиссариаты получили письмо под грифом «секретно» из штаба Северо-Кавказского военного округа, подписанное начальником штаба округа, гвардии генерал-полковником А. Батоней. Оно содержало требование добиться выполнения постановления Совета Народных Комиссаров СССР №1729 от 1942 года об укреплении учебно-материальной базы военно-патриотического воспитания, включавшей военные кабинеты, комнаты для хранения оружия, стрелковые тиры, спортивные залы и площадки. Оно нацеливало также на тщательный

⁵⁵ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 13. Д. 18. Л. 53.

⁵⁶ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 5. Д. 21. Л. 6.

подбор преподавателей допризывной подготовки (военруков), совершенствование организации внеклассной военно-воспитательной и спортивной работы, подготовку военно-технических специалистов для советских Вооруженных Сил (шоферов, трактористов, радистов, спортсменов-разрядников)⁵⁷.

Вместе с тем, если в первое послевоенное десятилетие работа по ликвидации неграмотности и малограмотности осуществлялась практически только среди молодежи призывного и допризывного возраста, что отражено в партийных и советских документах, то к концу 1950-х годов в сферу деятельности органов, ответственных за решение этой задачи, вовлекаются новые категории населения. Изменение идеологических ориентиров в стране, стремление к большей открытости в отношениях с внешним миром, постепенное залечивание ран войны, оздоровление морально-психологического климата в обществе и оформление коммунистической перспективы заставили по-новому взглянуть на проблему народного образования. Вопрос о полном преодолении неграмотности и малограмотности среди населения становился одним из основных направлений деятельности в сфере просвещения на ближайшую перспективу.

Выявлению и обучению подлежали категории населения от 16 до 50 лет. Причем ставилась задача превратить эту работу не в кампанию, «как это случалось в прежние годы», а осуществлять ее систематически и целенаправленно. В январе 1958 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О ликвидации неграмотности среди населения». В феврале эта тема была вынесена на обсуждение бюро Северо-Осетинского обкома КПСС. На заседании бюро было принято решение обязать партийные и советские органы республики принять необходимые меры к завершению намеченной работы до начала Всесоюзной переписи населения в 1959 году. Для этого требовалось произвести до 20 февраля 1958 года учет всего неграмотного населения в возрасте от 16 до 50 лет и приступить к его обучению. Были определены и меры морального и материального поощрения за успешное выполнение задачи ликвидации неграмотности.

⁵⁷ Там же. Л. 12.

За каждого обученного неграмотного устанавливалась оплата в размере 100 руб.⁵⁸

Но даже, несмотря на использование поощрительных стимулов, решение проблемы продвигалось крайне медленными темпами. Трудности начинались уже с учета количества неграмотных и малограмотных. Данные по ним, представляемые разными учреждениями, различались существенно. Так, по сведениям Статистического управления Северо-Осетинской АССР за январь 1958 года по республике в возрасте от 16 до 50 лет насчитывалось 4174 неграмотных и 2924 малограмотных, а по данным Министерства просвещения Северной Осетии всего по двум категориям — 5488 человек. Такими же разноречивыми были и сведения о численности неграмотных и малограмотных, охваченных обучением и успешно завершивших курс⁵⁹.

Очередной этап в работе по ликвидации неграмотности в республике начался после подведения итогов Всесоюзной переписи населения 1959 года. На 15 января указанного года перепись зафиксировала 4942 неграмотных в возрасте от 9 до 49 лет. Эта цифра была в восемь раз ниже показателя, определенного переписью 1939 года и свидетельствовала о значительном прогрессе в этой области. При этом обращал на себя внимание преимущественно «женский характер» проблемы. Женщины среди неграмотных составляли 4008 (81,1%). Следует также отметить, что 16,6% всех неграмотных относились к категории инвалидов (умственно неполноценных, слепых, глухих и др.)⁶⁰.

Деятельность органов, ответственных за решение проблемы неграмотности, активизируется в начале 1960-х годов в связи с переходом к всеобщему восьмилетнему образованию. В октябре 1962 года было принято постановление бюро обкома КПСС и Совета Министров Северо-Осетинской АССР «О завершении ликвидации неграмотности среди населения». Ответственным за его исполнение являлось Министерство просвещения республики. Органам народного образования на местах было дано поручение выявить всех подлежащих обучению до 25 ноября 1962 года и за-

⁵⁸ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 13. Д. 822. Л. 159.

⁵⁹ Там же; ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 5. Д. 17. Л. 2; Д. 18. Л. 1.

⁶⁰ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 5. Д. 21. Л. 1.

вершить работу к 1964 году. Арсенал методов морального и материального поощрения, значительно расширенный по сравнению с предыдущим периодом (плата за обучение, денежные премии и награждения грамотами «за отличные показатели»), служил дополнительным стимулом в организации работы непосредственных исполнителей. А ими, помимо учителей, на которых лежала основная нагрузка, были студенты, старшеклассники, инженеры, врачи, научные работники. Как правило, они работали не только по месту жительства. В летнее время многие из них выезжали в сельские районы республики, в горные села. Результаты их деятельности были ощутимы.

В феврале 1964 года органы образования республики подвели итоги работы по ликвидации неграмотности и малограмотности за прошедший год среди жителей Северной Осетии в возрасте от 16 до 49 лет. Результаты оказались следующими: если в январе 1963 года было зафиксировано 769 неграмотных и 793 малограмотных, то к концу года, за вычетом прошедших соответствующий курс обучения, числилось 576 неграмотных и 574 малограмотных. Невысокие показатели работы объяснялись тем, что в течение года были выявлены еще 408 малограмотных и 431 неграмотный. Незначительные расхождения в показателях за тот же год были представлены в сводном отчете Орджоникидзевского и районных отделов народного образования республики. В нем были обозначены 736 неграмотных и 604 малограмотных, из них обучение прошли 375 неграмотных и 358 малограмотных. К маю 1964 года из учтенного количества подлежавших обучению на учете органов образования, ответственных за решение проблемы, числилось 335 неграмотных и 384 малограмотных⁶¹. Подавляющее большинство из них проживало в сельской местности. В декабре 1963 года из общего числа людей, посещавших школы ликбеза, 74,6% неграмотных и 89,4% малограмотных являлись сельскими жителями. Не изменилась и гендерная составляющая проблемы. По-прежнему женщины составляли большинство тех, кто подлежал обучению грамоте. В январе 1963 года женщин среди охваченных обучением неграмотных

⁶¹ ЦГА РСО — А., Ф.786. Оп. 2. Д. 30. Л. 1, 11; ЦГА ИПД РСО — А. Ф.1. Оп. 6. Д. 562. Л. 27.

и малограмотных было соответственно 74,9% и 73,0%. Молодежь призывного возраста среди неграмотных и малограмотных к этому моменту практически уже отсутствовала. К концу 1963 года среди юношей были выявлены лишь один неграмотный (0,2%) и семь малограмотных (1,2%).

В целом к середине 1960-х годов результаты работы по ликвидации неграмотности и малограмотности в республике позволяли положительно оценить деятельность всех государственных и общественных учреждений, «добровольцев» из учащейся молодежи и представителей интеллигенции, вовлеченных в решение задачи обеспечения всеобщей грамотности населения. Так, если в середине 1950-х годов по официальным данным подлежало обучению 10 тыс. человек, то на 1 января 1966 года осталось только 400 неграмотных и малограмотных, что составляло ничтожно малое число — 0,08% всего населения республики. Такая незначительная погрешность в решении сложной проблемы представляется допустимой. Отчасти потому, что обозначенная проблема постоянно воспроизводилась. Имелись и другие факторы, порой негативно влиявшие на ситуацию с всеобщей грамотностью. Так, невозможно было учесть все миграционные потоки; не всегда последовательно использовались методы морального и материального поощрения; не продумывались в должной мере формы и приемы работы; не учитывались возрастные, гендерные особенности подлежащих обучению граждан. Определенная часть населения просто не желала учиться. Между тем, учиться заставляли даже цыган, временно оседавших на территории республики. По закону они подлежали обучению, но категорически отказывались от этого права⁶².

1.3. Реформа национальной школы: от «коренизации» до денационализации

Модернизационные процессы в развитии общеобразовательной школы в Северной Осетии во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, протекавшие в русле общесоюзных

⁶²ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 2. Д. 30. Л. 75.

тенденций, сыграли позитивную роль в повышении образовательного уровня населения — необходимого условия успешного развертывания научно-технической революции. Не столь однозначным оказалось влияние реформационных преобразований на развитие национальной школы.

В современном мире в условиях интенсивно протекающих процессов глобализации различных сторон общественной жизни (культуры, техники, средств коммуникации и т.д.) возникает реальная угроза исчезновения языков многих малочисленных народов. Но исчезновение национальной языковой традиции может повлечь за собой обвальные потери, поскольку язык является важнейшим основанием этнокультурного самосознания и культурной самобытности любого народа. Между тем, в настоящее время многие национальные языки переживают состояние глубокого кризиса, причины которого в значительной мере связываются с реформой национальной школы, осуществленной в Советском Союзе в 1950-е — 1960-е годы.

В истории национальной школы в XX веке выделяется несколько переломных моментов, оказавших существенное влияние не только на развитие системы национального образования, но и на национальную культуру в целом. Как известно, основным вектором национальной образовательной политики советского государства в 1920-е — 1930-е годы в контексте решения проблемы выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития национальных регионов страны стала реализация идеи создания национальной школы («коренизация» школы). Родной язык каждого народа должен был стать основой образования во всех типах общеобразовательной школы. Программа «коренизации», осуществлявшаяся в рамках национально-государственного строительства, была весьма популярной в отмеченный период. Она находила большую поддержку в определенных кругах национальной интеллигенции.

В Северной Осетии, как и в других национальных регионах страны, формирование системы национального образования начинается с середины 1920-х годов. На этом этапе был осуществлен перевод начальной школы на родной язык обучения. Работа

по созданию национальной семилетней школы, предпринятая с 1940 года, была прервана войной и возобновилась сразу же после ее окончания.

Идея создания национальной школы в некоторых кругах национальной интеллигенции была настолько популярна, что в части сельских школ в первые послевоенные годы были предприняты конкретные шаги в данном направлении. Примером служила соседняя Кабардинская АССР, где в послевоенные годы в течение ряда лет в национальной школе было внедрено обучение на родном языке до седьмого класса включительно⁶³. Однако означенный процесс продолжался недолго, а энтузиасты «исчерпали себя» уже к началу 1950-х годов.

Неудача в реализации заманчивой для многих идеи объяснялась не отсутствием, как могло показаться, тщательно разработанной государственной программы создания семилетней национальной школы, обеспеченной конкретной организационной, финансовой, научно-методической базой. Ситуация вокруг национальной школы изначально складывалась не в пользу сторонников перевода обучения в семилетней школе на национальный язык.

Следует признать, что осетинское общество, национальная интеллигенция никогда не были едины в оценке целесообразности и перспектив создания национальной школы. К тому же отсутствовали условия к ее реализации. Не было подготовленных кадров учителей, способных на профессиональном уровне преподавать учебные дисциплины на осетинском языке. Ощущался острый дефицит в учебной литературе, особенно по предметам естественного цикла: физике, химии, биологии и другим. Практически отсутствовала методика преподавания предметов на родном языке. Но отказ от плана «коренизации» семилетней школы в начале 1950-х годов все-таки объяснялся не отсутствием материально-технических и учебно-методических оснований, не противодействием со стороны общества или иными факторами. Он

⁶³ Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка (на примере кабардинского языка) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 129.

был связан с изменением политических акцентов национальной политики в СССР и формированием новых подходов к решению национальных проблем. Страна, недавно вышедшая из тяжелейшей войны, переживала бурные интеграционные процессы в экономике, интенсивную миграцию населения. Изменилось и представление о месте Советского государства на политической карте мира. Оно превращалось в символ мировой системы социализма, ее объединяющий центр.

В новых политических реалиях приоритетным направлением государственной политики в области национальных отношений стала пропаганда идей дружбы и интернационализма в межнациональном общении. В изменившихся условиях увлечение «узко национальными», культурными достижениями своего народа не вызывало одобрения и поддержки официальной власти. Разработка советскими обществоведами теории формирования единой социальной и интернациональной общности — советского народа — также делала неактуальными проблемы создания национальной школы, развития национального языка. Напротив, внимание государства все более сосредоточивалось на вопросе сближения национальных культур, интернационализации общественной жизни, совершенствовании языка межнационального общения. Причем альтернатива общенациональному языку отсутствовала. Таким языком мог быть только русский язык. В конце жизни один из лидеров Советского государства В. М. Молотов писал: Сталин «считал, что когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, — главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина»⁶⁴. В достижении этой стратегической цели советской школе отводилась особая роль.

Между тем, постановка преподавания русского языка в национальной школе совершенно не удовлетворяла новым идеологическим и политическим запросам времени. Обычно изучение русского языка в национальной школе сводилось к заучиванию грамматических правил без привития учащимся навыков прак-

⁶⁴ Цит. по: Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. С. 205.

тического их применения. В результате дети после окончания общеобразовательной школы не обладали необходимым запасом слов и не научались грамотно излагать свои мысли на русском языке. Плохое знание русского языка препятствовало социальной мобильности общества. Для осетинской молодежи, решившей после окончания школы продолжить учебу в вузе или техникуме, оно превращалось в серьезное, порой непреодолимое препятствие. Слабое владение русским языком отрицательно сказывалось на квалификационной подготовке будущих специалистов, на последующем трудоустройстве и на общем уровне культуры.

По мере того, как русский язык играл все более значимую роль в общественном развитии страны, менялся взгляд на проблему развития национальной школы, что получило отражение в решениях региональных органов власти. Вопрос о преподавании русского языка в осетинской школе был вынесен на рассмотрение бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) 30 мая 1946 года. По итогам заседания бюро обкома было принято постановление, которое обязывало Министерство просвещения СО АССР, руководство Северо-Осетинского педагогического института и Осетинского педагогического училища разработать комплекс мер нацеленных на совершенствование методики преподавания русского языка в осетинской школе, улучшение подготовки кадров преподавателей русского языка. В качестве одного из основных направлений работы определялись разработка и издание словарей, методической, учебной литературы, сборников упражнений по грамматике русского языка, сборников картин и таблиц по развитию русской речи⁶⁵. Для прохождения педагогической практики выделялись две базовые школы №5 и №13 города Дзауджикау.

В феврале 1951 года был издан приказ по Министерству просвещения РСФСР «О новом учебном плане для осетинских школ Северо-Осетинской АССР». В учебном плане предусматривалось увеличение количества часов в неделю для преподавания русского языка по сравнению с родным языком (71 по русскому против 55 часов по осетинскому языку). Намечались также подготовку и издание новых программ по осетинскому и русскому языку и

⁶⁵ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 47-48.

литературе для национальных школ⁶⁶. Наконец, было принято решение о введении с 1950/51 учебного года преподавания русского языка в национальных школах с подготовительного класса (прежде обучение начиналось со второго класса).

Следующим шагом в данном направлении явилось постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совет Министров Северо-Осетинской АССР «О мерах по упорядочению коренизации в осетинских школах республики» от 9 мая 1952 года. В нем обосновывалась необходимость перевода преподавания в 5-7 классах осетинской школы на русский язык с 1952/1953 учебного года, сохранив родной язык в этих классах как предмет изучения. Постановление обязывало Отдел школ и вузов обкома ВКП (б) и Министерство просвещения республики «обеспечить коренное улучшение преподавания русского языка в осетинских школах, добиться выполнения требований государственных программ». Но на этом этапе намечавшиеся изменения мыслились пока как временные: «впредь до подготовки необходимых условий для успешного проведения коренизации семилетней осетинской школы»⁶⁷.

Реформирование национальной школы, по мнению его инициаторов, помимо всего прочего должно было содействовать решению проблемы неуспеваемости и второгодничества — наиболее трудно решаемых проблем в учебно-воспитательном процессе педагогических коллективов школ.

Результаты работы общеобразовательных школ республики в этом направлении вызывали заслуженные нарекания контролирующих органов. В 1959/60 учебном году из 62227 учащихся начальных, семилетних и средних школ республики не успевало 12,2%. Из всех предметов особенно неблагоприятно обстояло дело с усвоением учебной программы по русскому языку и арифметике (соответственно 63,8 и 40,0% среди неуспевающих учеников имели неудовлетворительные оценки по этим предметам). Эта тенденция оставалась практически неизменной на протяжении 1950-х — начала 1960-х годов. По итогам второго полугодия

⁶⁶ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 6. Д. 369. Л. 7, 9.

⁶⁷ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 55, 56.

1960/61 учебного года из 7069 неуспевающих (10,2% всех учащихся) 69,4% имели неудовлетворительные оценки по русскому языку, 41,7% — по арифметике. Существенных изменений в показателях не произошло и в последующие годы. В первом полугодии 1965/66 учебного года из 92414 учащихся 10,7% не успевали по нескольким предметам. Из них имели отрицательные оценки по русскому языку 61,3%, по арифметике — 31,7%⁶⁸. Серьезное беспокойство органов народного образования вызывал уровень подготовленности детей и по другим предметам — алгебре, геометрии, физике, естествознанию, иностранным языкам и др.

Многие недостатки в работе общеобразовательных школ по-прежнему объяснялись старыми причинами: недостатками в организации учебно-воспитательного процесса, неэффективностью методики преподавания предметов («книжно-меловым методом преподавания»), низкой квалификацией части преподавательских кадров, материальной необеспеченностью детей, отвлечением их на работу в колхозах, на промышленных предприятиях, в домашнем хозяйстве. Однако с середины 1950-х годов причины неуспеваемости и второгодничества все чаще стали связывать с плохим знанием русского языка.

К этому времени вопрос о переводе обучения в национальных школах на русский язык еще более актуализировался. Теперь речь шла о переводе на русский язык обучения уже начальной школы. В осетинском обществе, особенно в научно-педагогических кругах постановка этой проблемы вызвала неоднозначную реакцию и породила горячие споры. Дискуссии разворачивались на страницах республиканских газет и журналов, выносились на обсуждение участников научно-практических конференций и совещаний по вопросам организации образовательного и воспитательного процесса в республике.

Уже к середине 1950-х годов среди участников дискуссии четко обозначились два противоположных взгляда и оформились две группы: сторонников и противников введения преподавания в начальных классах осетинской школы на русском языке. Сторонни-

⁶⁸ Рассчитано по ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 3. Д. 14. Л. 11; Д. 18. Л.35; Д. 34. Л.3.

ки реформы видели в ней решение проблемы неуспеваемости и порождаемых ею второгодничества и отсева детей из школ. Примечательно, что среди них было немало представителей сельской интеллигенции, которые надеялись, что благодаря реализации «языковой» реформы их детям будет облегчен доступ к высшему образованию. Противники изменения традиционной формы преподавания русского языка в школах полагали, что дети еще не подготовлены к изменению статуса русского языка в начальной школе. «...ничего стыдного нет в том, что ... в подготовительных классах не знают русского языка, наш долг научить их этому...», — замечала М. Г. Кулумбекова, заведующая отделом школ и вузов Северо-Осетинского обкома КПСС, выступая в марте 1956 года на научно-практической конференции, посвященной проблемам школы. — «Политика нашей партии не говорит о том, чтобы все народности нашей страны обучались только на русском языке. Наоборот, дается право каждой нации развивать свой язык, свою культуру...»⁶⁹.

В упрек сторонникам обучения детей на русском языке с первого класса ставилось высказываемое ими мнение, что «осетинский язык совершенно никакой помощи не оказывает в изучении русского языка» и вообще «нужен только до Эльхотова». По мнению оппонентов, такая позиция значительно снижала интерес к изучению родного языка. А Северо-Осетинский педагогический институт, тем временем, из года в год не мог набрать хорошо подготовленных абитуриентов на отделение осетинского языка. Абитуриенты, поступившие в институт без должной подготовки, с трудом справлялись с требованиями учебного процесса. За годы обучения многим не удавалось приобрести должной педагогической квалификации. По окончании института, придя в школу, они слабо владели методикой преподавания осетинского языка. А низкое качество преподавания отражалось на плохом усвоении предмета детьми. В итоге, получался замкнутый круг. Выход из положения виделся в повышении требовательности к учителям и совершенствовании методики преподавания осетинского языка.

Итак, на начальном этапе дискуссии о месте и роли русского

⁶⁹ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 668. Л. 16.

языка в национальной школе превалировала позиция сторонников традиционной формы обучения в ней. Объяснялось это тем, что официальная точка зрения по данному вопросу окончательно не сформировалась: «На этот вопрос нужно смотреть более реально, и там, где есть возможность его осуществить, мы за это и чем скорее осуществим, тем лучше, но где этой возможности нет, не надо этого делать и надо вести работу так, как подсказывает ЦК партии и Минпрос РСФСР»⁷⁰. Таково было мнение представителей власти. Но это была временная «заминка» перед новым наступлением. А поскольку проблема сохранялась, то возвращение к ней было неизбежным.

Так, 5 февраля 1959 года бюро обкома КПСС и Совета Министров Северо-Осетинской АССР приняли постановление «О перестройке системы народного образования в республике». Документ фиксировал положение, по которому в начальной школе преподавание осуществлялось на осетинском языке, а с пятого класса — на русском языке. На первом этапе обучения намечалось увеличить продолжительность преподавания русского языка на один год за счет подготовительного класса. Министерству просвещения, Северо-Осетинскому НИИ и педагогическому институту было поручено разработать и представить на утверждение в обком партии проекты программ по осетинскому и русскому языкам. Основное требование к учебникам состояло в том, чтобы весь теоретический материал в них был подчинен целям практического овладения этими языками⁷¹.

Очередной шаг в реформировании национальной школы был предпринят в июне 1961 года, когда Северо-Осетинский обкома КПСС утвердил решение «О переводе преподавания арифметики на русский язык в четвертых классах нерусских школ республики». Принятию документа предшествовало обсуждение вопроса с преподавателями, научными работниками, родителями школьников. В ходе проверки и консультаций было установлено, что учащиеся осетинских школ испытывали затруднения в процессе усвоения материала по арифметике в пятом классе, поскольку, ов-

⁷⁰ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 668. Л. 16.

⁷¹ Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1983. Т. 2. С. 76.

ладев в третьем-четвертом классах математической терминологией на родном языке, в следующем году вместо развития навыков самостоятельного решения задач, они занимались отработкой арифметической терминологии уже на русском языке. Отсутствие языковой преемственности резко снижало уровень успеваемости по арифметике в пятом классе. Именно этот вывод был принят в качестве обоснования необходимости принятия решения о переводе преподавания арифметики на русский язык с четвертого класса осетинской школы⁷².

Завершающим этапом на пути перевода преподавания в национальной школе на русский язык стал 1962/63 учебный год. С этого времени все классы осетинской восьмилетней школы перешли на новые учебные планы и программы. Подготовительные классы ликвидировались. По основам наук, в том числе и по русскому языку, в учебные планы осетинской школы было заложено одинаковое с русскими школами количество часов. К 1963/64 учебному году на русский язык обучения перешли все учащиеся 5-11 классов и около 10% учащихся начальных классов⁷³.

Точку в реформе национальной школы поставила Всероссийская научно-практическая конференция, состоявшаяся в мае 1964 года в г. Орджоникидзе. Она вынесла на обсуждение вопрос о переводе начальных классов национальных школ на русский язык обучения. Участники конференции подчеркивали, что преподавание на русском языке в начальной школе заметно облегчало усвоение учебного материала учащимися пятых-шестых классов. Принятые рекомендации нацеливали на дальнейшую реализацию «этого важного государственного мероприятия»⁷⁴.

Конференция подвела «общую черту» под дискуссией между сторонниками русификации преподавания в осетинских школах и не согласными с этой политикой (открытых противников уже не было). Она подтвердила курс на перевод преподавания в 1-4 классах осетинской школы на русский язык. «Основной вывод, который вытекает из непосредственной практики школ Северной

⁷² Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С.17.

⁷³ Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 65-66.

⁷⁴ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 19.

Осетии и с которой единодушно согласны и родители, и руководство школ, и педагогические коллективы, — отмечал министр просвещения СО АССР А. Х. Галазов, — заключается в том, что перевод начальных классов осетинских школ на русский язык обучения был осуществлен своевременно и правильно»⁷⁵.

«Языковая» реформа 1950-х — 1960-х годов свидетельствовала об окончательном отказе от идеи национализации школьного образования. Но она не являлась «осетинским изобретением» и не предпринималась по инициативе местных органов власти. В Северной Осетии реформа завершала один из этапов общесоюзной программы перехода к языку межнационального общения. Этот процесс происходил во всех национальных республиках и областях Северного Кавказа, а также в других регионах Советского Союза, где проживали малочисленные народы⁷⁶. Программа перевода национальной школы на русский язык обучения являлась составным элементом государственной политики в сфере школьного образования, нацеленной на унификацию всей системы образования Российской Федерации. Реформа закладывала «кирпичики» в фундамент «здания», предусматривавшего создание единой социальной и интернациональной общности — советского народа.

Оценить однозначно итоги «языковой» реформы невозможно. В условиях растущей интеграции в народном хозяйстве Советского Союза русский язык играл социально все более значимую роль во всех сферах общественной жизни (делопроизводство, обучение в вузах и техникумах, общение на предприятиях и в учреждениях и т. п.). Слабое владение русским языком являлось серьезным препятствием для успешного обучения детей в общеобразовательных школах, для поступления в вузы и техникумы. Неудовлетворительное знание русского языка препятствовало профессиональной подготовке квалифицированных кадров. С переводом национальной школы на русский язык обучения представители коренной национальности получали больше шансов

⁷⁵ Галазов А. Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1967. С. 70.

⁷⁶ См.: Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11.

реализоваться в социально-бытовом, профессиональном плане — поступить в вуз, найти интересную работу, приобщиться к достижениям мировой культуры и т.д. Таким образом, необходимость освоения русского языка представляла в интегральном контексте.

Но для национальной культуры в целом и осетинского языка в частности последствия реформы оказались неоправданно тяжелыми. Осуществлявшаяся радикальными методами, она провоцировала угасание языковой традиции, необыкновенно ускорившейся в 1970-е — 1980-е годы. В этот период произошло резкое сужение пространства функционирования национального языка. Во многих семьях, не говоря уже об общественной сфере, родной язык перестал быть языком общения. «Макароническая» речь, пересыпанная не к месту употребляемыми иноязычными словами и словосочетаниями, звучала и в бытовом разговоре, и по радио, и по телевидению⁷⁷.

С началом социально-политических трансформаций в российском обществе и актуализацией всей проблематики национальной идентичности вопрос о состоянии национальных языков и национального образования стал предметом пристального внимания и острых дискуссий политиков, деятелей культуры и науки. В 1990-е годы в национальных регионах были разработаны проекты Государственных программ развития языков коренных народов и Законов о языках (в некоторых субъектах федерации, к примеру, в Кабардино-Балкарии, они были приняты и введены в действие). В сентябре 2004 года начался экспериментальный этап реализации Концепции осетинского национального образования⁷⁸.

Однако, в целом, общество довольно пассивно отреагировало на предпринимаемые шаги. В значительной мере, подобная ситуация сложилась из-за отсутствия последовательной государственной политики в области национального образования, что нашло отражение в непоследовательности властной элиты в отношении

⁷⁷ Мирзаканова Е. А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 136.

⁷⁸ Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 30.

вопросов языкового развития. Между тем, аксиоматично, что язык и образование являются базовыми элементами национальной культуры, которая в свою очередь представляет собой способ сохранения и воспроизводства этнического сообщества в постоянно изменяющемся мире. Потеря языковой традиции, отказ от восстановления системы национального образования могут иметь разрушительные последствия для существования народа. Но никакие усилия, как показывает исторический опыт, не будут эффективными без наличия реальной сферы функционирования языка.

В современных условиях на институциональном уровне представляется неочевидным функциональное изменение статуса родного языка, поскольку оно не обеспечено законом, который бы подтверждал государственный статус языка. Поэтому достаточно перспективным становится индивидуальный (личный) уровень. На этом уровне сегодня могут формироваться реальные возможности обеспечения приоритета родного языка в социализации личности. Только тогда сформировавшаяся в основном в собственной культурно-языковой среде личность окажется способной поднять свое языковое самосознание до уровня, обеспечивающего языку реальное сохранение и развитие.

1.4. Политехническая реформа в общеобразовательной школе: идея, реализация, итоги

Одним из приоритетных направлений государственной образовательной политики в СССР в 1950-е — первой половине 1960-х годов стала разработка и реализация идеи политехнизации обучения в общеобразовательной школе. В череде преобразований, предпринятых в сфере образования в отмеченный период, политехническая реформа в наибольшей степени изменила содержание образовательной и воспитательной работы в советской школе.

Предыстория «трудовой школы» восходит к 20-м годам XX столетия — времени становления советской школы как таковой.

Реформы системы школьного образования 1920-х годов были направлены преимущественно на выполнение социально-политических функций формирования материалистического мировоззрения учащихся на основе тематического изучения окружающего мира. В 1924 году в школьное обучение были внесены существенные изменения. Новые комплексные учебные программы строились на отказе от традиционного для отечественной школы предметного принципа изложения учебного материала. Учебные дисциплины предполагалось изучать не на соответствующих уроках, а по темам: «Трудовая деятельность людей», «Природа как объект трудовой деятельности людей», «Общество как результат труда людей». Одновременно пропагандировались лабораторно-исследовательские методы, коллективные формы занятий, самостоятельная работа, при которой учитель играл роль консультанта. В конечном итоге реформирование школы было направлено на воспитание инициативного человека, способного активно и творчески принимать участие в социалистическом строительстве и укреплении советской власти.

Но новые программы Народного комиссариата просвещения носили рекомендательный характер. Поэтому многие учителя продолжали придерживаться старых приемов обучения, считая, что новые не обеспечивают систематических знаний⁷⁹. Были и активные сторонники школьных новаций. Однако чрезмерное увлечение трудовым воспитанием в ущерб основным предметам, особенно естественным наукам, подрывало систему образования. С целью преодоления негативных последствий образовательной реформы на принципах «трудовой школы» в сентябре 1931 года было принято постановление ЦК ВКП (б). Оно резко осудило «грубейшие извращения идеи политехнизации школы, выразившиеся в попытке оторвать политехнизацию школы от систематического и прочного усвоения основ наук...»⁸⁰.

Попытки создать «трудовые школы», предусматривавшие комплексное преподавание и делавшие упор на самостоятельную деятельность учащихся, были отвергнуты как несостоятель-

⁷⁹ История России. XX — начало XXI века. Под ред. Л. В. Милова. М., 2006. С. 400.

⁸⁰ ЦГА РСФСР — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 634. Л. 12.

ные. И советская школа в 1930-е — 1940-е годы вернулась к «изучению основ наук» — классической классно-урочной системе с предметами и преимущественно репродуктивными формами обучения. Конечно, изменилось содержание образования, строившегося на основе марксистско-ленинской методологии. Но форма организации «школы учебы», существовавшей в начале XX века, была воспроизведена почти без изменений, лишь с некоторыми деформациями и модернизациями. Вновь был установлен примат знаний над средствами их овладения, трудовое обучение было полностью выведено из учебных планов с 1937 года, школа оказалась замкнутой, по сути изолированной от внешней среды. Наряду с восстановлением некоторых содержательных черт постепенно произошла и реставрация внешних «гимназических» форм, решительно сметенных предшествующей реформой. Была восстановлена в правах школьная форма, введен ученический билет, в содержании образования появились вновь такие предметы, как логика, психология, готовилось и возвращение латыни. В 1943 году в крупных городах было установлено раздельное обучение мальчиков и девочек (его отменили в 1954 «по просьбам родителей»). Устанавливались строгие нормы и правила, регламентирующие всю школьную жизнь, восстанавливались ежедневные домашние задания, вернулись и «классные дамы» (классные руководители). С 1940-х годов образование частично становится платным (в 9-10 классах и вузах). Не случайно эту модель иронично называли «сталинской гимназией»⁸¹.

Однако идея политехнизации не была окончательно забыта. Новые подходы к ее воспроизведению стали оформляться с начала 1950-х годов, когда XIX съезд ВКП (б), состоявшийся в октябре 1952 года, определил в качестве важнейшей практической задачи народного образования осуществление политехнического обучения в общеобразовательной школе. Сравнительный анализ реформ 1920-х и 1950-х — 1960-х годов в системе школьного образования СССР указывает при этом не на существенные отличия задач, а на качественно иные, более сложные сочетания в их со-

⁸¹ Богуславский М. В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX-XX вв.// www.education.rekom.ru.

держании. При сохранении базовых задач воспитания идейно-политических установок социалистического общества возникла необходимость обучения советского человека передовым практическим методам строительства материально-технической основы социализма. Проще говоря, политехническая реформа советской школы 1950-х — 1960-х годов по-прежнему была нацелена на воспитание нового человека. Но на школу нового образца в отличие от «трудовой школы» 1920-х годов накладывались более широкие обязательства. Помимо выполнения идеологической, воспитательной функции политехническая школа 1950-х — 1960-х годов ориентировалась на потребности современного производства. Она была обязана формировать трудовые кадры, обладавшие практическими знаниями и навыками, востребованными в условиях научно-технической революции.

Таким образом, в теоретическом плане суть политехнической реформы сводилась к «укреплению связи школы с жизнью», а на практике она должна была помочь восполнить постоянно растущие потребности развивающегося народного хозяйства в квалифицированных рабочих кадрах.

Обосновывая необходимость политехнической реформы, ее разработчики полагали, что в 1930-е — 1940-е годы в школьном образовании доминирующие позиции заняло гуманитарное направление. В результате, учебные планы формировались таким образом, что учащиеся средней школы не получали знаний «по предметам физико-математического и естествоведческого цикла в объеме, совершенно необходимом образованному человеку». Внедрение политехнического обучения в школе, по мнению реформаторов, должно было преодолеть эту диспропорцию. Одним из аргументов в пользу политехнизации являлось также мнение о том, что школа не приучала учащихся к физическому труду, «не воспитывала у них в должной мере любви и уважения к труду рабочих и крестьян, желая стать в ряды тружеников, создающих материальные ценности».

Именно на этот аспект проблемы указывал заведующий Кировским районным отделом народного образования (РОНО) А. Токаев. В 1956 году на республиканской конференции, по-

священной вопросам воспитательной работы и укрепления дисциплины среди учащихся, он говорил: «Школа не осуществляет должным образом задач трудового воспитания, вследствие чего у учащихся не воспитывается правильное отношение к труду. Окончившие среднюю школу и не поступившие в высшие учебные заведения юноши и девушки считают личной трагедией пойти на производство или в колхоз и заниматься производительным трудом, предпочитая слоняться по улицам без всякого дела»⁸².

Одновременно с теоретическим обоснованием необходимости введения политехнического обучения в школе разрабатывались конкретные меры по осуществлению этой идеи на практике. В 1954/55 учебном году в порядке эксперимента в отдельных школах страны перешли на новые учебные планы и программы. В следующем году политехнизация стала распространяться повсеместно. Она реализовывалась посредством создания мастерских, увеличения численности специализированных кабинетов по предметам естественного цикла и увеличения доли этих предметов за счет гуманитарных в часовой сетке учебных планов. В комплекс мер по трудовому воспитанию входило создание учебно-опытных участков, налаживание работы в них. В начальной школе вводились уроки труда⁸³.

Северная Осетия оказалась одним из регионов, где наиболее активно внедрялись экспериментальные методы работы. Реорганизация учебно-воспитательной работы на принципах политехнизации началась с 1955/56 учебного года. В следующем году в старших классах городских и сельских школ вводилось преподавание машиноведения, электротехники и основ сельскохозяйственного производства. В составе 500 школ РСФСР четыре республиканские школы — средняя школа №6 г. Орджоникидзе, школа-интернат г. Моздок, средние школы в г. Ардон и в ст. Архонская работали по новому экспериментальному учебному плану⁸⁴.

В 1955 году в школах не существовало еще ни одной учебной мастерской. На протяжении двух последующих лет было от-

⁸² ЦГА РСО — А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 668. Л. 20.

⁸³ ЦГА РСО — А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 683. Л. 13-14.

⁸⁴ Прохуренко Л. И. Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период. Орджоникидзе, 1957. С. 10.

крыто 63 столярных, 37 слесарных, 60 комбинированных мастерских по металлу и дереву, 107 кабинетов и лабораторий физики, 89 химии, 45 биологии, 10 машиноведения, 3 электротехники и т.д. В учебных мастерских стоял 121 токарный станок, предназначенный для работы по дереву и металлу. В некоторых школах имелись автомобили, тракторы, прицепные и навесные сельскохозяйственные орудия; правда, лишь небольшая часть из них находилась в рабочем состоянии.

В 1957/58 учебном году на новый учебный план в республике были переведены 16 из 99 средних школ. Организуя в них изучение основ производства, машиноведения, растениеводства, животноводства, электротехники, органы народного образования мыслили их не просто как практикумы, а курсы, которые позволяли приобрести конкретные знания по предмету. К примеру, в курсе изучения автомобиля на каждого ученика 10-го класса выделялось десять часов для обучения управлению автомобилем. В сельской школе, если к тому имелись возможности, обучали также управлению трактором⁸⁵.

Ответственность за осуществление политехнического обучения в наибольшей мере лежала на органах народного образования. Они являлись ее основными организаторами и проводниками. К работе привлекались также советские и общественные организации, научные учреждения. Но в комплексе мероприятий по реализации программы политехнизации их обязанности, как правило, не конкретизировались, хотя формулировки типа «обязать», «привлечь» и другие использовались широко. Поэтому и участие их в проведении политехнической реформы чаще носило формальный характер.

Более четко определялись задачи промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Они брали на себя шефские обязательства, выражавшиеся в оказании материальной и финансовой помощи, предоставлении производственной базы для практических занятий. Однако, поскольку инициатива организации шефского движения исходила не от них, и многими руководителями предприятий воспринималась как бессмысленное отвлечение от ос-

⁸⁵ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 22, 23.

новой деятельности, то, соответственно, и помощь, как правило, носила непостоянный, эпизодический характер.

Устойчивость связей между шефами и их подопечными во многом зависела от финансовых и материально-технических возможностей предприятий. Среди тех, кто действительно оказывал помощь школам, были Теркумводстрой, завод «Победит», Вагоноремонтный завод (ВРЗ), Орджоникидзевский завод электротракторного оборудования (ОЗАТЭ), Бесланский маисовый комбинат (БМК), Орджоникидзевская швейная фабрика. Они помогали в оборудовании рабочих площадей мастерских и кабинетов естественного цикла, участвовали в строительстве новых мастерских и оснащении их оборудованием (автомобилями, моторами, станками и инструментами)⁸⁶.

Одним из ярких примеров сотрудничества школ и промышленных предприятий являлись отношения, сложившиеся между коллективами средней школы №6 г. Орджоникидзе и заводов «Электроконтактор» и «Электроцинк». Школа входила в число пятисот школ Советского Союза, которые с 1956/57 учебного года работали по новому учебному плану и программе политехнического обучения. В ней были организованы учебно-производственные мастерские — слесарное отделение на двадцать мест с полным оборудованием, столярное отделение на четырнадцать рабочих мест и токарное отделение с двумя токарными станками. Заводские специалисты участвовали в оборудовании учебных мастерских. Они делали проводку, подключали токарные станки. Школьники, начиная с восьмого класса, в течение двух лет проходили производственную практику на заводе «Электроцинк». Десятиклассники проходили практику на заводе «Электроконтактор»⁸⁷.

В Пригородном районе шефство над школами несли Черменский консервный комбинат и Черменское училище механизации сельского хозяйства №1. Комбинат передал средней школе рабочего поселка автомашину, предоставил свои мастерские и гараж для проведения занятий по труду и машиноведению. Училище передало школе действующий трактор, слесарный верстак, де-

⁸⁶ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 13. Д. 822. Л. 68.

⁸⁷ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 15; Д. 719. Л. 15-17.

сять тисков, пятьдесят плакатов — комплектов наглядной агитации. В слесарных мастерских для школьников проводились консультации по устройству и работе сельскохозяйственных машин и организовывались занятия по труду⁸⁸.

Предприятия помогали не только в организации учебно-производственных мастерских и их оборудовании, но и предоставляли базу для прохождения производственной практики. К примеру, на Вагоноремонтном заводе им. С. М. Кирова был выделен специальный (механический) цех, в котором учащиеся 8-10 классов средней школы № 11 и железнодорожной школы № 1 в 1956/57 учебном году самостоятельно работали⁸⁹. Однако результаты политехнизации, в том числе эффективность трудовой практики, по мнению учащихся и обучавших, оставляли желать лучшего. Как правило, в большинстве случаев обучение рабочей профессии сводилось к овладению простейшими рабочими операциями. Тем не менее, это были своего рода «оазисы» благополучия на общем фоне пассивного, невыраженного сопротивления проводимой политике реформирования школы. В сущности, реализация программы политехнического обучения увязала в формально проводившихся мероприятиях.

Программа политехнизации хорошо была отработана в декларативной части, но далеко недостаточно обеспечена в финансовом, организационном и материальном плане. Так, для оборудования одной мастерской требовались около 150 тыс. рублей (в ценах соответствующих лет). Средства, выделяемые на оборудование мастерских, не обеспечивали нужд школы. Недостающие средства разработчики идеи мыслили восполнить с помощью промышленных предприятий, машинно-тракторных станций и колхозов⁹⁰.

16 мая 1955 года Совет Министров СССР издал распоряжение о передаче общеобразовательным школам из фондов промышленных и сельскохозяйственных предприятий большого количества оборудования: тракторов, автомашин, токарных сверлильных

⁸⁸ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 5.

⁸⁹ Прохуренко Л. И.. Развитие народного образования в Северной Осетии в послевоенный период. С. 11

⁹⁰ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 13.

станков, сельскохозяйственных машин, различных мелких инструментов и инвентаря. Аналогичное распоряжение было дано Советом Министров СО АССР руководителям местных предприятий, колхозов и совхозов 25 мая того же года, а затем подписано еще одно распоряжение о выделении для мастерских школ республики некоторых видов техники и оборудования⁹¹.

Предприятия выполняли распоряжения республиканского органа власти. Но, как правило, в общеобразовательные школы передавались отработавшие свой срок и непригодные для обучения детей оборудование и инструментарий. Особенно плохо обстояло дело со станочным оборудованием. Оно имелось лишь в некоторых городских школах. Недоставало и подручного материала. Всегда в дефиците были доски, фанера, жесть, электрооборудование, изоляционная лента и пр.

Итак, мастерские, в подавляющем большинстве своем, были бедны. Многие из них создавались спешно и размещались в непригодных для работы и не удовлетворявших требованиям безопасности труда и санитарных норм помещениях. Занятия в них проводились на низком профессиональном уровне, детали и предметы изготавливались без чертежей, «на глазок». В 1956/57 учебном году в Орджоникидзе в девятнадцати школах имелись столярные мастерские, и только тринадцать из них располагали приемлемыми для работы помещениями. Слесарные мастерские существовали в пятнадцати школах. Из них только четыре были приспособлены для занятий⁹². Эти обстоятельства не могли не отражаться на результатах деятельности мастерских. По признанию представителей республиканских органов образования многие мастерские существовали лишь формально.

В ряду проблем, особенно остро стоявших в деле политехнического обучения школьников, выделялся вопрос об обеспечении школ педагогическими кадрами, которые могли на профессиональном уровне проводить уроки труда, практикумы и практические занятия по машиноведению, электротехнике, растениеводству и другим предметам политехнического направления. В планах высших

⁹¹ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 13.

⁹² ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 115.

и средних специальных учебных заведений не предусматривалась подготовка преподавателей по трудовому воспитанию. Поэтому в школах уроки труда преподавали учителя физики, биологии, математики. Для преподавания специальных предметов — электротехники, машиноведения, полеводства, животноводства приглашали инженеров, агрономов и других специалистов, имевших опыт практической, но не преподавательской работы.

В подготовке преподавателей труда и повышении их квалификации оказывал помощь Республиканский институт усовершенствования учителей. В 1957 году четырехмесячные курсы повышения квалификации прошли шестьдесят учителей. Помимо этого летними курсами было охвачено семьдесят девять человек. Среди них были преподаватели практических занятий по машиноведению, электротехнике для учащихся 5-7-х классов⁹³. Но, в целом, усилий Республиканского института усовершенствования учителей, принявшего на себя решение этой задачи, было явно недостаточно.

Трудности осуществления программы политехнизации усугублялись проблемами морального и этического характера. Руководство школ, промышленных предприятий, колхозов, совхозов и других организаций, оказалось не готовым воспринять идею политехнизации. Вовлеченные в этот процесс помимо своей воли, они рассматривали политехнизацию школы, как отвлечение от основной деятельности, пустую трату времени и материальных сил, то есть очередную «обязаловку».

Тем не менее, несмотря на пассивное сопротивление, идея продолжала внедряться. В трудовом воспитании школьников немаловажное место уделялось организации пришкольных участков и учебно-опытных станций. В 1956/57 учебном году в 186 школах Северной Осетии имелись опытные участки. Учащиеся специализировались на выращивании фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников. Наибольшее распространение пришкольные участки получили в сельской местности. Многие сады и виноградники, в частности, Синдикауской, Ольгинской, Вознесенской школ, были хорошо известны в республике⁹⁴.

⁹³ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 16, 169.

⁹⁴ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 683. Л. 165; Д. 719. Л. 7.

*Учащиеся Орджоникидзевской средней школы № 3
на пришкольном участке. 1958 г.*

Занимаясь кружковой работой, школьники учились правильному обращению с сельскохозяйственным инвентарем, подкормке, удобрению и обработке почвы, выращиванию сельскохозяйственных культур. Наибольшее развитие эта практика получила в сельской местности. Не менее удачным был опыт работы на пришкольных участках городских школ. В столице республики г. Орджоникидзе, в районе водной станции располагался пришкольный опытный участок республиканской станции юных натуралистов. Здесь под руководством специалистов станции и учителей-биологов учащиеся занимались опытнической работой. В начале 1960-х годов лучшими по культуре обработки были признаны опытные участки городских школ № 2, № 4, № 21. Школьники выращивали кукурузу сорта «ВИР-267», картофель нового сорта «Сеянец 30/50», капусту (краснокочанную, брюссельскую, цветную), тыкву кустовой формы без плетей и другие овощи. В плодпитомнике выращивали яблони, груши, сливы, малину, смородину; экспериментировали с выведением новых сортов фруктовых деревьев и плодово-ягодных кустарников.

В 1962 году группа юннатов школы № 21 г. Орджоникидзе, а также лучшие опытники ряда сельских школ побывали на Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве. Трое учащихся (двое из Хумалагской средней школы и один из средней

школы № 30 г. Орджоникидзе) были удостоены первых мест во Всероссийском конкурсе на звание лучшего юнната⁹⁵.

Постепенно школьников все активнее вовлекали в производительный труд. На примере учащихся Ольгинской средней школы можно проследить, как со временем их деятельность утрачивала сезонный характер, и работа велась уже на протяжении всего года. Осенью школьники оказывали помощь колхозу в уборке осенних культур, зимой помогали сохранять и выращивать молодняк, собирали и вывозили на поля удобрения.

С середины 1950-х годов широкое распространение получают ученические бригады. Первая комсомольско-молодежная бригада была создана в 1954 году после опубликования постановления Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР». Ученическая бригада стала наиболее продуктивной формой в решении задач политехнического обучения в школе. Особенно активно идея организации комсомольско-молодежных ученических бригад начала реализовываться после XX съезда КПСС. В формировании бригад под непосредственным контролем партийных и советских органов принимали участие педагогические коллективы и комсомольские организации школ, руководство колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций.

В 1957 году на колхозных и совхозных полях республики трудились 50 ученических бригад, насчитывавших 3429 учащихся старших классов. За ними было закреплено 3210 га земли, на которых учащиеся осуществляли весь комплекс сельскохозяйственных работ от посева до уборки урожая. Помимо своей основной работы в этом году ученические бригады заготовили 4290 тонн силоса, 1230 тонн сена, посадили более 9 тысяч деревьев, завезли на поля 6 тысяч тонн местных удобрений. По итогам работы были отмечены бригады учащихся Ардонской, Гизельской, Зильгинской, Ирафской, Ногирской, Ольгинской, Ставд-Дортской и Чиколинской средних школ⁹⁶.

Однако и это начинание в области политехнизации школы не обходилось без проблем. В организации бригад было немало

⁹⁵ Социалистическая Осетия. 1962, 3 августа.

⁹⁶ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 13. Д. 822. Л. 68.

трудностей и недостатков. Руководство колхозов и совхозов с большой настороженностью относилось к новым производственным объединениям. Недоверие к ученическим бригадам выразилось, в частности, в том, что им выделялись худшие участки земли. Они не обеспечивались необходимым инвентарем, машинами. Как правило, отсутствовала квалифицированная помощь со стороны агрономов, полеводов и других специалистов сельского хозяйства. Не была организована система питания. Из 50 бригад только 11 располагали примитивными полевыми станами, что создавало дополнительные трудности для детей, особенно если земельные участки находились далеко от сел⁹⁷. Тем не менее, популярность ученических бригад, поддерживаемая партийными решениями, росла с каждым годом.

В 1958 году на полях республики работало 5000 учащихся. Обрабатывавших более 4000 га земли. В 1959 году 70 ученических бригад, объединивших 6000 старшеклассников, были заняты обработкой около 5000 га земли. По данным Министерства просвещения СО АССР в этих бригадах было подготовлено 1357 работников по различным сельскохозяйственным специальностям, в том числе 170 трактористов, 260 шоферов, 108 животноводов, 80 полеводов⁹⁸.

Ученические бригады формировались из учащихся 8-10 классов и выполняли практически весь комплекс сельскохозяйственных работ — пахота, боронование, культивация посевов, уборка урожая. Около половины пахотной земли, обрабатываемой ученическими бригадами, было занято под кукурузу. На остальной части площади выращивали картофель, подсолнечник, коноплю и другие культуры. И хотя участки земли не всегда были хорошими, урожай на них оказывался выше, чем на колхозных полях. В 1957 году учебно-производственная бригада Средне-Урухской средней школы получили с одного гектара по 15 центнеров кукурузы и по 40 центнеров картофеля, в то время как в колхозе эти показатели равнялись соответственно 10 центнерам кукурузы и 35 центнерам картофеля. Ученическая бригада Лескенской шко-

⁹⁷ Там же; ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 719. Л. 15.

⁹⁸ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 33. Д. 1. Л. 34; ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 76.

лы собрала с одного гектара по 25,5 центнера кукурузы, колхозники — только по 17 центнеров. Так обстояло дело и в ученических бригадах средних школ селений Зильги, Ольгинского и Чиколы⁹⁹.

Особую известность приобрела в те годы Кадгаронская ученическая бригада, специализировавшаяся на выращивании кукурузы, конопли и овощей. В 1959 году она вырастила урожай кукурузы на площади 149 га по 170 центнеров в початках с каждого гектара. На фоне всеобщей кукурузной эйфории несомненный успех не остался незамеченным. ЦК КПСС направил кадгаронским школьникам письмо, подписанное Н. С. Хрущевым, в котором поздравил ребят с большими достижениями и желал им дальнейших успехов в учебе и труде.

В ноябре того же года Северо-Осетинский областной комитет КПСС принял постановление «Об опыте работы ученической производственной бригады Кадгаронской средней школы». Он рекомендовал республиканским школам популяризировать успехи кадгаронцев и принять конкретные обязательства по улучшению политехнического обучения. Из республиканского бюджета Кадгаронской школе были выделены 30 тыс. рублей. На эти средства были оборудованы кабинеты и мастерские. Учащиеся обеспечивались всем необходимым оборудованием для выполнения лабораторных и практических работ по предметам физико-математического и естественного цикла¹⁰⁰.

Постановление Северо-Осетинского обкома КПСС фиксировало также определенные льготы членам ученической бригады при поступлении в высшие учебные заведения. В нем было записано: «Поручить министерству просвещения, директорам вузов и обкому ВЛКСМ при приеме нового набора в вузы в 1960/61 учебном году учесть активную работу членов ученической бригады Кадгаронской средней школы и оказать им помощь в подготовке к вступительным экзаменам путем организации курсов, консультаций и т.п.»¹⁰¹.

Так, постепенно формировалась система льгот для молодежи,

⁹⁹ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 76.

¹⁰⁰ См.: Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 80; ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 3. Д. 18. Л. 93-94.

¹⁰¹ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. Оп. 3. Д. 18. Л. 94.

участвовавшей в общественном производительном труде и желавшей продолжить учебу после окончания школы.

После подобных успехов целесообразность существования ученических бригад признавалась бесспорной. В отчете Министерства просвещения Северо-Осетинской АССР об итогах работы ученических производственных бригад в 1965 году они характеризовались как прекрасные коллективы, где учащаяся молодежь получала трудовую закалку, приобретала жизненный опыт. Эффективность работы ученических бригад нередко была выше, чем в колхозах. Высокие показатели являлись результатом упорного, добросовестного труда, требовавшего не только значительных физических и материальных, но и временных затрат. Однако чрезмерное отвлечение школьников на производственную работу негативно отражалось на результатах учебы и усвоения знаний по основным наукам.

Ученические бригады представляли собой производственную структуру, посредством которой детей вовлекали в общественно-полезную работу. В сущности, в сельской местности эти бригады стали «пробным камнем», а затем основанием для радикальной реформы школьной системы, предпринятой в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Кульминационным документом этой реформы явился закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР», принятый сессией Верховного Совета СССР 24 декабря 1958 года.

Закон заменял прежнюю систему школьного образования, предусматривавшую две ступени — обязательное семилетнее образование с последующим выходом на производство и полное десятилетнее образование — единым восьмилетним. Восьмилетняя школа призвана была давать учащимся основы общеобразовательных и политехнических знаний, воспитывать у них любовь к труду и готовить к производственной деятельности. Полное среднее образование предусматривалось осуществлять на основе соединения обучения с производительным трудом, то есть вся молодежь, начиная с 15-16 летнего возраста, обязана была три года проработать на заводах или в сельском хозяйстве, одновременно продолжая учиться, если она этого хотела. Реформа обра-

зования мыслилась в качестве составного элемента программы коммунистического строительства, ликвидации противоположности между физическим и умственным трудом.

В марте 1959 года был разработан проект закона «Об укреплении связи школы с жизнью» применительно к Северной Осетии. Закон о реформе народного образования в республике предусматривал введение с 1961/62 учебного года всеобщего обязательного восьмилетнего образования для детей и подростков в возрасте от 7 до 15-16 лет. Перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение начался с 1959/1960 учебного года¹⁰².

С 1 сентября 1959 года на новый учебный план перешла 21 школа, в том числе девять городских и двенадцать сельских. В этих школах, наряду с изучением основ наук, учащиеся 9-х классов должны были проходить производственное обучение на базе промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Выбор специальностей осуществлялся по распоряжению Совета Министров республики в соответствии с потребностями организаторов производственной практики. По возможности рекомендовалось учитывать и желание учащихся. Однако оговоримся сразу, такой возможности практически никогда не было¹⁰³.

Попытки расширить список специальностей вели к удорожанию и усложнению организации производственного обучения. Например, в средней школе № 27 г. Орджоникидзе сорок три человека были распределены по семи группам. Основной недостаток в организации процесса обучения заключался не только в отсутствии необходимых учебных цехов, но и в методической неподготовленности специалистов, преподававших теоретический курс. Многие рабочие, мастера, инженеры, которые вели практические занятия со школьниками, будучи квалифицированными специалистами, не обладали педагогическим талантом. Поэтому учащиеся могли освоить отдельные операции, овладеть определенными навыками, но не имели представления о деле в целом.

Сложности в реализации закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образова-

¹⁰² ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 3, приложение к протоколу № 73, параграф 21. Л. 112.

¹⁰³ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 1. Д. 724. Л. 70-71.

ния» стали проявляться практически сразу. Они были обусловлены многими причинами: необеспеченностью материально-технической и финансовой базы реформы, отсутствием профессионально подготовленных мастеров производственного обучения, психологическим неприятием обществом преобразований, выразившимся в пассивном сопротивлении им.

В июле 1963 года состоялся VIII пленум Северо-Осетинского обкома КПСС. Он, в частности, обсудил проблему политехнической реформы школы. Выступая на этом пленуме, секретарь обкома КПСС А. Г. Кучиев отмечал: «Воспитание молодежи в труде и для труда стало основным призванием школ и учебных заведений республики, в которых обучается более 120 тысяч учащихся и студентов, работает около 8 тысяч преподавателей. 8 тысяч старшеклассников проходят производственное обучение на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах республики... Однако состояние производственного обучения... не может удовлетворить. До сих пор руководство многих предприятий не выполняет решений... об улучшении условий производственного обучения. На большинстве предприятий учащиеся не имеют самостоятельных рабочих мест, практика получается «заспинной»¹⁰⁴. Выступление, как нельзя лучше, характеризовало состояние и проблемы политехнической школы, пути и методы осуществления реформы.

В 1964/65 учебном году в республике работало около 100 одиннадцатилетних школ с производственным обучением, в которых насчитывалось более 9 тыс. учащихся 9-10 классов. В этом же году был осуществлен выпуск из 11-х классов 2100 человек, специализировавшихся по различным сельскохозяйственным и рабочим профессиям. По производственным специальностям обучались в 43 городских школах 4846 человек, в 54 сельских школах 3810 человек¹⁰⁵.

В 1964 году для производственного обучения на предприятиях Северной Осетии было создано 16 участков, 5 учебных цехов на 310 рабочих мест с пропускной способностью 740 человек.

¹⁰⁴ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 47. Д. 10. Л. 36.

¹⁰⁵ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 2. Д. 46. Л. 1, 2.

Были открыты межшкольные производственные мастерские, обслуживавшие в течение дня 620 учащихся. В принципе всего этого было недостаточно для осуществления политехнизации. Имевшаяся производственная база обеспечивала работу только 2360 учащихся. Остальные размещались в общих цехах на местах рабочих, что существенно затрудняло последовательное, систематическое прохождение программного материала и организацию производственного обучения¹⁰⁶.

В целом, программу политехнизации школ, требовавшую капитальных и профессиональных вложений, промышленные предприятия со временем все более воспринимали как обузу, отвлечение от основной производственной деятельности. Поэтому по мере возможности, они игнорировали обязанности, возлагавшиеся на них советскими и партийными органами. К примеру, не было выполнено постановление органов Северо-Кавказского экономического района о дополнительном выделении в 1964/65 учебном году 195 рабочих мест на предприятиях республики. Из-за отсутствия необходимой производственной базы 60-70% учащихся вынуждены были наблюдать трудовые операции со стороны и за три года обучения в политехнической школе фактически не получали специальности. Осознание тщетности моральных, материальных, временных затрат на производственное обучение не прибавляло популярности идее политехнизации школы. По приобретенной в школе специальности работало незначительное количество выпускников. Подавляющее большинство их избрало работу и учебу в сфере, совершенно не имевшей отношения к полученной рабочей или сельскохозяйственной профессии¹⁰⁷.

В реализации программы политехнического обучения в городских и сельских школах имелись определенные различия. Как уже отмечалось, основным каналом проведения политехнизации в сельской местности являлись учебно-производственные бригады. В 1965 году в колхозах и совхозах Северной Осетии продолжали работать 68 ученических бригад, обрабатывавшие 4960 гектаров земли. Результаты работы некоторых из них были достаточно

¹⁰⁶ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 46. Л. 1, 2.

¹⁰⁷ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С. 41, ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 47. Д. 10. Л. 36.

эффективны. Ученическая бригада Архонской школы получала с гектара 90-100 центнеров кукурузы, т.е. в 2-3 раза больше среднего урожая местного колхоза. Но неудачи в реализации политехнического обучения здесь проявилась особенно зримо. Учащихся активно привлекали в течение всего учебного года к работе в полеводческих бригадах, на животноводческих фермах в качестве подсобной рабочей силы, выполнявшей неквалифицированную работу. Поэтому они приобретали определенные навыки работы по специальности, но не получали должной профессиональной подготовки. Одновременно постоянное отвлечение учащихся от учебного процесса вело к снижению показателей успеваемости¹⁰⁸. Таким образом, главная цель политехнического обучения в школе — создание квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства — не достигалась. К тому же, под угрозой оказывалась важнейшая школьная реформа, предусматривавшая осуществление всеобщего обязательного восьмилетнего обучения.

Чрезмерное расширение количества часов на производственное обучение в школе, несмотря на дополнительный год обучения, привело к резкому ухудшению качества изучения основных наук. Данное обстоятельство в значительной мере объяснялось тем, что старшеклассники охладели к учению. Известный социолог М. Н. Руткевич писал: «Они (старшеклассники — И. Ц.) ежедневно задумывались над вопросами такого рода: к чему изучать бином Ньютона, если я получаю специальность токаря или швеи, для овладения которой его знание не требуется?»¹⁰⁹.

Заметное снижение показателей успеваемости и по сельским, и по городским школам заставило органы народного образования уже в 1960 году забить тревогу. Серьезное беспокойство вызывал уровень подготовки детей по алгебре, геометрии, физике и другим предметам. Особенно пострадали гуманитарные науки — русский и осетинский язык, литература, история. Для большей части школьников возможность поступления в вузы и техникумы значительно осложнилась. В 1961 г. каждый второй абитури-

¹⁰⁸ ЦГА РСО — А.. Ф. 786. Оп.2. Д. 46. Л. 4-6; Оп. 1. Д. 724. Л. 129; Текиев В.Д. Указ. соч. С. 41.

¹⁰⁹ Руткевич М.Н. Социология образования и молодежь. Избранное (1965-2002). М., 2002. С. 29.

ент, сдававший вступительные экзамены в вузы РСФСР, получил «неуд»¹¹⁰. Впрочем, поступление в вуз теперь полностью зависело от производственного стажа и общественно-производственной характеристики, а не от блестящих результатов в овладении основами наук в средней школе. Вузы должны были оставлять все большее число мест учащимся, прошедшим производство, и строить сложную систему посредствующих звеньев между предприятиями и учебными заведениями.

В процессе политехнизации школы снижалось не только качество знаний учащихся старших классов, но и наметился отток их из школ, объяснявшийся боязнью производственной специализации¹¹¹. Ведь профессионализация определялась не способностями и интересами учащихся, а близостью к школе тех или иных предприятий. Старшеклассники, которые хотели получить рабочую профессию, предпочитали покинуть школу, рассуждая примерно так: для получения рабочей специальности целесообразнее поступить на год-два в профтехучилище, чем учиться в школе еще три года. Те из них, кто готовил себя к вузу, уходили после восьмого класса на производство и одновременно поступали в школу рабочей молодежи. Они выигрывали сразу по двум каналам: учились в ШРМ всего два года (вместо трех в «детской школе») и «зарабатывали» двухлетний производственный стаж¹¹².

Все эти явления развивались на фоне усиливавшегося негативного отношения разных слоев общества к дальнейшей реализации программы политехнического обучения. Как отмечал один из ведущих западных специалистов по истории советского общества Н. Верт, интеллигенция выступила против реформы потому, что она лишала их детей решающих преимуществ в получении высшего образования. Представители других слоев общества возмущались тем, что успехи их детей в школе, которые они полагали достаточными для дальнейшего продвижения по социальной лестнице, были дискредитированы неуместным «орабочивани-

¹¹⁰ Новейшая история Отечества. XX век. М., 1997. Т. 2. С. 346.

¹¹¹ ЦГА РСФСР — А.. Ф.786. Оп.1. Д. 724. Л. 129.

¹¹² Руткевич М.Н. Социология образования и молодежь. Избранное (1965-2002). С. 30.

ем» и восхвалением производства, которое было вовсе нежеланно для них. Руководители предприятий также были встревожены перспективой наплыва «транзитных» на пути в вуз рабочих, вносивших беспорядок и дезорганизацию в производство¹¹³.

В некоторых сельских районах страны осуществление программы политехнизации школьного обучения вообще приобретало абсурдные формы. «Учительская газета» от 11 апреля 1959 года опубликовала статью «Безответственное отношение к важному делу», в которой сообщалось, что в Тамбовской области занимают школьные помещения для выращивания цыплят и кроликов, устанавливают обязательные «поставки» школьниками и учителями кур и кроликов. Подобные «удивительные» факты политехнизации школы имели место во многих других районах, областях и краях страны. Бывали случаи, когда директоров школ под страхом увольнения заставляли разводить домашнюю птицу, кроликов, поросят. Но средств на их покупку, содержание, кормление не выделялось. В поисках выхода из этой непростой ситуации школьные коллективы изощрялись, как могли. Чтобы выполнить «обязательное задание» учителя и учащиеся летом выращивали цыплят, кроликов и другую живность, а осенью их сдавали. Имелись факты, когда некоторые руководители колхозов полностью переключивали на школьников обязанности по выращиванию птицы и кроликов. С учетом сложившейся ситуации заведующий отделом науки, вузов и школ ЦК КПСС В. Кирилин дал специальное распоряжение партийно-советским органам на местах принять необходимые меры по искоренению негативных фактов, дискредитировавших идею политехнического обучения, и недопущению подобных «извращений» впредь¹¹⁴.

В Северной Осетии подобные случаи не фиксировались. Однако к началу 1960-х годов пассивное, невыраженное сопротивление всех слоев североосетинского общества приобретало все более отчетливые очертания. По общему мнению, итоги политехнической реформы были неутешительны. Она сдерживала общее образовательное и культурное развитие школьников, не давала

¹¹³ Верт Н. История Советского государства. М., 1994. С. 411.

¹¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Ед. хр. 124. Л. 67.

профессиональной подготовки и, таким образом, порожидала недовольство всех социальных категорий общества.

Необходимость преодоления негативных тенденций в сфере школьного образования вынуждает Советское государство корректировать культурную политику. В середине 1960-х годов советская школа вступает в стадию стабилизирующей контрреформы. В августе 1964 года было принято решение о сокращении срока производственного обучения после восьмого класса с трех до двух лет. Тем самым средняя школа вновь стала десятилетней. Начало стабилизационно-модернизаторских процессов в системе школьного образования наиболее отчетливо демонстрировала поправка к Закону 1958 года, принятая в марте 1966 года Президиумом Верховного Совета СССР. Устанавливалось, что школа дает учащимся профессиональную подготовку лишь там, где для этого имеются необходимые условия. С этого момента свертывание программы политехнизации идет ускоренными темпами. Одними из первых на поправку отреагировали промышленные предприятия, лишив многие школы производственной базы. Школы, осознав потерю, в то же время не предприняли никаких мер к оборудованию учебных кабинетов и лабораторий для проведения практикумов с учащимися старших классов, более того уменьшилось количество кабинетов по электротехнике. Во многих школах читался лишь теоретический курс по данному предмету¹¹⁵.

Снижение интереса органов народного образования к проблемам политехнизации было подвергнуто критике со стороны вышестоящих органов. При этом делалась ссылка на постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 года о том, что «советская школа и впредь должна развиваться как общеобразовательная, трудовая и политехническая»¹¹⁶.

Однако, представляется, что стремление утвердить в общественном сознании мысль об обязательности трудовой школы носило на этом этапе скорее уже декларативно-пропагандистский,

¹¹⁵ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 2. Д. 46. Л. 12-14.

¹¹⁶ ЦГА РСО — А.. Ф.786. Оп. 2. Д. 46. Л. 16.

чем практический характер, поскольку обозначенная в документе позиция партийно-советских органов не подкреплялась никакими реальными мерами.

На протяжении второй половины 1960-х — начала 1970-х годов школы Северной Осетии, прежде всего городские, лишились практически всей производственной базы: деревообрабатывающих, слесарных и прочих мастерских, специализированных кабинетов производственного профиля. Под видом создания комбинированных мастерских в одном помещении сосредоточивались слесарное, столярное оборудование и деревообрабатывающие станки; одновременно сокращались рабочие места для проведения уроков труда. Так произошло в школах №4 и №13 г. Орджоникидзе, школах-интернатах гг. Беслана, Моздока и многих других школах республики.

К концу 1960-х годов большинство школьных мастерских пришло в упадок. Учебно-опытные участки, как элементы «трудовой школы» для учащихся 1-8-х классов, существовали при городских школах еще некоторое время. Но в начале 1970-х годов они постепенно исчезают из школьной жизни. В сетке учебных предметов городских школ сохранились только уроки труда. На этих уроках учащиеся овладевали определенными трудовыми навыками по ограниченному кругу специальностей. Эффективность усвоения материала на уроках зависела как от материальной обеспеченности школы, способной технически оснастить учебные мастерские, кабинеты труда и создать приемлемые условия для обучения детей, так и профессионального и квалификационного уровня учителей-трудоуков, большинство из которых не имели специального образования.

То, насколько быстро школы и промышленные предприятия, в наибольшей мере ответственные за практическое претворение в жизнь программы политехнического обучения школьников, отказались от ее реализации, свидетельствовало лишь о том, что в принятой форме идея исчерпала себя. Ее не удалось встроить в сложившуюся образовательно-производственную, социальную систему формирования нового человека. Жизнь подвела итог политике создания «трудовой школы», осуществлявшейся на про-

тяжении второй половины 1950-х — первой половины 1960-х годов.

Считать ли эту попытку неудавшейся? На первый взгляд, с подобным мнением можно согласиться. Однако, подводя итоги, следует помнить, что любой результат, как положительный, так и отрицательный, имеет практический смысл и значение.

Советская общеобразовательная школа не справилась с задачей обеспечения народного хозяйства квалифицированной рабочей силой. Между тем, потребность в ней, обусловленная резким скачком во внедрении новых технологий в промышленном производстве страны, развитием атомной, энергетической промышленности, точного приборостроения, оптики, машиностроения, росла с каждым днем. В квалифицированных рабочих кадрах нуждались тысячи заводов, работавших над космической тематикой. Для Северной Осетии эта проблема в 1960-е — 1970-е годы звучит особенно актуально, потому что именно в этот период в республике вводятся в эксплуатацию заводы оборонной промышленности. Новые предприятия предъявляли повышенные требования к уровню квалификации работников. Они способствовали также росту престижа технического знания.

В конечном итоге, анализ результатов политехнизации советской школы подвел советское государство к осознанию необходимости создания специальной системы по подготовке квалифицированных кадров рабочих для общественного производства. Эта идея была реализована в системе профессионального технического образования, сложившейся к середине 1960-х годов. А средняя общеобразовательная школа только выиграла от этого. Фактически вернувшись к классической модели развития, она получила возможность выполнять свою важнейшую функцию — «давать прочные и глубокие знания учащимся» по предметам гуманитарного и естественного цикла. Опираясь на закон о всеобщем обязательном восьмилетнем образовании, она обеспечивала надежную основу для развития средней и высшей профессиональной школы и научного знания.

Таким образом, во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов в области народного образования произошли

существенные изменения. Реформа системы школьного образования носила многосторонний характер и в целом сыграла важную позитивную роль в совершенствовании системы образования страны в целом и отдельных ее регионов.

Введение обязательного восьмилетнего обучения, расширение системы среднего образования, укрепление материально-технической базы школ, отмена платы за обучение в старших классах, совершенствование методики преподавания, улучшение качества подготовки преподавательских кадров способствовали повышению образовательного уровня населения, обеспечивали устойчивую базу для развития высшего и среднего специального образования. Не менее последовательно выполнялась и задача идейно-политического воспитания подрастающего поколения.

1.5. Реформы — контрреформы второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов в системе школьного образования

Реформирование советской системы образования, развернувшееся в конце 1950-х — начале 1960-х годов, обуславливалось потребностями научно-технической революции, предъявлявшей повышенные требования к образовательному и квалификационному уровню населения, способного обеспечить внедрение научно-технических и технологических новаций в общественное производство. Основные направления реформационных преобразований были определены Законом «Об укреплении связи школы с жизнью», принятым 24 декабря 1958 года. В результате, действовавшая на протяжении двух предыдущих десятилетий система школьного образования заменялась новой. В соответствии с законом был осуществлен переход от обязательного семилетнего к всеобщему обязательному восьмилетнему образованию. Желающие же получить полное среднее образование должны были в течение последующих трех лет совмещать обучение с производительным трудом на предприятиях, в колхозах и совхозах.

Система школьного образования Северной Осетии прошла

все стадии образовательной реформы, определенные Законом от 1958 года. Переход к обязательному восьмилетнему образованию был в основном завершен в 1961/1962 учебном году. Что касается реформы в ее политехнической части, то, как отмечалось в предыдущем параграфе, судьба ее сложилась несколько иначе, чем мыслилось в самом начале. Отсутствие эффективной материально-технической и финансовой базы для создания учебных мастерских, нежелание промышленных предприятий брать на себя обязательства по организации производственного обучения школьников, снижение качественных показателей учебного процесса, неприятие идеи политехнизации обучения всеми слоями общества — эти и другие факторы негативно повлияли на результаты реформирования системы школьного образования в отмеченной области. Они заставили в корне пересмотреть основные положения политехнической реформы, сменившейся во второй половине 1960-х годов контрреформой.

Однако полного отказа от идеи политехнизации не произошло. Некоторые элементы политехнической школы сохранились и получили дальнейшее развитие. Своеобразными «оазисами успеха» в ходе реализации программы политехнического обучения стали учебно-производственные бригады в сельских школах. В 1960-е — 1970-е годы ученические производственные бригады республики занимались разнообразными видами сельскохозяйственной деятельности, вели экспериментальную работу, осваивали сельскохозяйственные специальности. В 1963 году в республике работали 68 ученических бригад. Некоторые из них добивались впечатляющих успехов. Еще ранней весной учащиеся Заманкульской средней школы провели большую работу по задержанию влаги на участке. На 65 гектаров вывезли 1500 тонн местных и 13 тонн минеральных удобрений. Провели пахоту, боронование. На протяжении всего сезона школьники консультировались с колхозными агрономами, перенимали знания, опыт. В результате во время уборочной кампании на отведенных им участках земли был получен более высокий урожай, чем на колхозных и совхозных полях. Так, с одного гектара было собрано кукурузы ученическими бригадами — 46,4 центнеров, колхозами и совхозами — 20

центнеров, сахарной свеклы — соответственно 167 и 80 центнеров, картофеля — 87,2 и 50 центнеров¹¹⁷.

Как отмечалось в марте 1965 года на слете ученических бригад, это были «прекрасные коллективы, где учащаяся молодежь получает трудовую закалку, жизненный опыт»¹¹⁸. Численность учащихся, вовлеченных в ученические бригады, росла из года в год. Так, если в 1969 году в 63 бригадах насчитывалось около 5 тыс. школьников, занимавшихся выращиванием различных сельскохозяйственных культур на площади 2974 га земли, то в 1976 году в 87 бригадах и 2 звеньях числилось почти 9,3 тыс. человек, составлявших 52% учащихся 7-10 классов. В этом году обработанная членами ученических бригад площадь земли под сельскохозяйственные культуры составляла 6905 га, в том числе под кукурузу было отведено 5685 га, картофель — 561 га, овощи — 525 га, технические культуры — 38 га. Работавшие на животноводческих фермах учащиеся откормили 2550 голов свиней. На протяжении всего года школьников активно привлекали к работе по уходу за плодовыми деревьями, уборке овощей, фруктов и початков после комбайновой уборки, заготовке кормов для животноводства¹¹⁹.

Государство активно поощряло деятельность ученических производственных бригад, расценивая их в качестве основополагающего структурного элемента в обеспечении профессиональной ориентации и профессиональной подготовки сельских школьников. На их базе шла подготовка и закрепление кадров полеводов, животноводов, механизаторов в сфере непопулярного сельскохозяйственного производства.

Эта практика получила дальнейшее обоснование и развитие в совместном приказе Министерства просвещения и Министерства сельского хозяйства от 21 января 1976 года. Учащиеся 9-10 классов многих сельских школ, в том числе Гизельской, Ардонской №1, Кадгаронской, Хумалагской, Дарг-Кохской и других, проходили производственную практику в основном на базе ученических бригад. Для бригад Веселовской, Змейской №2, Эльхотовской №2, Синдзикауской средних школ были построены ти-

¹¹⁷ Малиев Н. Д. Пути становления. Владикавказ, 2004. С. 211.

¹¹⁸ Культурное строительство в Северной Осетии. 1983. Т. 2. С. 87.

¹¹⁹ Культурное строительство в Северной Осетии. Т.2. С. 97, 104.

повые полевые станы. Школьники вели опытническую работу в бригадах. Результаты работы по сортоиспытанию кукурузы и откорму поросят в бригадах Кадгаронской и Притеречной средних школ демонстрировались на Выставке достижений народного хозяйства. В тридцати девяти школах республики учащиеся 9-10 классов обучались работе на тракторах (в двадцати пяти школах имелись свои тракторы для обучения вождению), в восемнадцати — автоделу, в восьми — основам животноводства¹²⁰.

Деятельность ученических производственных бригад являлась выразительной иллюстрацией волнообразности реформационных процессов в системе школьного образования в 1950-е — 1980-е годы.

В 1984 году в рамках новой реформы образования, положения которой были сформулированы в документе «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», была предпринята очередная попытка сориентировать среднюю школу на организацию профессионального обучения школьников. В сельской местности работу по вовлечению школьников в производительный труд активно продолжали ученические производственные бригады. В 1986 году в Северной Осетии работали 81 ученическая бригада и 20 звеньев, 30 лесничеств, объединявших свыше 11 тыс. школьников. В летний период 1986 года трудовыми объединениями школьников было охвачено 85% учащихся, которые работали на полях колхозов и совхозов, на промышленных предприятиях¹²¹.

Ученические производственные бригады сельских школ республики на площади 2760 га вырастили в 1986 году 4,7 тонн зерновых, 22,238 тонн кормовых культур и 107 тонн картофеля. Для школьных столовых произведено 1,3 тонны мяса, 18,25 тонн картофеля, 4,3 тонны овощей и более 5 тонн ягод и фруктов. Выращено на колхозных фермах 820 телят, 2378 поросят и 806 кроликов. Стоимость валовой продукции, произведенной учащимися, составила 4 млн. 60 тыс. руб.¹²²

¹²⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 106.

¹²¹ Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. Орджоникидзе, 1987. С. 3.

¹²² Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 3-4.

По итогам Всероссийского смотра ученических производственных бригад сельских общеобразовательных школ в 1985 году ученическая производственная бригада Камбилеевской средней школы признана победителем и награждена первой премией Госагропрома РСФСР. Первая премия Центрального Совета Всероссийского общества охраны природы присуждена также школьному лесничеству средней школы № 4 г. Алагир. Из 4975 учащихся, окончивших 10 классов в 1985/86 учебном году, 1270 (25,6%) остались на производстве, остальные 3705 (74,4%) продолжили учебу в высших, средних и других учебных заведениях¹²³.

В городских общеобразовательных школах обучение учащихся рабочим профессиям осуществлялось на базе учебно-производственных комбинатов. В начале 1979 года в Северной Осетии был открыт первый межшкольный учебно-производственный комбинат. В 1986 году в республике действовало уже три подобных комбината, открытых на базе ведущих промышленных предприятий. В них обучались три тысячи старшеклассников по 16 специальностям из 38 школ. В следующем году планировалось ввести еще два учебно-производственных комбината в г. Орджоникидзе и г. Алагир. Всего для организации трудового обучения учащихся 9-10 классов в цехах и участках базовыми предприятиями было выделено 1604 рабочих мест, что составляло 87% от необходимого количества. Расширилась сеть станций юных техников и юных натуралистов. С 1978 по 1987 год их число выросло с восьми до двенадцати, в том числе станций юных техников с пяти до восьми. Численность учащихся, занимавшихся в них, увеличилась почти в три раза¹²⁴.

Все эти элементы служили основой для новой реформы общеобразовательной школы, начатой в 1984 году. Реформа снова предусматривала введение одиннадцатилетней школы. Устанавливалось обучение детей с шестилетнего возраста. По данным Министерства просвещения республики на 1986/87 учебный год имелось в школах 157 и в детских садах 42 класса шестилеток с количеством обучающихся 3188 и 950 человек. Серьезно пересма-

¹²³ Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 4.

¹²⁴ Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 3-4.

тривались учебные программы в плане повышения их научного уровня, приведения в соответствие с задачами научно-технического прогресса. Инновационным моментом образовательной реформы 1984 года выступало введение обучения компьютерной грамотности, основам семейной жизни. К 1986/87 учебному году практически во всех средних общеобразовательных школах Северной Осетии были открыты кабинеты ручного труда и профориентации. Оснащенность кабинетов учебно-наглядными пособиями, техническими средствами и учебным оборудованием (токарные, фрезерные, сверлильные станки, швейные машины и др.) в течение первой половины 1980-х годов выросла от двух и более раз. Новшеством для общеобразовательных школ республики являлись микрокалькуляторы МКШ-2, использовавшиеся на уроках по предметам естественно-математического цикла. С 1983 по 1986 год их количество выросло с 204 до 2060. Важным шагом в модернизации содержания учебного процесса в общеобразовательной школе в соответствии с требованиями времени стало открытие кабинетов информатики. В 1986 году численность их была крайне незначительной. Лишь 16% городских и 11% сельских школ Северной Осетии располагали такими кабинетами. Тогда же были организованы 8 компьютерных классов — мизер для 205 общеобразовательных школ республики, но по меркам середины 1980-х годов их наличие представлялось как большое достижение¹²⁵.

Социально-политические процессы второй половины 1980-х годов в стране изменили отношение к школьной реформе 1984 года и, в конечном итоге, привели к отказу от данной модели реформирования. По мнению некоторых исследователей, причина неудачи предпринятой реформы состояла в том, что школу пытались сориентировать на нужды «затухающей экономики доиндустриальной стадии» (периода «застоя»), в то время как решить проблемы средней школы можно было только в рамках более широких общественных изменений. Уже в 1985-1986 годах реформа вновь сменяется контрреформой. Поиски форм новой школы продолжались на уроках педагогов-экспериментаторов Ш. Амонаш-

¹²⁵ Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 11-14.

вили, И. Волкова, Е. Ильина, В. Караковского, С. Лысенковой, В. Шаталова, М. Щетинина и др.¹²⁶

В промежутке между двумя реформами: второй половины 1950-х — первой половины 1960-х годов и 1984 года реформаторские мероприятия в советской школе не предусматривали создания новой системы образования или кардинального изменения направленности учебно-воспитательного процесса, что характерно для «общешкольных реформ». В основном это была модернизация содержания общего среднего образования в соответствии с задачами, выдвигавшимися научно-техническим прогрессом. Такие «малые» реформы, по утверждению М. В. Богуславского, имеющие большое концептуальное значение, закономерны и носят циклично-периодический характер. Благодаря работе специальной объединенной Комиссии Академии наук СССР и союзной Академии педагогических наук в 1965-1966 годах было совершено значительное реформирование содержания общего среднего образования, этого важнейшего, по сути, имеющего общешкольное значение компонента системы образования, повышение его содержания на основе научно-технических достижений до уровня мировых стандартов¹²⁷.

Последовательное реформирование системы образования обеспечило достижение главной цели образовательной политики государства: введение всеобщего обязательного среднего образования. Во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов был принят ряд законодательных актов, направленных на решение этой задачи. В уже упомянутом постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 года была поставлена задача: завершить в основном к 1970 году введение в стране всеобщего среднего образования и начать «плановый организованный переход к 1970-1971 учебному году средним общеобразовательным школам на новые учебные планы и программы»¹²⁸.

¹²⁶ Новейшая история Отечества. XX век. М., 1998. Ч. 2. С.347.

¹²⁷ Богуславский М. В. Взаимодействие власти и общества в проведении образовательных реформ XIX-XX вв.// www.education.rekom.ru.

¹²⁸ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С.47.

Окончательное оформление идея введения всеобщего обязательного среднего образования получила в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода к всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы» от 20 июня 1972 года. За этим постановлением последовал еще ряд правительственных распоряжений, дополнявших и уточнявших основные положения плана перехода к всеобщему среднему образованию. Это были постановления «О мерах по дальнейшему улучшению условий работы сельской общеобразовательной школы» от 2 июля 1973 года, «О дальнейшем совершенствовании системы профессионально-технического образования» от 23 июня 1972 года, «О мерах по дальнейшему совершенствованию руководства средними специальными учебными заведениями и об улучшении качества подготовки специалистов со средним специальным образованием» от 22 августа 1974 года, «О мерах по расширению сети средних сельских профессионально-технических училищ и по улучшению их работы» от 28 января 1975 года. Перечисленные постановления охватывали всю систему среднего образования, в том числе профессионально-технические училища и техникумы, дававшие наряду с профессиональной подготовкой общее среднее образование.

В середине 1970-х годов переход к всеобщему среднему образованию во всех регионах Советского Союза, в том числе в Северной Осетии, был завершён. Одновременно пересматривались учебные программы и планы во всех общеобразовательных учреждениях республики с учетом потребностей научно-технического прогресса.

Введение всеобщего среднего образования обусловило существенные количественные и структурные изменения в школьной системе Северной Осетии. На протяжении второй половины 1960-х — 1980-х годов происходило абсолютное сокращение численности общеобразовательных школ всех типов. С 1965/66 по 1983/84 учебный год число школ уменьшилось с 284 до 234 школ. В наибольшей мере сокращение коснулось вечерних общеобразовательных школ (с 59 до 27). Сократилось и число дневных общеобразовательных школ с 225 до 207. Здесь снижение числен-

ности школ произошло, прежде всего, за счет начальных школ. Если в 1965 году количество начальных школ равнялось 37, то уже в 1983 году в перечне дневных общеобразовательных школ республики насчитывалось всего 6 начальных школ. Все они располагались в высокогорных селениях. Почти в 2 раза (с 80 до 43) уменьшилось и количество восьмилеток. Сокращение системы общеобразовательных школ республики происходило не в результате механической ликвидации учебных заведений, а за счет их слияния или преобразования в средние школы. В 1965-1984 годах число средних школ увеличилось от 101 до 151¹²⁹. В 1986/87 учебном году в республике работали 198 дневных общеобразовательных школ, в которых насчитывалось 92,2 тыс. человек, из них в средних школах обучалось 84,8 тыс. учащихся (91,9%). Для сравнения: в 1966 году в дневных средних школах обучалось 69,5 тыс. человек (71,6% всех учащихся дневных общеобразовательных школ Северной Осетии)¹³⁰.

Несмотря на то, что на протяжении 1960-1980-х годов наблюдается планомерное сокращение численности вечерних и заочных школ, они продолжали выполнять функцию учебных учреждений, обеспечивавших возможность получения среднего образования всем желающим, по тем или иным причинам оказавшимся за пределами дневной школы или профессионального учебного заведения, дававшего помимо специальной подготовки среднее образование. Свидетельство тому — устойчивые показатели численности учащихся вечерних школ. Так, хотя с 1965 по 1980 год число вечерних общеобразовательных школ в Северной Осетии сократилось почти вдвое, с 59 до 31, это не повлекло за собой сокращения численности учащихся. Напротив, их количество, включая обучавшихся заочно, увеличилось с 9,9 до 10,6 тыс. Еще более существенные изменения наблюдались в распределении учащихся по классам. Если число обучавшихся

¹²⁹ Северная Осетия за годы десятой пятилетки. Стат. сб. Орджоникидзе, 1982. С. 102; Северная Осетия за 60 лет автономии. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1984. С. 105, 106.

¹³⁰ Северная Осетия за годы десятой пятилетки. Стат. сб. С. 102; История Северной Осетии. XX век. С. 473; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 20.

в 1-8 классах сократилось с 4,6 до 0,5 тыс. человек, то в 9-11 классах выросло почти в два раза, с 5,3 до 10,1 тыс. человек¹³¹. В течение 1971-1975 годов в вечерних и заочных школах получили свидетельства о восьмилетнем образовании 5610, а аттестаты зрелости — 7295 человек. В 1975 году в Республиканской заочной школе в г. Орджоникидзе, а также Ардонской, Алагирской, Моздокской и Кировской заочных школах продолжали учебу 4975 человек¹³².

Однако, по мере укрепления системы дневных средних школ, расширения сети профессионально-технических училищ, дававших помимо рабочей профессии общее среднее образование, вечерние общеобразовательные школы постепенно утрачивали свои позиции. На этом этапе происходит уже сокращение не только самих вечерних школ, но и численности учащихся в них. Так, в 1983/1984 учебном году в республике продолжали работать 27 вечерних школ. В них обучались 7537 человек, в том числе в 1-8 классах 273, а в 9-11 классах — 7254 ученика. На протяжении 1980-х годов ареал действия этих учебных заведений неуклонно сужается. В 1985 году в вечерних общеобразовательных, а также заочных школах обучалось примерно пять тысяч человек. В 1986/87 учебном году осталось только шесть вечерних школ, в которых насчитывалось 2,5 тыс. учащихся¹³³.

Подводя итоги деятельности вечерних школ, следует признать объективно прогрессивную роль этих учебных заведений в образовании и просвещении общества. На протяжении длительного периода времени вечерние школы выступали в качестве оптимальной формы организации обучения взрослого населения, в силу разных жизненных обстоятельств оказавшегося за пределами обычной дневной общеобразовательной школы, но стремившегося получить образование. Вечерние школы, дававшие среднее образование, являлись также необходимой ступенью на пути к высшей и средней профессиональной школе, что, несомненно,

¹³¹ Северная Осетия за годы 10-й пятилетки. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1982. С. 103.

¹³² Культурное строительство в Северной Осетии. Т.2. С. 102.

¹³³ Северная Осетия за 60 лет автономии. Стат. сб. С. 108; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 17.

служило надежным основанием для повышения профессионального и социального статуса человека.

В 1960-е годы был преодолен демографический провал предыдущего десятилетия. Положительная динамика прироста населения выразилась в увеличении численности школьников. Так, если с 1940 по 1960 год число учащихся дневных школ сократилось с 82,3 до 73,4, то в последующем десятилетии напротив наблюдается устойчивая тенденция роста количества учащихся. В 1965/66 учебном году в общеобразовательных школах республики всех видов (дневных, вечерних, для детей с дефектами умственного и физического развития) насчитывалось 106,9 тыс., в том числе в дневных школах — 97,9 тыс., в 1970/71 учебном году — 116,5 тыс., в том числе в дневных школах — 106,2 тыс. детей¹³⁴.

Но уже с середины 1970-х годов в силу действия факторов социального, материально-бытового, психологического, статусного характера демографическая ситуация в стране вновь ухудшается. По показателям рождаемости Северная Осетия находилась в числе неблагоприятных регионов. Это не могло не сказаться на количестве детей школьного возраста. На протяжении 1970-х — 1980-х годов численность учащихся дневных общеобразовательных школ Северной Осетии неуклонно сокращается. В 1975/1976 учебном году численность учащихся во всех общеобразовательных школах составляла 113,7 тыс. человек, в том числе в дневных школах — 102,5 тыс. детей. В 1980/81 учебном году в них насчитывалось 104,7 тыс. в том числе в дневных школах — 94,1 тыс., в 1983/84 учебном году соответственно — 100,8 тыс. и в дневных — 93,3 тыс. учащихся. В 1986/87 учебном году в дневных общеобразовательных школах республики обучалось 92,2 тыс. детей¹³⁵. Как видим, снижение показателей в масштабах небольшой республики было весьма значительно.

Общеобразовательная школа во второй половине 1960-х — начале 1980-х годов переживала, как известно, очередной этап

¹³⁴ Северная Осетия в восьмой пятилетке. С. 148; Северная Осетия за 60 лет автономии. С.106.

¹³⁵ Северная Осетия за 60 лет автономии. С.105-106; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 17.

стабилизационно-модернизаторских преобразований. В русле отмеченных преобразований осуществлялись мероприятия по укреплению материально-технической, учебно-методической, научной инфраструктуры учебных заведений. В период с 1966 по 1977 год в Советском Союзе было введено в строй 70 тысяч новых школ почти на 28 млн. ученических мест. В Северной Осетии в течение 1961-1976 годов было построено 113 новых школ, рассчитанных на 61 107 ученических мест. Из них в 1966-1976 годах было введено в строй 76 школ на 44435 ученических мест. Особенно активно, в том числе за счет средств колхозов и совхозов, шло строительство в сельской местности. В 1978-1987 годах было введено в эксплуатацию 23 школьных здания, из них 15 в сельской местности. Были возведены новые школьные здания в селениях Октябрьское, Майское, Иран, Чикола, Хаталдон, Синдзикау, Хурикау, Кизляр, Хумалаг, Зильги, Терк, Эльхотово, Сунжа, Чермен, станицах Архонская, Луковская¹³⁶.

Масштабы школьного строительства позволили отчасти сократить многосменность занятий в школах. Так, в течение пяти лет, с 1971 по 1975 год количество учащихся, занимавшихся во вторую смену, в целом по республике сократилось с 34,2% до 25,3%. Особенно заметные перемены происходили в сельской местности. За отмеченный период в сельских школах количество учащихся, занимавшихся во вторую смену, сократилось на 14,0% и составило 18,7%¹³⁷.

Позитивная динамика в сфере организации образовательного процесса, бесспорно, была связана со строительством новых, более просторных школьных зданий. Но, представляется, что в не меньшей степени эти изменения были обусловлены наметившимся на рубеже 1960-х — 1970-х годов (особенно после 1974 года, когда колхозникам стали выдавать паспорта), а в последующие годы приобретшим впечатляющие масштабы, оттоком населения из сельских районов республики. Уезжали не только в Орджоникидзе и другие города Северной Осетии, но и другие регионы Советского Союза.

¹³⁶ История СССР. Эпоха социализма. М., 1985. С. 437; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 10.

¹³⁷ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 103-104.

Поскольку в миграционный процесс вовлекались, прежде всего, представители наиболее молодых трудоспособных возрастных категорий населения, имевших семьи, то среди переселенцев достаточно высоким был процент детей школьного возраста. Данная точка зрения подтверждается имеющимися статистическими данными. Если на протяжении 1960-х годов наблюдалась устойчивая динамика роста контингента учащихся по городским и сельским школам, то уже с 1970 года при относительной стабильности показателей по городским школам, численность учащихся сельских школ неуклонно уменьшается. Так, с 1960 по 1970 год в дневных общеобразовательных школах городов и поселков городского типа Северной Осетии количество учащихся выросло с 36,6 до 59,9 тыс., в сельской местности с 37,2 тыс. до 46,3 тыс. человек. В 1983/84 учебном году списочный состав учащихся дневных школ городов и поселков городского типа равнялся 57,6 тыс., а в сельской местности — этот показатель составлял лишь 35,7 тыс. человек¹³⁸.

Завершение перехода к всеобщему среднему образованию молодежи вызвало существенные перемены в организации учебно-воспитательного процесса. В качестве важного элемента школьного строительства рассматривалась организация кабинетной системы. По данным Министерства просвещения на начало 1981 года план оборудования общеобразовательных школ республики специализированными кабинетами были выполнен на 93,9%. В 1986/87 учебном году кабинетная система действовала уже практически во всех средних общеобразовательных школах республики. Кабинеты оснащались диапроекторами, радиоприемниками, экранными и звукотехническими пособиями. В некоторых школах имелись радиоузлы. В столице республики г. Орджоникидзе действовали две английские спецшколы. Они были оборудованы шестью лингафонными кабинетами. В 1970-е — 1980-е годы заметно пополнились библиотечные фонды общеобразовательных школ. Учащиеся получали возможность бесплатно пользоваться учебниками. В подавляющем большинстве школ имелись столовые и буфеты, обеспечивавшие питанием 93,4%

¹³⁸ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 106.

учащихся, в том числе горячее питание было организовано для 64,8% школьников¹³⁹.

Реформирование школьной системы способствовало быстрому росту удельного веса молодежи со средним образованием. В 1975 г. из 10420 закончивших восемь классов продолжили учебу 9082 человека, т.е. 94,2%. Подавляющее большинство из них учились в 9 классах общеобразовательных школ, в том числе вечерних и заочных, другие поступили в техникумы и профтехучилища, где помимо специальности они получали аттестат о среднем образовании¹⁴⁰.

Цифровые показатели в реализации общешкольной реформы перехода к всеобщему среднему образованию молодежи выглядели вполне благополучно. Однако кризисные тенденции эпохи «застоя» в развитии советского общества не могли не отразиться на содержании школьного образования. Имелись различия в уровне и качестве образования городских и сельских детей. Разный уровень знаний демонстрировали учащиеся специализированных и обычных школ. Показатели качества образования и уровня подготовки выпускников средней школы не всегда соответствовали действительному положению вещей. Педагоги 1960-х — 1970-х годов были первым поколением советских учителей, которые работали со школьниками без отсева и отбора. Педагогические коллективы, скованные жесткими рамками необходимости выполнения закона о всеобщем обязательном среднем образовании, нередко лишались возможности объективно оценивать знания учащихся.

Успех исполнения Закона о восьмилетнем, а затем среднем всеобщем образовании стал напрямую связываться с преодолением такого явления в школьной практике, как второгодничество. Ответственность за ликвидацию второгодничества ложилась на учителей и органы образования, перед которыми ставилась задача «повысить качество знаний учащихся». Однако реальных рычагов решения этой проблемы в общешкольном масштабе не

¹³⁹ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 46; Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 11.

¹⁴⁰ В 1971-1975 годах документ о среднем образовании получили 7295 выпускников вечерних школ. — Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 103.

существовало. Тем не менее, показатели неуспеваемости и второгодничества стали снижаться. К середине 1970-х годов можно говорить, что второгодники среди учащихся средних общеобразовательных школ практически уже не встречаются.

Во второй половине 1970-х — 1980-е годы практика оставления на второй год как воспитательная мера, как средство повышения ответственности и побуждения учащегося к овладению знаниями и, следовательно, как фактор повышения эффективности учебного процесса вообще исчезает из школьной жизни. Формально проблема второгодничества была решена. Однако искоренение этого явления происходило не благодаря совершенствованию учебно-воспитательного процесса, внедрению новых методик обучения, повышению качества знаний учащихся (которые, без сомнения, имели место в работе отдельных школ и учителей). В школах получила широкое распространение практика искусственного завышения показателей успеваемости, что в конечном итоге весьма негативно сказывалось на содержании всего учебного процесса и качестве знаний выпускников средних школ.

Усложнение учебно-воспитательного процесса в школе и повышение ответственности учителей за качество обучения в условиях перехода к всеобщему среднему образованию государство стремилось компенсировать как за счет повышения оплаты труда (хотя приходится признать, что заработная плата учителей никогда не была адекватной сложности педагогического труда), так и разработки комплекса мер морального стимулирования учителей. В конце 1960-х годов впервые 70 лучших учителей Советского Союза были удостоены звания Героя Социалистического Труда. Был учрежден нагрудный знак «Отличник просвещения СССР». День учителя стал отмечаться как всенародный праздник. Начиная с 1984 года, в календаре появляется еще один всенародный праздник «Первое сентября — День знаний».

Во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов в профессиональном, квалификационном составе педагогических кадров общеобразовательных школ произошли заметные из-

менения. В 1968/69 учебном году в школах республики работали 6693 учителя, в том числе с высшим образованием 3953 человека (59%). Звание заслуженного учителя школ РСФСР и СО АССР к этому времени имели 287 человек. Орденами и медалями СССР были награждены 948 учителей, значком «Отличник народного просвещения» 1236 человек.

*Выпуск 1972 г. Орджоникидзевской средней школы № 2.
Слева направо: 5-я во 2-м ряду заслуженный учитель СО АССР Р. М.
Кибизова*

Переход с 1970 года на новые учебные программы предъявлял повышенные требования к уровню общеобразовательной и профессиональной подготовки учителей, владению ими современными методами обучения. В Северной Осетии за 1978-1986 годы численность педагогических работников в дневных и вечерних школах увеличилась с 6894 до 7318 человек. При этом, удельный вес учителей, воспитателей и старших пионервожатых с высшим образованием поднялся с 71 до 73%. Численность учителей в начальной школе с высшим образованием за этот же период увеличилась с 175 (15%) до 253 (19%), а в 4-х — 10-х классах средней школы — с 4172 (89%) до 4639 человек (91%). Данная тенденция

сохранялась в дальнейшем¹⁴¹. Решающую роль в обеспечении педагогическими кадрами с высшим образованием общеобразовательных школ республики играл Северо-Осетинский государственный университет, на протяжении 1970-х — 1980-х годов, ежегодно выпускавший примерно около одной тысячи специалистов педагогического профиля. В целом приведенные данные соответствовали общесоюзным показателям. Так, с начала 1950-х годов за последующие 30 лет удельный вес учителей в СССР, окончивших вузы, увеличился с 14 до 74%¹⁴².

Вопросами повышения профессиональной квалификации педагогических кадров занимался Институт усовершенствования учителей (ИУУ). В 1968 году всеми видами курсовой подготовки, организованной Институтом совместно с педагогическим училищем и вузами республики, были охвачены 1372 человека¹⁴³. В Институте были созданы кафедры педагогики и психологии, русского языка и литературы. Новой формой подготовки и переподготовки руководителей школ стали факультеты повышения квалификации (ФПК) директоров общеобразовательных школ, их заместителей, работников районных органов народного образования в г. Махачкале и в ИУУ г. Орджоникидзе. Ежегодно более сорока пяти человек проходили подготовку на факультетах повышения квалификации.

С 1975 года вводится аттестация учителей. С этого времени ежегодно до тысячи человек держали экзамен перед аттестационной комиссией. Лучшим из педагогов, добившимся значительных результатов в совершенствовании учебно-воспитательного процесса, квалификационными комиссиями присваивались звания «Учитель-методист» и «Старший учитель». С 1978/79 по 1986/87 учебный год звание «учитель-методист» получили 117 и звание «старший учитель» 234 преподавателя общеобразовательных школ Северной Осетии¹⁴⁴.

¹⁴¹Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 6

¹⁴²Новейшая история Отечества. XX век. М., 1998. С. 347.

¹⁴³ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. О. 26. Д. 47. Л. 20.

¹⁴⁴Справочные материалы о развитии просвещения в СОАССР 1978-1987 гг. С. 7.

Высокий уровень преподавания поддерживался благодаря деятельности педагогов-экспериментаторов. Учительница средней школы № 15 г. Владикавказ Н. М. Цаликова была среди первых учителей страны, удостоенных в 1968 году звания Героя Социалистического Труда. Учительница русского языка средней общеобразовательной школы № 5 г. Владикавказ В. Т. Бязырова стала лауреатом Государственной премии СССР. В 1980 году коллектив этой школы был награжден орденом «Знак почета» в связи со 100-летием со дня основания и за большие заслуги в воспитании и образовании детей.

Н. М. Цаликова

В республике хорошо были известны имена талантливых педагогов В. М. Анисимовой, Б. М. Байтуганова, А. М. Базаева, В. М. Дегоева, Р. М. Кибизовой, А. М. Круглиевской, Н. П. Мазуренко, П. А. Пашкиной, М. М. Садович, М. З. Уруймагова и других. К началу 1980-х годов в школах республики работали 342 заслуженных учителя школы РСФСР и СОАССР, 1507 отличников народного просвещения СССР и РСФСР¹⁴⁵.

В целом преобразования в системе среднего образования во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов были направлены на совершенствование системы образования, повышение образовательного и культурного уровня общества. Они закладывали фундамент, на котором строилась вся система высшего и среднего специального образования, формировалось научное пространство республики. Значение этих важнейших культуuroобразующих элементов неизмеримо возрастало в условиях научно-технического прогресса, ставшего определяющим фактором общественного развития.

В. М. Анисимова

¹⁴⁵ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 47.

ГЛАВА 2. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

21. Развитие высшего и среднего профессионального образования в послевоенное десятилетие

В первые послевоенные годы Советское государство столкнулось со сложнейшей проблемой нехватки квалифицированных кадров специалистов. Как известно, Великая Отечественная война унесла жизни огромного количества квалифицированных специалистов: инженеров, техников, врачей, научных работников, учителей, представителей многих других профессий. Между тем, восстановить разрушенную войной экономику, обеспечить ее дальнейшее развитие было возможно лишь при наличии квалифицированных профессиональных кадров. Поэтому в кратчайшие сроки, чтобы удовлетворить потребности народного хозяйства в специалистах, необходимо было не только восполнить потери военного времени, но и расширить подготовку новых и организовать переподготовку имевшихся кадров. Советское правительство, несмотря на значительные финансовые трудности, выделяет ассигнования на развитие системы высших и средних специальных учебных заведений. В первые послевоенные годы восстанавливается инфраструктура профессиональной школы. Одновременно в стране создаются десятки новых специальных учебных заведений. В 1947 году с целью усиления государственного руководства подготовкой квалифицированных кадров специалистов Комитет по делам высшей школы был преобразован в Союзно-республиканское министерство высшего образования СССР.

В Северной Осетии восстановление сферы высшего и среднего специального образования начинается практически сразу после завершения боевых действий на территории республики. Постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совнаркома СО АССР, датированное 22 января — 25 февраля 1943 года, предусматривало целый комплекс мер по возобновле-

нию деятельности учебных заведений с привлечением ресурсов местных и центральных органов управления. «1. В связи с удалением фронта от территории Северо-Осетинской АССР, — подчеркивалось в части постановления от 25 февраля, — и наличием благоприятных перспектив дальнейшего развития промышленности цветных и в особенности редких металлов на Кавказе, и в частности в Северной Осетии, обязать директоров института цветных металлов и горно-металлургического техникума возобновить учебную деятельность.

2. Просить наркома цветной металлургии СССР тов. Ломако:

а) вернуть профессорско-преподавательский состав и оборудование института цветных металлов и горно-металлургического техникума;

б) отпустить средства на восстановление, реэвакуацию, дооборудование и содержание в 1943 г. института и техникума;

в) выделить Орджоникидзевскому институту цветных металлов и горно-металлургическому техникуму по одной грузовой автомашине для хозяйственного обслуживания...

3. Обязать директоров института цветных металлов и горно-металлургического техникума:

а) представить подробные сметы на восстановление, реэвакуацию, дооборудование и содержание института и техникума в 1943 г.;

б) открыть столовую в Орджоникидзевском институте цветных металлов для контингента студентов института и техникума...

5. Обязать Госплан при СНК Северо-Осетинской АССР отпустить институту цветных металлов и горно-металлургическому техникуму строительные материалы (лес, кирпич, известь и др.), необходимые для ремонтных работ.

6. Поручить СНК Северо-Осетинской АССР выделить Орджоникидзевскому институту цветных металлов и горно-металлургическому техникуму участки земли для организации пригородного хозяйства»¹⁴⁶.

Аналогичные решения принимались и по другим высшим и средним специальным учебным заведениям республики. Дирек-

¹⁴⁶ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.113.

ция Северо-Осетинского медицинского института обязана была эвакуировать институт из Еревана, произвести ремонт и подготовить помещения института (учебные корпуса, общежития, столовую и др.) к 1 апреля 1943 года. К занятиям рекомендовалось приступить не позднее 1 июля 1943 года. Дирекции Горского сельскохозяйственного института предлагалось произвести набор студентов на первые курсы факультетов института к 5 февраля 1943 года и начать занятия с первокурсниками. Основной контингент студентов и преподавателей института оставался к этому моменту еще в эвакуации в г. Ереван¹⁴⁷.

Всего в Северной Осетии к концу войны насчитывалось пять вузов: Северо-Кавказский горно-металлургический, Северо-Осетинский сельскохозяйственный, Северо-Осетинский медицинский, Северо-Осетинский государственный педагогический и входивший в его состав Учительский институт. В 1946/1947 учебном году в высших учебных заведениях республики обучалось 4062 человека. Количество выпускников вузов в силу объективных обстоятельств в первые послевоенные годы было незначительным. Но оно увеличивалось с каждым годом. В 1945/1946 учебном году выпуск составил 241 человек. В следующем году институты республики направили в различные отрасли народного хозяйства уже 499 человек¹⁴⁸.

В 1948 году в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте был произведен один из самых больших с начала открытия института выпусков — на предприятия цветной металлургии страны было направлено 159 квалифицированных специалистов. Одним из важных событий первого послевоенного года было создание электромеханической специальности в институте. В 1950 году состоялся первый выпуск 29 горных инженеров-электромехаников¹⁴⁹. Но, несмотря на позитивные сдвиги в подготовке профессиональных кадров, эти цифры совершенно не восполняли реальных потребностей экономики в квалифицированных специалистах.

¹⁴⁷ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 113, 114.

¹⁴⁸ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 119.

¹⁴⁹ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. Орджоникидзе, 1981. С. 35-36.

Решение проблемы квалифицированных кадров находилось в неразрывной связи с укреплением материально-технической и научной базы учебных заведений. В послевоенные годы в учебных заведениях республики все начиналось с восстановительных работ. В Северо-Кавказском горно-металлургическом институте к 1948 году было восстановлено и пополнено оборудование лабораторий и учебных кабинетов, велась работа по улучшению материально-бытовых условий студентов. Построены новые механические мастерские. Они оборудовались современными станками, машинами и приборами. Благоустраивалась и территория института.

Многое делалось руками самих преподавателей и студентов. На южных и восточных окраинах института убирали огромные отвалы битого кирпича, образовавшиеся в результате разрушения одноэтажных зданий. Между стадионом и нынешней улицей Николаева был разбит парк. Работа была трудная, мужская, а в первые послевоенные годы подавляющее большинство студентов составляли девушки.

Начиная с 1946 года, в связи с массовой демобилизацией из рядов Советской Армии, учебные аудитории вузов пополняются студентами в военной форме. В начале 1947/48 учебного года из 754 студентов Северо-Кавказского горно-металлургического института 196 человек (26% всего контингента обучающихся) являлись участниками Великой Отечественной войны¹⁵⁰. Во второй половине 1940-х годов в горно-металлургический институт пришло немало фронтовиков, которые после завершения обучения, успешно работали на предприятиях цветной металлургии и горнодобывающей промышленности не только Северной Осетии, но и других регионов огромной страны. Многие выпускники института успешно занимались преподавательской и научной деятельностью. Среди них — профессора В. Г. Беляев, В. И. Емекеев, Г. В. Хетагуров, доценты Н. И. Бородин, Б. Ф. Маликов и другие¹⁵¹.

В 1950-е годы Северо-Кавказский горно-металлургический институт строился как единый комплекс, включавший учебные

¹⁵⁰ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 62.

¹⁵¹ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 34.

В. Г. Агеенков

Е. И. Жуковский

корпуса и испытательные полигоны, студенческие общежития, стадион, спортивные площадки, зоны отдыха. А начиналось все с небольшого строительства в начале 1950-х годов. Тогда был возведен двухэтажный жилой дом для препода-

вателей и научных сотрудников института, закончено строительство спортивного зала, реконструирован стадион. В 1955 году был построен учебный корпус с полезной площадью 3290 квадратных метров. Новое здание соединялось теплым переходом с учебно-лабораторным комплексом, в котором разместились актовый зал на 500 мест, читальный зал, книгохранилище, некоторые кафедры вуза. С вводом в эксплуатацию нового корпуса учебная площадь института увеличилась почти вдвое¹⁵².

Улучшалась и научно-методическая база института. Большой вклад в совершенствование учебного процесса в послевоенные годы внесли профессора В.Г. Агеенков, С.М. Анисимов, Е.И. Жуковский, И.А. Остроушко, А.Д. Погорелый, доценты М.С. Бакланов, И.В. Борский, С.И. Крохин, Л.Н. Пламеневский, Д.Ф. Пузошатов, В.Н. Федоров и другие. Многие из них являлись организаторами учебных и научных подразделений института, достойно совмещали педагогическую и научную деятельность.

В 1950-е годы СКГМИ являлся одним из наиболее динамично развивавшихся учебных заведений Северной Осетии. В 1931 году он начинал с двух специаль-

С. М. Анисимов

С. И. Крохин

¹⁵² 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 41, 42.

ностей: горной и металлургической. В институте обучалось 250 студентов. Им преподавали 25 профессоров и преподавателей. В 1951 году 100 преподавателей готовили 1350 студентов по пяти специальностям. Выпускники института были востребованы по всей стране. Они работали на Балхашском, Норильском никелевом заводах, Южуралникеле, Дальстрое, преподавали в Ленинградском, Уральском политехническом институтах и т.д.¹⁵³ Восстановительные и реконструктивные процессы происходили и в других институтах республики; медленно, но укреплялась материально-техническая база учебных заведений.

В 1950-е годы потребности общественного развития вызвали необходимость не просто теоретической подготовки специалистов. В образовательной политике утверждался утилитарно-прагматический подход к формированию структуры учебного процесса в высшей и средней профессиональной школе, нацеленной на овладение студентами и учащимися навыками практической работы. С учетом новых требований хозяйственного строительства в отмеченные годы велась работа по перестройке учебных планов и программ вузов и средних специальных учебных заведений. Большое внимание стало уделяться производственной практике студентов и учащихся. В зависимости от специфики избранной специальности они обязаны были пройти практический курс обучения на предприятиях или в учреждениях. Производственное обучение включало в себя обслуживание станков, работу на полях, фермах, преподавание в школах и прочее.

Высокая потребность всех отраслей народного хозяйства в специалистах, возрастание значения науки и технического прогресса в экономическом развитии страны вызвали необходимость существенных структурных изменений в высших учебных заведениях. Во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов открываются новые факультеты, расширяется специализация в институтах. В Горском сельскохозяйственном институте в 1951 году основан факультет механизации сельского хозяйства; в 1953 году на базе заочного отделения Горского сельхозинститута был создан заочный факультет. В Северо-Кавказском горно-ме-

¹⁵³ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 6. Д. 546. Л. 17, 19.

таллургическом институте было открыто четыре факультета: в 1954 году — заочный факультет, в 1957 году — горно-геологический факультет, на базе горнорудного факультета, основанного в 1932 году, а также электромеханический и вечерний факультеты. В 1947 году в Северо-Осетинском педагогическом институте был открыт факультет физического воспитания.

В первые послевоенные годы в образовательной политике государства идея коренизации школьного образования и развития национальной школы еще сохраняла актуальность, что проявлялось в расширении планов подготовки национальных педагогических кадров. В мае 1947 года в целях улучшения дела подготовки национальных педагогических кадров для школ Северной Осетии бюро обкома ВКП (б) и Совет Министров республики постановили:

«1. Просить Совет Министров Союза ССР:

а) реорганизовать осетинское отделение педагогического института в самостоятельный факультет осетинского языка и литературы с начала 1947/48 учебного года;

б) сохранить стипендию всем успевающим студентам осетинского отделения;

в) освободить студентов педагогического и учительского институтов от платы за обучение и общежитие;

г) разрешить организовать за счет государства бесплатное питание для особо нуждающихся студентов осетинского отделения...».

Вместе с тем, постановление акцентировало внимание на необходимости совершенствования знания русского языка. Руководство Северо-Осетинского пединститута обязывалось «в целях улучшения дела изучения русского языка студентами, развития их устной и письменной речи практические занятия по русскому языку с нового учебного года организовать по отдельным подгруппам, отвести для этого необходимое количество учебных часов»¹⁵⁴.

Структурные и количественные изменения в вузовской системе республики были направлены на обеспечение расширен-

¹⁵⁴ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 116.

ной подготовки квалифицированных специалистов. В результате осуществлявшихся преобразований значительно возросли планы приема в высшие и средние специальные учебные заведения, что создавало благоприятные перспективы для выпускников средних школ Северной Осетии, желавших продолжить обучение в высшей и средней профессиональной школе. Данный вывод следует из анализа статистических данных о количестве выпускников средних общеобразовательных школ и принятых в высшие и средние специальные учебные заведения республики абитуриентов в начале 1950-х годов. Так, в 1950 году средние школы Северной Осетии, включая школы рабочей и сельской молодежи и школы взрослых, окончили 1205 человек. В том же году прием в вузы, техникумы и другие средние специальные учебные заведения республики составил 3286 человек, в том числе в вузы было принято 1934 человека. В 1955 году численность выпускников средних школ выросла до 3724 человек, но она не достигла показателей приема в высшие и средние специальные учебные заведения республики за этот год, составивших 4066 человек¹⁵⁵.

Благодаря расширению учебной базы высших и средних специальных учебных заведений любой гражданин со средним образованием (вчерашний выпускник школы, бывший фронтовик и др.) формально мог рассчитывать на реализацию своего права получить профессиональное образование. Уровень подготовленности абитуриентов, способность к усвоению учебной программы высшей и средней профессиональной школы в данной ситуации могли учитываться приемной комиссией в последнюю очередь. Однако в реальной жизни материальная необеспеченность или отсутствие жилья нередко оказывались непреодолимым препятствием в достижении намеченной цели.

В 1951/52 учебном году из 1339 студентов горно-металлургического института, нуждавшихся в жилье, общежитием были обеспечены 800 человек, остальные, почти все снимали квартиры в частных домах, порой испытывая большие материальные затруднения. В 1957/58 учебном году из 1528 студентов этого института только 575 жили в общежитии. В других учебных за-

¹⁵⁵ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С.116, 119, 120.

ведениях республики ситуация с жильем была еще сложнее¹⁵⁶. В первые послевоенные годы контингент Северо-Осетинского медицинского института формировался в основном из городской молодежи. Выпускники сельских школ были практически лишены возможности учиться в медицинском институте из-за отсутствия студенческого общежития.

Партийно-государственными органами республики предпринимались меры для решения проблемы обеспечения жильем иногородних студентов. В ноябре 1945 года бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) обязало председателя Орджоникидзевского горисполкома выделить медицинскому институту здание для организации студенческого общежития на 50 мест. Можно представить, насколько незначительной была эта цифра, если учесть, что в 1946/47 учебном году по информации Уполномоченного Госплана СССР по Северо-Осетинской АССР о сети вузов и техникумов в Северо-Осетинском медицинском институте обучалось 1260 студентов¹⁵⁷.

Не менее острую нужду в жилье испытывал преподавательский корпус вуза. Чтобы, хотя бы отчасти смягчить проблему, бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) обратилось в ноябре 1945 года непосредственно к заместителю председателя СНК СССР А. Н. Косыгину с просьбой сделать распоряжение об отпуске СОГМИ десяти стандартных одноэтажных домов¹⁵⁸.

Определенные шаги в решении жилищных, а также материальных проблем делались и по другим учебным заведениям. В январе 1945 года обком ВКП (б) обратился в Совет Народных Комиссаров СССР с просьбой установить стипендию для студентов осетинского отделения пединститута и историко-филологического отделения Учительского института на 100 рублей в месяц больше, чем на остальных факультетах и отделениях институтов. В апреле 1945 года были установлены стипендии в размере 130 рублей в месяц учащимся подготовительных кур-

¹⁵⁶ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 62.

¹⁵⁷ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 4. Д. 644. Л. 19, Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 119.

¹⁵⁸ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 4. Д. 644. Л. 19.

сов Горского сельскохозяйственного института¹⁵⁹. Предпринимаемые меры преследовали в данном случае двойную цель. Во-первых, решалась конкретная задача подготовки квалифицированных кадров педагогов и сельскохозяйственных работников. Во-вторых, выпускники сельских школ, составлявшие, как правило, большинство абитуриентов осетинского отделения Северо-Осетинского государственного педагогического института и Горского сельскохозяйственного института, поощрялись таким образом к поступлению в институты. Предполагалось, что после завершения обучения, молодые специалисты вернутся на работу в колхозы, совхозы, сельские школы и другие учреждения в сельской местности.

В отмеченные годы в системе высшего и среднего специального образования страны все большее место занимает сеть заочных учебных заведений. В послевоенный период в сфере высшей и средней профессиональной школы Северной Осетии расширяется практика заочной подготовки профессиональных кадров специалистов. В 1946/47 учебном году заочной формой обучения были охвачены 1789 человек. Подавляющее большинство из них — 1420 человек являлись студентами педагогического и учительского институтов, остальные учились в педагогическом училище. В следующем учебном году в связи с расширением контингента студентов, принятых на дневное отделение, количество заочников сократилось до 1532 человек. Одновременно в этом году открылось заочное отделение в Горском сельскохозяйственном институте. Первый набор составил 115 человек¹⁶⁰. На первоначальном этапе студентов-заочников в ГСХИ готовили по двум специальностям — агрономии и зоотехнике. В 1955 году заочное отделение открылось на факультете механизации сельского хозяйства. В последующие годы в орбиту заочного обучения включались вновь создаваемые факультеты в отмеченных вузах, а также другие учебные заведения Северной Осетии. Заочная форма обучения действовала во всех институтах республики, за исключением медицинского, где введение ее было признано нецелесообразным

¹⁵⁹ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф. 1. Оп. 4. Д. 627. Л. 86; Д. 634. Л. 541.

¹⁶⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 121.

в связи со спецификой подготовки профессиональных медицинских кадров.

В целом в условиях острой нехватки квалифицированных кадров распространение практики заочного обучения расширяло возможности вузов в подготовке специалистов для различных отраслей народного хозяйства страны без отрыва от производства. Сеть заочного обучения значительно выросла за послевоенное десятилетие. Так, если с 1945/46 по 1956/57 учебный год численность всех студентов в вузах республики увеличилась с 4334 до 8648 человек (в 1,9 раза), то количество студентов, обучавшихся на заочных факультетах и отделениях вузов, поднялось с 1057 до 3184 человек, т.е. более чем в 3 раза. Впечатляющим был рост удельного веса заочников в общей массе студентов. За отмеченный период он увеличился с 24,4 до 36,8%¹⁶¹.

Во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов расширяется сеть средних специальных учебных заведений. В 1946 году был открыт элеваторный техникум в г. Моздоке. В октябре 1947 года в г. Орджоникидзе (г. Дзауджикау) на базе музыкальной школы и народной консерватории, действовавших с 1920 года, было открыто Музыкальное училище. Всего на территории республики работали 13 техникумов и училищ. Причем только два из них — элеваторный в г. Моздок и сельскохозяйственный в селении Назрань Коста-Хетагуровского района — располагались за пределами г. Орджоникидзе. Последний в 1957 году в составе Коста-Хетагуровского района был передан восстановленной Чечено-Ингушской АССР. Четыре техникума в перечне средних специальных учебных заведений Северной Осетии — нефтяной, горно-металлургический, железнодорожного транспорта и элеваторный, являлись учебными заведениями союзного подчинения¹⁶².

Численность учащихся в средних специальных учебных заведениях росла с каждым годом. С 1945/46 по 1957/58 учебный год контингент учащихся техникумов и училищ вырос с 4454 до 7151 человек, т.е. в 1,6 раза. Немногим выше (1,7 раза) этот показатель

¹⁶¹ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 120.

¹⁶² Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 119.

был с учетом четырех военных лет. При этом опережающий рост, обусловленный потребностями современного производства, наблюдался по учебным заведениям, ориентированным на производственную сферу деятельности. Так, в индустриальной группе техникумов Северной Осетии с 1946/47 по 1957/58 учебный год число учащихся увеличилось в три раза¹⁶³. На базе средних специальных учебных заведений существовала заочная форма обучения, хотя она не получила такого распространения, как в сфере высшей школы. Так, в 1945/46 учебном году в техникумах и училищах республики обучалось 314 заочников, что составляло 7,0% от всего контингента учащихся. В 1956/57 учебном году в них насчитывалось 486 заочников (6,6%). В 1957/58 учебном году число заочников выросло до 846 человек, соответственно доля их в общей массе учащихся поднялась до 11,8%¹⁶⁴.

Важным направлением в деятельности высших и средних специальных учебных заведений являлось идеологическое и политическое образование и воспитание молодежи. Деятельность высших и средних специальных учебных заведений, призванных формировать «грамотных советских специалистов» (под этим выражением подразумевалась не только профессиональная подготовка, но и воспитание в духе марксистско-ленинской идеологии), находилась под постоянным жестким контролем со стороны партийных органов республики¹⁶⁵.

Особая роль в идеологическом и политическом воспитании студентов и учащихся отводилась общественным наукам, что объясняло повышение требовательности партийной бюрократии к преподавателям обществоведческих дисциплин в послевоенный период. В постановлении бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) «О мерах по улучшению преподавания общественных наук в высших учебных заведениях республики» от 10 января 1952 года отмечалось: «необходимо добиться значительного улучшения преподавания общественных наук в вузах с тем, чтобы обеспечить прочное усвоение студентами основных положений

¹⁶³ Рассчитано по: Народное хозяйство РСФСР. Стат. ежегодник. М., 1959. С. 461; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 63.

¹⁶⁴ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. Сборник. С. 120.

¹⁶⁵ Там же. Д. 233. Л. 28.

марксистско-ленинской теории, научить молодых специалистов руководствоваться этими положениями в практической работе, воспитывать в них правильный марксистско-ленинский подход к явлениям и событиям общественной жизни...». Постановление бюро Северо-Осетинского обкома партии конкретизировало пункты постановлений ЦК ВКП (б) 1945, 1949 и 1951 годов по данному вопросу применительно к местным условиям. Акцент был сделан на разработке соответствующей методики преподавания общественных наук, успех которой связывался с индивидуальным составом преподавательских кадров. Формулировались новые правила подбора преподавателей по обществоведческим дисциплинам, акцентировавшие внимание на теоретической подготовленности специалистов в духе марксистской идеологии. Отдел школ и вузов обкома ВКП (б), Дзауджикауский горком и директора высших учебных заведений обязаны были рассматривать деятельность преподавателей общественных наук и освобождать от работы тех, кто не отвечал «требованиям высшей школы по своим политическим и деловым качествам»¹⁶⁶.

В обязанности партийных органов республики входил тщательный отбор преподавателей кафедр общественных наук. Кандидатуры заведующих кафедрами и преподавателей общественных наук рассматривались и утверждались на заседании бюро обкома КПСС¹⁶⁷. Такую же систему отбора проходили выпускники вузов, направлявшиеся в аспирантуру по общественным дисциплинам.

В послевоенное десятилетие в системе высшего и среднего специального образования Северной Осетии произошли значительные структурные изменения. В вузах республики были открыты новые факультеты, расширилась их специализация, существенно вырос контингент обучавшихся. В отмеченные годы численность студентов в высших учебных заведениях республики почти удвоилась. Расширилась сеть средних специальных учебных заведений. Количество учащихся техникумов и училищ выросло более чем в полтора раза. Вырос профессиональный и

¹⁶⁶ История Владикавказа. Сб. документов и материалов. Владикавказ, 1991. С. 779-780.

¹⁶⁷ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 6. Д. 42. Л. 129, 130; Д. 46. Л. 92.

квалификационный уровень преподавателей и научных работников. Вместе с тем, усилилась партийно-государственная регламентация жизни высшей и средней профессиональной школы. Наиболее ярко данная тенденция проявилась в усилении идеологического ориентирования исторической и других общественных наук.

2.2 Образовательная политика в сфере подготовки национальных кадров специалистов в автономиях Северного Кавказа во второй половине 1940-х — 1950-е годы: сравнительный анализ

После окончания Великой Отечественной войны расширенная подготовка профессиональных кадров специалистов для отраслей народного хозяйства и учреждений культуры страны в рамках высшей и средней специальной школы стала одним из приоритетных направлений образовательной политики советского государства. Важнейшим базисным элементом этой программы явилась установка на активное вовлечение в образовательный процесс представителей коренных национальностей всех регионов страны. В рамках реализации этой политики в первые послевоенные годы был принят ряд директивных решений ЦК ВКП (б), предусматривавших систему льгот для представителей титульных национальностей при приеме в высшие и средние профессиональные учебные заведения автономных областей и республик Северного Кавказа, в том числе и Северной Осетии. Отныне при наборе контингента учащихся в учебные заведения при прочих равных условиях предпочтение должно было отдаваться представителям коренной национальности.

Следует отметить, что при реализации этой установки стартовые возможности автономных образований были неравны из-за сложившейся еще в 1920-е — 1930-е годы структурно-территориальной диспропорции в размещении высших учебных заведений. Так, в Дагестане накануне войны работали пять вузов: педагогический, медицинский, сельскохозяйственный и два двухгодичных

учительских института. В Северной Осетии насчитывалось также пять высших учебных заведения: педагогический, медицинский, сельскохозяйственный, горно-металлургический и двухгодичный учительский институты. Тем временем, в Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии система высшего образования была представлена только педагогическими институтами. В первое послевоенное десятилетие каких-либо количественных приращений в вузовской системе региона практически не произошло. Поэтому по количественным показателям подготовки национальных профессиональных кадров в системе высшей школы и удельному весу специалистов с высшим образованием в социальной структуре общества первые две республики превалировали над другими северокавказскими автономиями¹⁶⁸.

Естественно, что количественные показатели подготовки национальных профессиональных кадров специалистов, их доля в социальной структуре общества, к примеру, в Северо-Осетинской и Дагестанской АССР были выше, чем в других северокавказских автономиях.

Стремлением преодолеть сложившуюся диспропорцию в подготовке квалифицированных кадров для народного хозяйства республики были продиктованы решения, принятые на заседании бюро Кабардинского обкома КПСС от 7 июля 1956 года. Через две недели в ЦК КПСС на имя Н. С. Хрущева было направлено письмо, в котором обосновывалась необходимость преобразования Кабардинского педагогического института, единственного на тот момент вуза в республике, в университет. В письме отмечалось, что в Кабардинской АССР обучение в школах до 7-го класса ведется на родном языке, в результате чего выпускники плохо владеют русским языком, и лишь незначительная часть из них поступает в вузы (кроме тех, кого принимают по целевым направлениям). «Кабардинская АССР, — не без основания писал секретарь Кабардинского обкома КПСС В. Бабич, — имеет кабардинцев-инженеров 20, врачей — 21, агрономов, зоотехников,

¹⁶⁸ См.: История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т.2; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2; Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1981. Т. 2; История Дагестана. Махачкала, 2003. Т. 2; История Северной Осетии. XX век. М., 2003.

ветеринарных врачей и механизаторов с высшим образованием — 23. Тогда как Северо-Осетинская АССР имеет таких специалистов из числа осетин в 15-20 раз больше»¹⁶⁹.

Действительно, на протяжении одиннадцати послевоенных лет, с 1945/46 по 1956/57 учебные годы численность осетин среди студентов высших и средних специальных учебных заведений Северной Осетии выросла с 2043 до 3891 человека, то есть в 1,9 раза. При этом традиционно темпы роста представителей коренной национальности в высших учебных заведениях были выше, чем в техникумах и других средних специальных учебных заведениях. В абсолютных показателях численность осетин в институтах республики в 1956/57 учебном году составляла 2482 человек, что было в 2 раза больше, чем в 1945/1946 учебном году. В техникумах и училищах обучалось 1409 осетин — в 1,7 раза больше, чем в 1945/46 учебном году. Одновременно наметилась тенденция повышения доли осетин в высших и средних специальных учебных заведениях. Так, с 1945/46 по 1956/57 учебный год удельный вес осетинской молодежи среди студентов вузов республики увеличился с 28,0 до 28,7%, среди учащихся техникумов и училищ — с 18,5 до 19,3%¹⁷⁰.

Несколько выше показатели подготовки национальных профессиональных кадров высшей и средней квалификации были по Дагестанской АССР. К примеру, в вузах республики в 1948 году количество студентов из местных народностей Дагестана составляло почти 35%. Традиционно более высокой была доля местных народностей в системе педагогического образования. В Дагестанском педагогическом институте более половины студентов составляли коренные дагестанцы. В 1957 году, также как и Кабардино-Балкарский, Дагестанский пединститут был преобразован в университет. К этому времени институт выпустил около 4 тыс. учителей, из которых 2,5 тыс. являлись представителями местных народностей республики¹⁷¹.

Движение шло как в направлении обеспечения некоторых

¹⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 46, 47.

¹⁷⁰ Народное хозяйство СО АССР. С. 120-121.

¹⁷¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М., 2003. Т. 2. С. 353, 354.

льгот для национальной молодежи при организации приемных экзаменов, так и расширения количества мест в вузах, предназначенных непосредственно для представителей коренных национальностей. В 1956 году Дагестанский обком КПСС обратился в соответствующие союзные министерства с просьбой разрешить увеличить прием в вузы республики за счет коренных национальностей. Руководство республики мотивировало просьбу тем, что молодые специалисты, приехавшие по распределению из других регионов страны, в силу специфики горных условий, незнания языка, обычаев и традиций местных народов, не закреплялись на новом месте и уезжали назад (Подобная ситуация была характерна для всех горных районов северокавказских республик — И. Ц.).

Чтобы решить проблему оттока кадров, предлагалось выделить дополнительные места для поступления представителям коренных национальностей в медицинский, в педагогический и сельскохозяйственный институты республики. Рассмотрев просьбу руководства Дагестанской АССР центральные органы власти признали целесообразным отчасти удовлетворить эту просьбу. Так, Министерство здравоохранения СССР поддержало 25 из 100 запрашиваемых мест для медицинского института, Министерство просвещения — 75 из 150 для педагогического института. Министерство сельского хозяйства СССР выступило против расширения контингента принимаемых в сельскохозяйственный институт, сославшись на то, что выпускники Дагестанского, а также других аналогичных вузов Северного Кавказа (имелись в виду Ставропольский, Северо-Осетинский сельскохозяйственные институты — И. Ц.) покрывали дефицит специалистов сельскохозяйственного профиля¹⁷².

Во второй половине 1940-х — 1950-е годы государственная образовательная политика в сфере подготовки национальных кадров квалифицированных специалистов создавала реальные возможности для восстановления традиционных связей, сложившихся еще в довоенные годы между республиками и областями Северного Кавказа и ведущими научными и учебными центра-

¹⁷² РГАСПИ, Ф. 566. Оп. 16. Ед. хр. 2. Л. 71.

ми страны. Как известно, в 1930-е годы около сотни юношей и девушек из Северной Осетии ежегодно отправлялись на учебу в вузы и техникумы Москвы, Ленинграда, Ростова. Однако в первые послевоенные годы поступление осетин, также как и представителей других северокавказских народов, в учебные заведения столицы и других крупных городов практически прекратилось из-за того, что большинство абитуриентов проваливалось на вступительных экзаменах. Экзамен по русскому языку был одним из главных «непроходных» испытаний. Именно это обстоятельство побудило секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К. Кулова обратиться 30 декабря 1948 года в Центральный Комитет с просьбой «сделать Министерству Вооруженных Сил указания пересмотреть существующий порядок приема в Кавказское Суворовское училище мальчиков нерусской национальности, разрешив им сдавать вступительный экзамен по русскому языку по действующей программе нерусских школ»¹⁷³.

К тому времени их 450 учащихся Суворовского училища только 9,8% являлись представителями титульных национальностей Северного Кавказа и Закавказья. В училище учились 18 осетин, 14 армян, 11 грузин, 1 азербайджанец. Остальные кавказские народы вообще не были представлены¹⁷⁴.

Но даже в том случае, если абитуриентам из Северной Осетии, впрочем, также как и молодым людям из других национальных регионов страны, удавалось благополучно выдержать вступительные экзамены в учебные заведения ведущих научно-образовательных центров страны, они сталкивались с новой, не менее сложной проблемой — отсутствием жилья.

К концу 1940-х годов в центральных органах власти и управления, курировавших систему образования, растет понимание необходимости скорейшего решения этой непростой проблемы. Складывавшаяся благоприятная ситуация позволила в ноябре 1949 года руководителям Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совета Министров СО АССР обратиться в ЦК ВКП (б) с письмом «о распространении льгот, предоставляемых молодежи

¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 198. Л. 2, 3.

¹⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 198. Л. 3.

других национальностей при поступлении в столичные высшие учебные заведения на Северную Осетию, а именно принимать ежегодно, начиная с 1950-1951 учебного года, в Московские и Ленинградские вузы вне общего конкурса определенное количество осетин». Одним из главных пунктов обращения в Центральный Комитет значилась просьба обеспечить будущих студентов общежитием¹⁷⁵. С подобными письмами обращались руководители и других национальных регионов страны, включая северокавказские автономии.

В июне 1952 года на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкова было направлено очередное письмо, подписанное секретарем Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К. Куловым и председателем Совета Министров республики Д. Баскаевым. Оно содержало просьбу обязать Министерство высшего образования СССР дать указание о приеме на льготных условиях в вузы Москвы и Ленинграда семьдесят осетин. Руководители республики апеллировали при этом к приказу Министерства высшего образования СССР, который устанавливал льготный порядок приема экзаменов для представителей коренных национальностей регионов страны. В соответствии с этим приказом «в 1950 и 1951 годах более 80 осетин, окончивших средние школы Северной Осетии, сумели поступить в лучшие вузы страны и получить квалификацию по тем отраслям знаний, по которым не готовили специалистов местные вузы». «Учитывая большое значение этого мероприятия для народного хозяйства и культуры республики, — отмечалось в письме, — обком ВКП (б) и Совет Министров Северо-Осетинской АССР просят разрешить провести вступительные экзамены для осетин, поступающих в вузы Москвы и Ленинграда, при Северо-Кавказском горно-металлургическом институте в г. Дзауджикау.

Обязать Министерство высшего образования обеспечить общежитием при соответствующих вузах всех принятых в вышеуказанном порядке абитуриентов-осетин»¹⁷⁶.

Просьба руководства Северо-Осетинской АССР, также как и аналогичные обращения руководителей других национальных

¹⁷⁵ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 6. Д. 369. Л. 84.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 241. Л. 48.

автономий Северного Кавказа, была поддержана высшим партийным органом. В соответствии с распоряжением ЦК ВКП (б) Министерство высшего образования СССР решило вопрос положительно, и на 1952/53 учебный год для республики были выделены семьдесят внеконкурсных мест в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда. Из них Ленинградский государственный университет предоставил восемь мест. Остальные заявки были распределены по вузам Москвы. Московский государственный университет обязан был выделить десять целевых мест. Московское высшее техническое училище им. Баумана, энергетический, инженерно-строительный, электромеханический институты и институт механизации и электрификации сельского хозяйства выделили по пять мест. Нефтяной институт — восемь мест. Институт инженеров коммунального строительства, институт землеустройства, а также лесотехнический, гидромелиоративный — по три места; экономико-статистический и финансово-экономический институты — по два. В Литературном институте Союза писателей СССР для осетинской молодежи было предоставлено три целевых места¹⁷⁷.

Благодаря действию целевой программы подготовки квалифицированных кадров специалистов в 1950-е годы десятки молодых людей из Северной Осетии, также как и других национальных регионов Советского Союза, получили возможность поступать на внеконкурсной основе в ведущие вузы Москвы, Ленинграда и других городов и приобретать специальности, востребованные в различных отраслях народного хозяйства страны. На льготных условиях осуществлялась подготовка кадров и для учреждений культуры республики. К примеру, Министерство культуры РСФСР обеспечивало внеконкурсный прием представителей коренной национальности в музыкальные вузы Российской Федерации. Специалисты высшей квалификации в области музыкального искусства (композиторы, музыканты-исполнители, музыковеды, педагоги музыкальных училищ и школ и т.д.) готовились в консерваториях Тбилиси, Баку, Еревана¹⁷⁸.

¹⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 241. Л. 48, 49.

¹⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Ед. хр. 48. Л.47.

Преимущества учебы в ведущих вузах страны были налицо. Они обеспечивала не только высокий образовательный, профессиональный и культурный уровень выпускаемых специалистов. Диплом престижного учебного заведения давал определенные преимущества при продвижении по социальной лестнице и служил важным подспорьем в карьерном росте молодого человека. Поэтому неудивительно, что негласно преимущественное право льготного поступления в вузы обычно получали дети национальной партийной и советской номенклатуры.

В 1958 году для республик и областей Северного Кавказа было выделено 274 места, в том числе Дагестанской АССР — 21, Кабардино-Балкарии — 50, Калмыкии — 75, Чечено-Ингушетии — 88, Карачаево-Черкессии — 20, Адыгее — 5, Северной Осетии — 15, обеспечивавших право внеконкурсного поступления в центральные вузы страны представителям коренных национальностей. По плану следующего года намечалось выделить для отмеченных национальных автономий еще 270 внеконкурсных мест. Некоторое изменение в цифрах было обусловлено тем, что для Дагестанской АССР количество мест было уменьшено до 20, для Чечено-Ингушетии до 80. Для Адыгейской же автономной области было выделено дополнительно 5 мест. В списке «льготников» значились и все остальные национальные образования СССР. В частности в отмеченном году для Абхазской АССР в ведущих вузах страны было выделено 10 мест, для Юго-Осетинской автономной области — 12 мест¹⁷⁹.

Сложившаяся внеконкурсная практика приема студентов — выходцев из национальных регионов Советского Союза имела продолжение и в последующие годы. Подготовка национальных кадров формировала благоприятную социальную перспективу, проявлявшуюся в количественном росте и повышении качественного уровня подготовки профессиональных кадров специалистов, в том числе научных и педагогических кадров для научных учреждений и учебных заведений республик Северного Кавказа.

Со временем по мере расширения структуры высших учебных заведений, открытия новых специализаций и увеличения планов

¹⁷⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 55. Ед. хр. 92. Л. 113.

приема в местные вузы число запрашиваемых для представителей национальной молодежи внеконкурсных мест в центральных и других вузах Советского Союза сокращалось.

В августе 1959 года в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР состоялось совещание секретарей по идеологии обкомов КПСС автономных республик и областей РСФСР. Обсуждались вопросы организационно-пропагандистской работы в национальных регионах. На совещании от Северной Осетии присутствовал Б. Е. Кабалоев. В своем выступлении, затронув вопрос о внеконкурсном приеме осетин в центральные вузы, он заявил: «...для Осетии такой необходимости нет. Нам дают десять — пятнадцать человек внеконкурсников, а сами мы из Осетии осетин и русских отправляем на работу в Курскую область, на Север, на Восток. Из-за этих десяти — пятнадцати человек шум создаем. Ребята осетины и русские учатся одинаково, а потом говорим им, осетин может пойти вне конкурса, а не осетин не может. Нам за исключением консерватории и кино в общие вузы нет необходимости посылать вне конкурса, и в будущем году мы от этого откажемся»¹⁸⁰.

Заявление секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС, несмотря на определенную переоценку ситуации с подготовкой кадров, все же нельзя назвать голословным. Сложившаяся к этому времени система высшего образования в республике действительно достаточно эффективно обеспечивала потребности не только своей республики, но и других регионов страны, в кадрах специалистов по многим направлениям профессиональной деятельности, равно включая и гуманитарные, и технические специальности. Выпускники вузов Северной Осетии были востребованы в различных отраслях народного хозяйства и культуры северокавказских республик, а также многих других районов страны.

Одной из важнейших проблем послевоенного периода являлась подготовка профессиональных научных и педагогических кадров. Для решения этой задачи после войны в регионе были возобновлены аспирантуры в вузах. Подготовка аспирантов осу-

¹⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Ед. хр. 41. Л. 31.

ществлялась и за пределами Северного Кавказа. К примеру, в ноябре 1944 года Президиум Академии наук СССР выделил для Северной Осетии 15 вакансий в аспирантуру (в том числе 8 в докторантуру) институтов Академии наук. Совнарком СО АССР получил право выбирать специальности, по которым должна была осуществляться подготовка научных кадров. В дополнение к аспирантуре в центральных научно-исследовательских учреждениях Академии наук предполагалась организация научной помощи и консультаций. Однако воспользоваться этими возможностями удавалось крайне редко, поскольку Академия наук не располагала общежитиями и гостиницами для командированных научных сотрудников¹⁸¹.

В целом, в послевоенные годы наблюдается абсолютный рост численности представителей титульной национальности, окончивших высшие и средние специальные учебные заведения, как в самой республике, так и за ее пределами. Создание системы льгот и поощрений в области подготовки профессиональных кадров из представителей коренных национальностей способствовало повышению их доли среди специалистов высшей и средней квалификации.

В конечном итоге, формируя кадры инженерно-технических работников, научной и творческой интеллигенции из представителей коренного населения национально-автономных республик и областей Северного Кавказа, в том числе Северной Осетии, советское государство тем самым создавало исключительно лояльный по отношению к советской власти интеллектуальный, профессиональный слой общества, составлявший устойчивую социальную базу для проведения государственной социально-экономической и культурной политики в национальных автономиях в последующие десятилетия.

¹⁸¹ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 308. Л. 2

2.3. Влияние модернизационных процессов на структуру высшего и среднего профессионального образования в условиях развертывания научно-технической революции

Развертывание научно-технической революции со второй половины 1950-х годов явилось важнейшим фактором расширения и совершенствования системы высшего и среднего специального образования в Советском Союзе. Растущие потребности всех отраслей экономики, социальной и культурной сферы в квалифицированных кадрах специалистов обуславливали пристальное внимание к организации высшей и средней профессиональной школы со стороны советского правительства, которое отводило системе образования решающую роль в осуществлении планов социалистического строительства.

В августе 1954 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием». Через полтора года, в феврале 1956 года XX съезд КПСС подчеркнул необходимость улучшения качества подготовки специалистов на основе изучения ими последних достижений отечественной и зарубежной науки и техники, передового опыта производства. Министерством и ведомствам поручалось разработать и представить данные о потребности каждого экономического района и союзной республики в специалистах высшей квалификации. Подготовленные расчеты легли в основу планов строительства новых учебных заведений, их географического размещения. А также перевода части студентов из вузов, где велась подготовка специалистов, имевшихся в избытке, в вузы, выпускавшие специалистов, в которых ощущалась нехватка.

Общесоюзные установки распространялись и на систему вузов и среднего специального образования Северной Осетии, учебные заведения которой в своей деятельности были нацелены на удовлетворение потребностей промышленности, строительной сферы, сельского хозяйства, учреждений культуры и т.д. в квалифицированных кадрах не только в пределах своей республики, но и соседних республик и всей страны. С учетом этих требова-

ний принимались меры к укреплению материально-технической и научной инфраструктуры учебных заведений. Строительство новых учебных помещений, студенческих общежитий, подготовка преподавательских кадров, разработка методики преподавания учебных дисциплин способствовали активизации деятельности высших и средних специальных учебных заведений.

Вместе с тем, во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов каких-либо существенных изменений в территориальной структуре высшего образования Северной Осетии не произошло. Состоялось лишь закрытие Учительского института, который с довоенного времени действовал на базе Северо-Осетинского педагогического института и занимался на протяжении более десяти послевоенных лет ускоренной подготовкой педагогических кадров для общеобразовательных школ республики. Помимо Северо-Осетинского государственного педагогического института в республике по-прежнему работали Горский сельскохозяйственный, Северо-Кавказский горно-металлургический и Северо-Осетинский государственный медицинский институт. Все четыре вуза располагались в столице республики — городе Орджоникидзе.

На протяжении рассматриваемого времени число обучавшихся в вузах Северной Осетии студентов постоянно росло. С 1956/57 по 1965/66 учебный год контингент студентов увеличился с 8648 до 15791 человек, т.е. в 1,8 раза. Промежуточным моментом был 1960/61 учебный год, когда количество обучавшихся в высших учебных заведениях было несколько ниже показателя 1956/57 года и составляло 8420 человек. Однако в течение пяти лет, с 1960 по 1965 год количество обучавшихся в вузах республики выросло почти в два раза. Причем, опережающие темпы роста наблюдались на заочных и вечерних отделениях высших учебных заведений. Так, если в целом за 1960/61-1965/66 годы прирост студентов составил 187, 5%, то на дневных отделениях он равнялся 152,2%, а на вечерних и заочных отделения — соответственно 298,3 и 233,0%¹⁸².

¹⁸² Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. С. 120; Северная Осетия в восьмой пятилетке. Стат. сборник. С. 152.

Наблюдавшиеся во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов количественные и структурные изменения в составе студенчества были в значительной мере связаны с ростом удельного веса вечерней и заочной формы обучения в подготовке квалифицированных специалистов. Актуализация этих форм обучения в системе высшего образования выражалась, в первую очередь, в ежегодном увеличении контингента принятых на заочные и вечерние отделения институтов. Данная тенденция довольно ярко иллюстрируется цифрами. Так, если в 1956/57 учебном году на заочные отделения вузов (вечерние отделения еще не были открыты — И. Ц.) было принято 409 человек, что составило 30,1% всего набора, то в 1960/61 учебном году численность заочников среди первокурсников выросла до 896 человек (42,3%). На вечерние отделения вузов республики было принято 75 человек (3,5%)¹⁸³. В 1963 году студенты-первокурсники распределились по формам обучения следующим образом: дневники — 44,1%, заочники — 49,2% и вечерники — 6,6%¹⁸⁴. В 1965/66 учебном году из 15791 студентов вузов Северной Осетии на вечерних и заочных отделениях обучались 8197 человек, т.е. 51,9%¹⁸⁵.

Отмеченная тенденция сохранялась на протяжении конца 1950-х — начала 1960-х годов. Она шла параллельно с обще-школьной политехнической реформой и обуславливалась общим вектором развития государственной политики в сфере образования, делавшей упор на вечернюю и заочную формы подготовки кадров специалистов как высшей, так и средней квалификации для отраслей народного хозяйства. Быстрые темпы расширения вечерних и заочных отделений учебных заведений были определены Положением о заочном и вечернем обучении. Это положение предусматривало обязательное участие студентов в обще-

¹⁸³ Рассчитано по: Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. 120; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сб. Орджоникидзе, 1964. С. 181-182; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218.

¹⁸⁴ Рассчитано по: Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сб. Орджоникидзе, 1964. С. 181-182; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218.

¹⁸⁵ Северная Осетия в восьмой пятилетке. Стат. сборник. С.152, 154.

ственном производстве, что давало возможность без ущемления действующей части трудовых ресурсов повышать квалификацию специалистов, занятых в наиболее важных с точки зрения государства отраслях экономики.

Таким образом, содействуя расширению заочной и вечерней формы обучения, государство тем самым создавало условия для решения важных социально-экономических задач. Реализуя образовательную политику в сфере профессиональной школы, оно с одной стороны, обеспечивало закрепление на быстро растущем общественном производстве необходимой рабочей силы, а с другой, — решало задачу подготовки кадров специалистов высшей и средней квалификации в соответствии с требованиями научно-технического прогресса. Не менее значимым был социально-классовый аспект проблемы. Выходцы из среды рабочих и колхозников получали реальную возможность повысить свой образовательный и квалификационный уровень без отрыва от производства, приобрести новый социальный статус, дававший при определенных условиях возможность продвигаться по социальной иерархической лестнице.

Однако при оценке результативности вечерней и заочной формы обучения следует учитывать, что в ее организации имелись существенные недостатки, влиявшие на уровень подготовки квалифицированных кадров специалистов. Среди факторов негативно отражавшихся на квалификационном уровне выпускников вечерних и заочных отделений были причины объективного характера (преподавание лекционных курсов и практических занятий по сокращенному варианту, отсутствие системности в овладении знаниями, нехватка времени на подготовку к занятиям из-за занятости на производстве и др.). Личностная мотивация при выборе специальности, а также способности к усвоению учебно-производственной программы также зачастую могли негативно влиять на квалификационный уровень выпускников вечерних и заочных отделений институтов. В результате, общественное производство оказывалось перед реальной угрозой притока специалистов, не имевших должной профессиональной подготовки, что противоречило запросам современного общественного развития.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недостатки и издержки в функционировании вечерних и заочных отделений вузов, они заметно восполняли потребности промышленных и строительных предприятия, колхозов и совхозов, сферы обслуживания и учреждений культуры в квалифицированных кадрах. С 1959 по 1965 год высшие учебные заведения Северной Осетии выпустили 9795 дипломированных специалистов, из них вечерние и заочные отделения окончили 3085 человек, что составляло почти треть всех молодых специалистов высшей квалификации — выпускников вузов республики, направленных в различные отрасли народного хозяйства страны¹⁸⁶.

Отличительной особенностью формирования государственной образовательной политики в сфере высшего и среднего профессионального образования во второй половине 1950-х — 1960-е годы являлось повышение внимания к развитию научно-технических направлений знания. Ориентация экономики страны на приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности выражалась в технократизации интеллектуального слоя. В рассматриваемые годы перекося в сторону технического знания, расширение специализации в области естественно-технических наук стал особенно заметным. Эти процессы нашли отражение и в системе высшего образования Северной Осетии, внеся определенные коррективы в организацию сферы высшей школы, в которой традиционно высоким был уровень развития гуманитарных дисциплин.

Анализ соотношения удельного веса выпускников вузов по отдельным группам специальностей позволяет выявить основные тенденции в развитии системы высшего образования в Северной Осетии в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов. В качестве иллюстрации рассмотрим данные о выпуске специалистов высшими учебными заведениями за 1960 и 1965 годы. В 1960 году учебными заведениями Северной Осетии было подготовлено и направлено в различные отрасли народного хозяйства по специальностям: инженерно-строительным — 332 человека

¹⁸⁶ Рассчитано по: Северная Осетия за годы советской власти. С.222; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. С. 182.

(20,7% всех выпускников), сельскохозяйственным 331 (20,6%), медицинским — 181 (11,3%) и педагогическим — 760 (47,4%). Через пять лет соотношение этих показателей несколько изменилось. Количество выпускников вузов составило по инженерно-строительным специальностям — 399 человек (26,3%), по сельскохозяйственным — 359 (23,7%), по медицинским — 216 (14,3%) и педагогическим — 540 (35,7%)¹⁸⁷. Таким образом, происходил абсолютный рост численности выпускников по техническим, сельскохозяйственным и медицинским специальностям. Наряду с тем, сокращалось число выпускников по педагогическим специальностям.

Государственная политика поддержки и поощрения развития технического образования в стране формировалась в соответствии с потребностями промышленного производства, строительства, железнодорожного транспорта и других отраслей народного хозяйства. В Северной Осетии подготовка специалистов по техническим отраслям знания осуществлялась Северо-Кавказским горно-металлургическим институтом, а также горно-металлургическим, индустриальным, механико-технологическим, железнодорожным и другими техникумами. Prestиж отмеченных учебных заведений в обществе рос по мере усиления внимания к ним со стороны партийно-государственных органов власти. Внимание государства к расширению деятельности учебных заведений технического профиля стало особенно ощущаться с конца 1950-х годов. С 1958/59 по 1965/66 учебные годы численность студентов Северо-Кавказского горно-металлургического института выросла в 2,3 раза, с 2234 до 5069 человек. При этом основная доля прироста приходилась на вечернюю и заочную формы обучения. Так, если количество «вечерников» и «заочников» за указанный период увеличилось в 4,2 раза, то число обучавшихся на дневном отделении — лишь в 1,5 раза. Удельный вес студентов вечернего и заочного отделений за эти же годы поднялся с 28,8 до 35,7%¹⁸⁸. Количественный рост студентов СКГМИ происходил не только за счет расширения

¹⁸⁷ Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.

¹⁸⁸ Северная Осетия за годы советской власти. С. 219.

старых факультетов, но, прежде всего, в результате открытия новых учебных подразделений.

Середина 1950-х — 1960-х годов являются важным периодом в структурно-организационном росте Северо-Кавказского горно-металлургического института. В отмеченные годы были созданы два отделения: в 1954 году — заочное и в 1957 году — вечернее, а также четыре факультета: в 1957 году — горно-геологический (открыт на базе горнорудного факультета) и электромеханический; в 1961 году — строительный и в 1964 году — факультет электронной техники. Таким образом, к середине 1960-х годов была сформирована структура СКГМИ, которая сохранялась практически в неизменном виде на протяжении более двух десятилетий¹⁸⁹.

Выпуск инженеров-геологов СКГМИ. 1957 г.

Факультеты института с каждым годом наращивали выпуск специалистов для народного хозяйства Северной Осетии и других регионов страны. Подготовка осуществлялась по тринадцати инженерным специальностям. В течение 1960/61-1965/66 учебных годов для промышленных предприятий и строительной ин-

¹⁸⁹ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 162.

дустрии республики, а также других регионов страны было подготовлено 2037 горняков, техников, металлургов, строителей и других специалистов¹⁹⁰. Выпускники вуза работали на Садонском свинцово-цинковом комбинате, заводе «Электроцинк», а также на Челябинском цинковом, Саянском и Братском алюминиевых заводах, Норильском никелевом и Алмалыкском горно-металлургическом комбинатах и других предприятий цветной и горнодобывающей промышленности Советского Союза.

Большое внимание уделялось развитию научного творчества учащейся молодежи. В 1964 году в институте было создано студенческое конструкторское бюро. Здесь были спроектированы семь планетарных редукторов для завода «Электроцинк», созданы разнообразные приборы и устройства, предназначенные для усовершенствования технологических циклов на предприятии. Они были признаны достаточно эффективными в процессе освоения и были рекомендованы для внедрения на предприятиях страны¹⁹¹.

Развитию технического творчества студентов способствовало укрепление материально-технической базы института, оснащение аудиторий современной аппаратурой, техническими средствами обучения. Со второй половины 1950-х — в начале 1960-х годов были построены учебные корпуса. В них разместились лекционные аудитории, учебные кабинеты, кафедры, книгохранилище. В 1962 году учебная площадь института достигла почти 15 тысяч квадратных метров. Во второй половине 1960-х годов завершилось строительство здания учебно-производственных мастерских. К аудиторному корпусу была сделана пристройка, в которой впоследствии разместился вычислительный центр института.

С ростом численности студентов и преподавательского состава учебного заведения росли проблемы, связанные с необходимостью расширения и совершенствования жилищно-бытовой сферы института. Изыскиваются возможности для улучшения жилищных условий преподавателей и научных работников инсти-

¹⁹⁰ Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.

¹⁹¹ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 47.

туда, ведется строительство общежитий. В 1958 году было сдано в эксплуатацию здание студенческого общежития на 450 мест. В 1967 году возведено еще одно здание общежития на 515 мест¹⁹². Принимаемые меры отчасти смягчали жилищную проблему. Но имевшаяся материальная база института все же не поспевала за растущими потребностями.

Таковы были основные направления поступательного развития Северо-Кавказского горно-металлургического института в 1950-е — 1960-е годы. Технократизация общественного развития выражалась в повышении технической специализации в системе высшего образования, и это обстоятельство благотворно сказывалось на судьбе института.

Высшим учебным заведением, ориентировавшимся на обеспечение квалифицированными специалистами сельскохозяйственных отраслей производства, являлся Горский сельскохозяйственный институт. Здесь также рос контингент студентов. В 1965/66 учебном году он составил 4194 человек, что было в 1,9 раза больше, чем в 1958/59 учебном году. Отличительной чертой данного учебного заведения являлось превалирующее значение заочной формы обучения перед другими формами. С 1958 по 1965 год численность студентов дневной формы обучения выросла в 1,1 раза (с 1229 до 1386 человек), в то время как обучавшихся заочно — в 2,8 раза. Удельный вес заочников среди студентов института поднялся за отмеченный период с 44,5 до 66,8%¹⁹³.

Такое явное преобладание заочной формы обучения было обусловлено степенью обеспеченности сельскохозяйственного производства квалифицированными кадрами. В начале 1950-х годов из 1019 штатных должностей в сельскохозяйственных организациях республики лишь 317 было занято специалистами с высшим образованием. 214 должностей занимали люди, вообще не имевшие специального образования. Совершенно незначительной была доля специалистов с высшим и средним образованием среди руководителей сельскохозяйственного производства. Из 147 председателей колхозов только трое имели высшее и четверо

¹⁹² 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 42.

¹⁹³ Северная Осетия за годы советской власти. С. 219.

— среднее специальное образование, а 99 человек не имели даже общего среднего образования. Подобное же явление наблюдалось и среди агрономов, зоотехников и других специалистов¹⁹⁴.

Решить проблему обеспечения сельского хозяйства квалифицированными кадрами, которые бы обладали научными агрономическими знаниями, умели бы вести селекционную работу и в полеводстве, и в животноводческом хозяйстве и т.д., было призвано заочное отделение Горского сельхозинститута. Несмотря на положительные установки и безусловное значение данной формы обучения в воспитании сельскохозяйственных кадров, все же следует признать, что качество подготовки на заочном отделении уступало дневной (очной) форме обучения. Причин было много: изначально низкий уровень подготовленности к восприятию новых специальных знаний, отсутствие прочной образовательной базы, загруженность основной работой, нехватка времени на учебно-методическую подготовку, возрастные особенности и прочее.

Однако, несмотря на недостатки заочной формы обучения, сельское хозяйство все же выигрывало. Оно стало ежегодно пополняться специалистами, чей квалификационный и образовательный уровень позволял рассчитывать на улучшение ситуации в сельском хозяйстве. В 1966 году дневное отделение ГСХИ закончили 194, заочное — 226 человек, в 1969 году соответственно — 263 и 229 человек. В течение пяти лет, с 1960 по 1965 год институт подготовил по различным сельскохозяйственным специальностям 1961 человек¹⁹⁵.

Непросто складывалась судьба Северо-Осетинского государственного медицинского университета, открытого в 1939 году. За время существования СОГМИ не раз поднимался вопрос о целесообразности его деятельности.

По данным органов здравоохранения к середине 1950-х годов штаты городских медицинских учреждений были укомплектованы полностью. Иным было положение в сельских районах. В начале 1950-х годов в сельских медицинских учрежде-

¹⁹⁴ См.: Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 69-70

¹⁹⁵ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 70; Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.

ниях не хватало более 80 врачей. Медицинскими кадрами не были обеспечены около десяти сельских врачебных участков. Особенно тяжелая ситуация складывалась в отдаленных горных районах. Причина состояла не в неспособности мединститута восполнить нехватку кадров, а в их высокой текучести. К этому времени в столице республики собралось большое количество неработающих врачей, но желающих отправиться в сельские районы среди них было немного. Пугали трудности сельской жизни, отсутствие, особенно для горожан, привычных материально-бытовых условий, отдаленность от очагов культуры. Злободневная тема не раз обсуждалась на уровне высших республиканских органов власти. По ней был принят ряд постановляющих документов, в частности, постановления «О неправильном использовании медицинских кадров в системе Министерства здравоохранения СО АССР (декабрь 1950 года), «О работе с кадрами в системе Министерства здравоохранения СО АССР (сентябрь 1955 года). Однако принимаемые меры не давали ощутимых результатов. Отдаленные населенные пункты по-прежнему оставались без квалифицированной врачебной помощи¹⁹⁶.

В августе 1958 года Министерством здравоохранения РСФСР был издан приказ о закрытии Северо-Осетинского государственного мединститута. Существование института в Северной Осетии было признано нецелесообразным и его решено было перевести во Владивосток. Руководство республики выступило с возражением по этому вопросу. Оно обратилось в центральные органы власти с просьбой отменить данное решение. В своем письме в ЦК КПСС первый секретарь Северо-Осетинского обкома партии В. М. Агкацев обосновывал необходимость сохранения института для подготовки медицинских кадров для Северной Осетии и других кавказских республик¹⁹⁷.

Активную позицию в сохранении мединститута занял генерал армии И. А. Плиев. Он обратился непосредственно к первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву с просьбой пересмотреть

¹⁹⁶ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 73-74.

¹⁹⁷ История Северо-Осетинской государственной медицинской академии Владикавказ, 2001 С. 11.

решение Министерства здравоохранения РСФСР. Как вспоминал впоследствии И. А. Плиев: «Хрущев не знал о таком решении и тут же высказал свое возмущение им. При мне он дал соответствующие указания. Так был сохранен институт»¹⁹⁸.

С этого времени учебная и научно-техническая база СОГМИ, хотя и не такими быстрыми темпами, как в других вузах Северной Осетии, стала расширяться. Росла и численность студентов. С 1958/59 по 1965/66 учебный год контингент студентов увеличился в 1,7 раза, с 1071 до 1845 человек¹⁹⁹. Перед институтом ставились две основные задачи: обеспечивать кадрами сельские медицинские учреждения и готовить для лечебно-профилактических учреждений специалистов узкой квалификации. Значительное количество выпускников вуза отправлялось по целевым направлениям в разные регионы страны.

Так строилась и работа Северо-Осетинского медицинского училища. В течение 1956-1965 годов Северо-Осетинский медицинский институт подготовил 1798 врачей различной квалификации, а медицинское училище 1319 специалистов-медиков среднего звена. Многие выпускники отправлялись по распределению в разные регионы России, в республики Северного Кавказа, Средней Азии. Оставшиеся распределялись по медицинским учреждениям Северной Осетии.

В 1966 году в республике насчитывалось 1875 врачей, на 793 врача больше, чем в 1956 году. Численность среднего медицинского персонала за это же время выросла в 2,5 раза и составила 4300 человек²⁰⁰.

В середине 1950-х — 1960-х годов вопросами обеспечения педагогическими кадрами учреждений системы среднего и высшего образования в Северной Осетии занимались Северо-Осетинский государственный педагогический институт (СОГПИ), педагогическое, музыкально-педагогическое училище и училище искусств.

¹⁹⁸ История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. С. 12.

¹⁹⁹ Северная Осетия за годы советской власти. С. 73.

²⁰⁰ См.: Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С.74; Северная Осетия за годы советской власти. С. 219.

К середине 1950-х годов потребность образовательных учреждений Северной Осетии в преподавательских кадрах в количественном отношении практически была удовлетворена. Это позволило оптимизировать уровень профессиональной подготовки учителей. Перед учебными заведениями педагогического профиля ставилась задача повысить качество подготовки профессиональных кадров для школ республики. Отныне подготовка учителей начальной школы осуществлялась из молодежи, имевшей аттестат о среднем образовании. Одновременно ликвидировались двухлетние учительские институты; на преподавательскую работу не только в 8-е — 10-е, но и 5-е — 7-е классы намечалось направлять лишь педагогов с законченным высшим образованием²⁰¹.

Укомплектованность школ учительскими кадрами объясняла некоторое снижение в конце 1950-х — начале 1960-х годов показателей приема и выпуска специалистов по учебным заведениям соответствующей отраслевой группы. В рассматриваемый период наибольшее количество выпускников вузов пришлось на 1960 год — 1604, в том числе по педагогическим специальностям — 760 человек. В последующие годы показатели снижались, достигнув в 1963 году нижней отметки (соответственно 1237 и 384). Затем начался обратный процесс. Однако если уровень 1960 года с учетом выпускников всех вузов в целом был превзойден в 1966 году и составил 1787 человек, то по Северо-Осетинскому государственному пединституту он только приблизился к показателю обозначенного года — 729 человек²⁰².

Приведенные показатели являлись косвенным свидетельством наполнения педагогическими кадрами школьных учреждений. С 1950/51 по 1958/59 учебный год численность учителей в общеобразовательных школах Северной Осетии (без учета школ рабочей и сельской молодежи и школ взрослых) увеличилась с 3,9 до 5,1 тыс. человек (в 1,3 раза). В последующие годы наблюдались устойчивые темпы роста отмеченного показателя. В 1965/66 учебном году в дневных общеобразовательных школах работали 5,8 тысяч учителей²⁰³.

²⁰¹ ЦГА РСО — А.. Ф. 786. Оп.1, Д. 634. Л. 33.

²⁰² Северная Осетия за годы советской власти. 224.

²⁰³ Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. С. 82-183;

Особое внимание в образовательной политике государства обращается на повышение квалификационного, образовательного уровня учительских кадров. Предпринимаемые меры обусловили положительную динамику в квалификационных характеристиках педагогических коллективов школ Северной Осетии. Так, если в 1952/53 учебном году удельный вес учителей с высшим и средним педагогическим образованием равнялся соответственно 33,8% и 30,9%, то применительно к 1958/59 учебному году эти показатели составляли уже 42,8%, и 34,2%. Одновременно в общеобразовательных школах республики снижалась доля учителей, не имевших должной профессиональной подготовки. Доля учителей в школах всех типов с незаконченным высшим образованием, в том числе получивших знания в объеме учительского института, снизилась с 1952/53 по 1958/59 учебный год от 24,5 до 22,1%, а с незаконченным средним — от 1,7 до 0,9%²⁰⁴.

Со второй половины 1950-х годов расширяется сеть средних специальных учебных заведений. С целью активизации их деятельности было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 августа 1954 года «Об улучшении подготовки. Распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием». «Выпуск специалистов, — отмечалось в постановлении, — из средних специальных учебных заведений отстает от выпуска специалистов из высших учебных заведений». Действительно, в 1952 и 1953 года четыре вуза республики выпустили больше специалистов, чем тринадцать техникумов и училищ вместе взятых²⁰⁵.

Меры, направленные на расширение материальной и учебной базы, увеличение показателей ежегодного приема в техникумы и училища способствовали росту числа обучавшихся в них. С 1956/57 по 1965/66 учебный год численность учащихся в этих учебных заведениях выросла с 7,3 до 13,7 тысяч человек, то есть почти в 1,9 раза. При этом в соотношении количества обучавшихся в учебных заведениях, ориентированных на производственную

Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.

²⁰⁴ ЦГА РСО — А.. Ф. 786. Оп.1. Д. 561. Л. 30; Текиев В. Д Указ. соч. С. 57.

²⁰⁵ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 70; Северная Осетия за годы советской власти. Стат. сборник. С. 220-222.

и непроизводственную сферы деятельности, произошли определенные изменения²⁰⁶.

Доля индустриальной группы средних специальных учебных заведений, представленных в отмеченный период горно-металлургическим, индустриальным, строительным, технологическим техникумами и техникумом железнодорожного транспорта, в общей массе обучавшихся в средних специальных учебных заведениях по-прежнему оставалась высокой. В 1965 году она составляла 54,9%. Но этот показатель был ниже соответствующего показателя 1958 года, равнявшегося 62,9%. Представляется, что изменение показателей в определенной мере было обусловлено растущей ориентацией государства на приоритетное развитие системы высшего технического образования, представлявшегося важнейшим фактором общественного развития и обеспечения оборонной мощи страны. Так, если число обучавшихся в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте студентов за время с 1958 по 1965 год увеличилось почти в 2,3 раза, то в горно-металлургическом техникуме — только в 1,2 раза²⁰⁷.

Вместе с тем, осуществление мер в области социального обеспечения, направленных на повышение уровня материального благосостояния населения, способствовало развитию сферы социально-бытового обслуживания, требовавшей расширенной подготовки квалифицированных кадров. Решение этой задачи обеспечивалось за счет ускоренного роста контингента учащихся средних учебных заведений, готовивших кадры для сферы обслуживания, торговли и учреждений культуры, что довольно ярко иллюстрируется статистическими данными. К примеру, если численность обучавшихся с 1958/59 по 1965/66 учебный год в индустриальной и строительной группе средних учебных заведений увеличилась с 4458 до 8296 учащихся, т.е. в 1,8 раз то в неиндустриальной группе этот показатель поднялся с 2625 до 6252 учащихся, т.е. в 2,4 раза. По отдельным учебным заведениям рост был еще более заметным: в техникуме советской торговли — в

²⁰⁶ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С. 120; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218.

²⁰⁷ Северная Осетия за годы советской власти. С. 219-220.

2,7 раза, в педагогическом училище — в 3,1 раза, в училище искусств — в 2,6 раза²⁰⁸.

Таким образом, во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, несмотря на то, что более половины учащихся средних специальных учебных заведений были сконцентрированы в индустриальной группе техникумов, темпы роста численности обучавшихся в них в эти годы, в отличие от послевоенного десятилетия, оказались ниже соответствующих показателей в учебных заведениях непромышленной сферы.

В техникумах и училищах, как и в вузах, большое распространение получили вечерняя и заочная формы обучения, особенно по производственно-технической группе. В горно-металлургическом техникуме даже наблюдалось абсолютное сокращение численности учащихся, охваченных очной формой обучения. На дневном отделении в 1965/66 учебном году насчитывалось лишь 38,5% всех учащихся ГМТ. В целом, по данной группе техникумов доля студентов заочного и вечернего отделений среди всех учащихся составляла 56,8%.

С каждым годом увеличивался выпуск специалистов из средних специальных учебных заведений. В течение первой половины 1960-х годов техникумы и училища направили в различные отрасли народного хозяйства и учреждения культуры 11,9 тысяч специалистов различной квалификации. В 1965 году количество выпускников равнялось 2,2 тысячам человек. Из них было направлено в промышленность и строительство — 37,5%, на предприятия транспорта и связи — 14,9%, в сельское хозяйство — 2,3%, учреждения экономики и права — 26,8%, здравоохранения, физкультуры и спорта — 7,4%, просвещения — 9,0%, искусства и кинематографии — 2,0%²⁰⁹.

Одним из составляющих элементов государственной политики в области развития высшего и среднего специального образования в национальных регионах по-прежнему оставалась ориентация на «коренизацию образованного слоя». Последовательное выполнение решений партийно-советских органов по данному

²⁰⁸ См.: Северная Осетия за годы советской власти. С. 220-222.

²⁰⁹ Рассчитано по: Северная Осетия за годы советской власти. С. 224.

вопросу находило отражение в изменении национального состава учащейся молодежи республики. В 1965/66 учебном году в 4 вузах республики проходили обучение 5303 осетина, что превышало показатель 1956/57 года в 2,1 раза; в 12 средних специальных учебных заведениях обучалось 3194 осетина, то есть в 2,3 раза больше по сравнению с 1956/57 годом. Одновременно наблюдалась устойчивая тенденция повышения доли осетин во всех учебных заведениях Северной Осетии²¹⁰.

Обращает на себя внимание традиционно более высокий по сравнению со средними учебными заведениями удельный вес представителей коренной национальности в системе высшего образования. В первое послевоенное десятилетие темпы прироста осетин в техникумах и училищах стали опережать вузовские показатели. Однако со второй половины 1950-х годов, особенно с начала 1960-х годов вновь наблюдается тенденция ускорения роста численности осетин в системе высшего образования. Важными факторами, облегчавшими доступ осетинской молодежи в высшие учебные заведения, являлись расширение системы общего среднего образования, перевод обучения в национальной школе на русский язык, введение некоторых льгот при поступлении в вузы для детей рабочих, колхозников и участников ученических бригад, отмена платы за обучение, расширение приема абитуриентов в учебные заведения. Вместе с тем, сохранялась практика целевого направления, в том числе в вузы республики.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов приток осетин наблюдался даже в не привлекавшие их прежде технические учебные заведения, престиж которых, как мы помним, неизмеримо возрастает в этот период. Опережающими темпами росла численность осетин, обучавшихся в высших учебных заведениях. Удельный вес их в четырех институтах республики изменялся следующим образом: в 1950/51 учебном году — 27,4%, в 1956/57 — 28,7%, в 1965/66 — 33,6%. В средних специальных учебных заведениях также наблюдалась положительная динамика. Показатели по тем же годам составляли соответственно 19,3%, 19,3% и 23,2%²¹¹.

²¹⁰ Рассчитано по: Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С. 120; Северная Осетия за годы советской власти. С. 218

²¹¹ Рассчитано по: Народное хозяйство СО АССР. Стат. сб. С. 120-121; Се-

Совершенствование процесса подготовки образованных квалифицированных кадров из представителей коренной национальности, обеспечивало продолжение политики государства по созданию устойчивой социальной базы для реализации задач социально-экономического и культурного развития в национальных регионах.

Вместе с тем, в рассматриваемый период, несмотря на ускоренные темпы роста представителей коренной национальности в составе учащейся молодежи, осетины занимали лишь вторую позицию в перечне национальностей, обучавшихся в вузах и средних учебных заведениях Северной Осетии. В 1966/67 учебном году русские составляли в вузах республики 41,8%, в техникумах и училищах — 58,6%; осетины соответственно — 33,4% и 25,8% и прочие национальности — 24,8% и 15,6%²¹². Высокая доля русских среди учащейся молодежи во многом объяснялась как большим удельным весом их в населении Северной Осетии, особенно среди жителей городов, так и более благоприятными стартовыми возможностями, выразившимися в более высокой образовательной подготовке²¹³.

Исследуя вопрос о развитии высшего и среднего специального образования, следует, на наш взгляд, обратить внимание еще на один аспект проблемы — влияние происходивших в середине 1950-х — 1960-х годов общественно-политических процессов на духовную атмосферу учебных заведений. «Оттепель», пробудившая общественное сознание, нашла благодатную среду в студенческих коллективах. Свидетельство тому — открытые в конце 1980-х — 1990-е годы архивные материалы, дающие представление о настроениях, имевших место во второй половине 1950-х годов в Московском университете, во ВГИКЕ, в Горьковском университете и других высших учебных заведениях страны. Происходившие в различных учебных заведениях события являлись

верная Осетия за годы советской власти. С. 218.

²¹² Северная Осетия за годы советской власти. С. 227.

²¹³ По данным переписи 1970 года русские составляли 36,6% всего населения республики и 45,2% городского населения; осетины составляли соответственно 48,7% и 39,8%. — Северная Осетия в восьмой пятилетке. Стат. сборник. С. 10.

своеобразной реакцией на «хрущевские откровения» и события в Югославии, Польше, Венгрии²¹⁴.

Однако критические умонастроения студенчества уже тогда шли намного дальше той черты, у которой партийное руководство хотело бы их остановить, сдержав непредсказуемую гражданскую активность. Волнения в студенческой среде характеризовались, как «проявление нездоровых и вредных настроений со стороны отдельных студентов», а также как «демагогические выступления, опошляющие роль комсомола и дезориентирующие студенчество».

Мы не располагаем документальными свидетельствами подобных выступлений в вузах Северной Осетии. Однако именно стремление предотвратить возникновение подобной ситуации лежало в основе принимавшихся профилактических решений, направленных на усиление идейно-воспитательной работы в студенческих коллективах. Вопросы идейно-политического воспитания молодых специалистов обсуждал VIII пленум Северо-Осетинского обкома КПСС в июле 1963 года «Воспитание учащейся молодежи, — отмечалось в выступлении секретаря обкома КПСС А. Г. Кучиева, — которая вольется в славный отряд нашей советской интеллигенции — сложное и кропотливое дело. И лучшей оценкой труда преподавателей, партийных, комсомольских организаций и всей общественности вузов и техникумов будет, если из стен учебных заведений будут выходить специалисты не просто с дипломами, а люди высокой идейности и культуры, кристальной честности, всегда готовые искать, творить на благо народа»²¹⁵.

В обеспечении намеченной цели в качестве важнейшего средства виделось политическое образование молодежи, внимание к которому, несмотря на некоторое смягчение идеологического климата, не ослабевало на протяжении рассматриваемого периода. Напротив, с середины 1960-х годов повышается требовательность к идейному содержанию научно-педагогической и исследовательской деятельности учебных заведений. Особая ответствен-

²¹⁴ См.: Студенческие брожения в СССР (конец 1956 г.) // Вопросы истории. 1997. №. 1.

²¹⁵ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 47. Д. 10. Л. 40.

ность за идейное и политическое воспитание подрастающего поколения возлагалась на общественные науки.

В октябре 1967 года в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 14 августа того же года было принято постановление бюро Северо-Осетинского обкома КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». Постановление предусматривало усиление контроля над деятельностью кафедр общественных наук в коммунистическом воспитании молодежи. Решение этой задачи увязывалось с укреплением материальной базы кафедр, внедрением технических средств обучения, расширением издательской базы. Повышались также требования к подбору кадров заведующих кафедрами и преподавателей общественных наук.

Таким образом, в середине 1950-х — середине 1960-х годов, несмотря на сложность и неоднозначность социально-политической обстановки в стране, в системе высшего и среднего специального образования произошли значительные изменения. Достигнутые результаты впечатляли. Их признавали даже западные исследователи, которых трудно заподозрить в симпатиях к советской власти. По мнению известного английского историка Дж. Хоскинга, блестящие успехи советской системы образования после войны являются одним из самых замечательных достижений советского общества. «Лучшие советские ученые соответствовали самым высоким международным требованиям, и каждый год высшие учебные заведения выпускали людей с прекрасной профессиональной подготовкой»²¹⁶.

Составным элементом этой системы образования являлись институты, техникумы и училища Северной Осетии, занимавшие ведущие позиции среди учебных заведений национальных республик Северного Кавказа и готовившие квалифицированные профессиональные кадры для многих регионов страны. Своей деятельностью учебные заведения Северной Осетии закладывали основу для развития научно-исследовательской деятельности в сфере гуманитарных и естественно-технических наук.

²¹⁶ Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917-1991. М., 1995. С. 366.

2.4 Становление и развитие единой системы начального профессионального образования

Неоднократно предпринимавшиеся на протяжении XX века попытки политехнического реформирования советской общеобразовательной школы (в 1920-е, в 1950-е — 1960-е годы, возвращение к идее политехнизации в форме учебных производственных комбинатов в середине 1980-х годов) свидетельствуют о значительном созидательном потенциале идеи «трудовой» школы. Известно, что ни одна из этих попыток не была доведена до конца. Однако, говоря о неудаче реформирования общеобразовательной школы на принципах политехнизации, следует принять условность такого утверждения. Анализ итогов политехнической реформы в советской школе в середине 1950-х — 1960-х годов позволяет сделать вывод о том, что она оказала определяющее влияние на характер и содержание преобразований в системе начального профессионального образования, осуществленных во второй половине 1960-х — начале 1970-х годов. На наш взгляд, паллиативная политехническая реформа середины 1950-х — 1960-х годов объективно имела положительные последствия. Опыт функционирования средней школы на принципах политехнизации в середине 1950-х — 1960-х годов был учтен при разработке новой концепции государственной политики в сфере подготовки профессиональных квалифицированных кадров рабочих, предусматривавшей создание единой системы профессионально-технического образования.

Начало развитию советского профессионально-технического образования было положено в 1919 году декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мерах к распространению профессионально-технических знаний». В 1921 году было утверждено положение о школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В конце 1920-х годов с целью укрепления материально технической базы профессиональной школы учебные заведения этого профиля были переданы из ведения Главного комитета профессионально-технического образования (Главпроф), с последующей его ликвидацией, в юрисдикцию отраслевых наркоматов.

Сосредоточение учебных заведений, готовивших кадры для народного хозяйства при хозяйственных организациях, имело положительные результаты, обеспечивая подготовку кадров с учетом специфики различных отраслей производства. Вместе с тем, у наркоматов и ведомств не было единого подхода к постановке профессионально-технического обучения, отсутствовало перспективное планирование. Система производственно-технической подготовки квалифицированных рабочих требовала значительного улучшения.

2 октября 1940 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О государственных трудовых резервах СССР». В соответствии с этим указом создавались три типа училищ и школ, заменявших школы ФЗУ: ремесленные училища, железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Вся эта система подчинялась единому государственному органу — Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР²¹⁷.

В октябре 1940 года в Северной Осетии были открыты одно железнодорожное, два ремесленных училища и три школы ФЗО. Профиль училищ и ФЗО менялся в зависимости от потребностей народного хозяйства: готовились металлурги, шахтеры, токари, слесари, каменщики, жестянщики, телеграфисты и т.д.²¹⁸ В таком виде сложившаяся система начального профессионального образования действовала вплоть до 1950-х годов.

Потребности общественного развития вызвали необходимость расширения сети профессионально-технических училищ. В 1950-е годы в Северной Осетии впервые начинают готовить квалифицированные кадры для сельскохозяйственного производства. В 1952 году на базе школ механизации селений Кобань, Гизель и станицы Черноярская было открыто сельское профтехучилище № 1 (Черменская школа механизации). На начальном этапе становления училище, также как и многие другие учебные заведения подобного типа, испытывало большие трудности материального порядка. Так, из-за нехватки помещений оно вынуждено было арендовать их у спецбольницы. Обедать учащимся

²¹⁷ История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 3. С. 118.

²¹⁸ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. С. 62-63.

приходилось под открытым небом, а жить на частных квартирах. Только в 1956 году были построены корпуса общежитий, а новый учебный корпус возведен в 1961 году. Училище готовило механиков-комбайнеров и трактористов-машинистов широкого профиля. Среди первых учеников СПУ № 1 были Герой Социалистического труда Т. Алагов, Кавалер Ордена Октябрьской революции Н. Лехтеров и др.

Т. Алагов

Позднее в 1959 году на базе упраздненной Виноградненской МТС в поселке Мирный Моздокского района было создано еще одно училище механизации сельского хозяйства (УМСХ № 5). К 2000 году это училище подготовило более 25 тыс. специалистов, основную массу которых составляли рабочие сложных профессий, связанных с механизацией и электрификацией трудовых процессов в растениеводстве и животноводстве²¹⁹.

Вторая половина 1950-х — 1960-е годы характеризовались мощным ростом жилищного строительства в стране, в том числе в национальных регионах. Они породили огромную потребность в квалифицированных кадрах строителей. С учетом потребностей строительной отрасли в Северной Осетии был открыт ряд профессионально-технических училищ строительного профиля. В марте 1956 года на базе завода железобетонных конструкций г. Беслан было создано ГПТУ № 8. Через два года в г. Орджоникидзе были открыты строительное училище № 2 (СУ № 2) и строительная школа № 1, преобразованная в СУ № 1. На начальном этапе существования училища готовили специалистов с одногодичным сроком обучения, затем перешли на двухгодичный срок (в ГПТУ № 8 подготовка осуществлялась в течение 10 месяцев). Учебные заведения готовили специалистов по строительным профессиям: каменщиков, электромонтажников, штукатуров-маляров, электрогазосварщиков.

В 1954 году старейшее в Северной Осетии ремесленное учи-

²¹⁹ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 98-99.

лице № 1 приобрело полиграфический профиль. С этого времени оно стало одним из крупнейших учебных заведений, поставлявших кадры для типографий Российской Федерации. В начале своей деятельности полиграфическое училище располагало крайне скудной материальной базой: одна старая плоскочечатная машина «Пионер», одна тигельная машина и три плоскочечатные машины иностранного производства, четыре строкоотливные наборные машины (из них две были списаны и сняты с производства), две тонны шрифта и две тонны линотипного слава. На этой базе готовились рабочие кадры для полиграфического про-

Ф. Д. Ногаев

изводства. Тем не менее, уровень подготовки специалистов был довольно высоким. Многие выпускники училища, продолжив образование, впоследствии стали руководителями крупных типографий, квалифицированными мастерами. В 1960-е — 1970-е годы в Северной Осетии широко было известно имя одного из выпускников училища Героя социалистического труда, новатора производства, наставника молодежи Ф. Д. Ногаева²²⁰.

К концу 1950-х годов в системе профессионального образования, наряду с подготовкой рабочих кадров для отраслей тяжелой промышленности и капитального строительства, заметное внимание стало уделяться сфере бытового обслуживания и легкой промышленности. Развиваются старые и создаются новые учебные заведения. Так, в 1960 году на базе ФЗУ Швейной фабрики имени С. М. Кирова, работавшей с 1930 года, было сформировано ремесленное училище № 3. Училище готовило специалистов массового пошива для швейного производства. В 1959 году на базе «Севосетинпромсовета» было открыто еще одно училище, занимавшееся обучением мастеров индивидуального пошива. В училище были созданы шесть групп по 25 человек: две группы по пошиву верхней мужской одежды и две группы по пошиву женского легкого платья, а также две группы обувщиков. В сле-

²²⁰ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 100.

дующем году училище было передано в систему профессионально-технического образования и переименовано в ремесленное училище № 4. Выпускники обоих училищ пополняли ряды работников швейной и обувной фабрики, ателье столицы и других населенных пунктов республики. Подготовка поваров, кондитеров, продавцов долгие годы осуществлялась на базе учебно-курсового комбината, преобразованного в 1964 году в профессионально-техническое училище, находившееся в ведении Министерства торговли²²¹.

В 1959 году в соответствии с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» начались изменения в сфере профессионального образования. Главное управление трудовых резервов было преобразовано в Государственный комитет Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. К этому времени в системе Северо-Осетинского республиканского управления профессионально-технического образования имелось 14 действующих училищ (в том числе четыре училища на территории Кабардино-Балкарской АССР). В них обучалось около 3,4 тыс. человек. Различались три типа политехнических училищ: ремесленные училища, строительные училища и училища механизации сельского хозяйства. В них готовили кадры квалифицированных рабочих по 19 специальностям²²².

Национальный состав учащихся производственно-технических училищ был довольно пестрым и представлял практически все национальности, проживавшие на территории автономной республики. Однако подавляющее большинство в них в 1959 году составляли осетины (52%) и русские (42%). С 1941 по 1957 год профессиональные училища и школы выпустили 14,9 тыс. квалифицированных рабочих, в соответствии с государственным планом распределения направлявшихся на предприятия, стройки, ремонтно-тракторные станции, колхозы, совхозы. Примерно 17% выпускников получали направление на работу

²²¹ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 101-102.

²²² Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 49; От века к веку. Страницы истории образования... С.100.

за пределами Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. Они выезжали в Омск, Бийск, Красноярск, Магадан, Казахстан и т.д.²²³

В 1960-е годы продолжается процесс организации и структурной перестройки сети профессионально-технических училищ. Основные направления реорганизации системы начального профессионального образования, в том числе в регионах, были определены приказом Главного управления профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР от 8 августа 1962 года. В ведение Северо-Осетинского республиканского управления профтехобразования передавались ранее не принадлежавшие ему учебные заведения, а также реорганизовывались уже существовавшие училища. Так, ремесленные училища № 3 и № 4 были объединены в городское профтехучилище № 4. В училище обучали профессиям: портной легкого женского платья и портной верхней мужской одежды. Основным базовым предприятием, участвовавшим в организации производственной практики, являлась Швейная фабрика имени С. М. Кирова. В училище был налажен массовый пошив-крой швейных изделий, сдававшихся на фабрику. Другим базовым предприятием для училища было объединение «Севосетинбытодежда». В училище готовили также кадры вязальщиц и кетельщиц для Орджоникидзевской чулочной фабрики. Реорганизации подверглись и строительные училища. Строительное училище № 1 превратилось в городское профтехучилище № 9, строительное училище № 2 в — ГПТУ № 5²²⁴.

В целом в 1963 году Управление профтехобразования при Совете Министров СО АССР объединяло 25 профессионально-технических учебных заведений, располагавшихся на территории Северной Осетии и Кабардино-Балкарии. В них обучались более 6 тысяч человек. Развивалась учебная и материально-техническая база училищ. В городских профтехучилищах имелись 60 учебных мастерских, 68 учебных кабинетов и лабораторий. В течение нескольких лет в них было поставлено 116 единиц различного оборудования²²⁵.

²²³ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 100.

²²⁴ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 102.

²²⁵ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.140.

Проблема совершенствования организации учебного процесса, укрепления материально-технической базы учебных заведений профтехобразования неоднократно в рассматриваемый период выносилась на обсуждение партийных и советских органов двух автономных республик. К решению этих вопросов органы власти активно привлекали финансовые, материальные и технические ресурсы базовых предприятий. В конце 1950-х — начале 1960-х годов с помощью промышленных предприятий были построены учебные корпуса и общежития для учащихся ГПТУ № 3 г. Орджоникидзе и ГПТУ № 12 г. Нальчик, учебные мастерские на 100 мест для столяров-мебельщиков в ГПТУ № 2. Новое трехэтажное здание передано ГПТУ № 8 г. Нальчик. Садонское рудоправление передало помещения под учебные и бытовые нужды для ГПТУ № 6. Орджоникидзевский трест «Орджтрасстрой» построил учебный корпус и общежитие на 207 мест для ГПТУ № 14 г. Беслан²²⁶.

Новой, более современной техникой и учебным оборудованием пополнялись сельские профтехучилища. Под учебные хозяйства выделялись дополнительные земельные площади; создавались агрохимические лаборатории; расширялись кабинеты агротехники. Учебные планы предполагалось строить с учетом новейшего опыта возделывания сельскохозяйственных культур²²⁷.

Таким образом, к началу 1960-х годов сформировалась довольно разветвленная сеть училищ и школ, готовивших рабочих разных специальностей для отраслей народного хозяйства. Однако единого центра управления этой сетью не существовало. Часть учебных заведений находилась в ведении управления профессионально-технического образования, другая была включена в структуру различных ведомств и министерств, что значительно затрудняло координацию и планирование их деятельности. Понимание необходимости создания единой системы подготовки квалифицированных рабочих кадров для отраслей народного хозяйства, приведения этой системы в соответствие с задачами, выдвигавшимися научно-техническим прогрессом, особенно ут-

²²⁶ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 140-141.

²²⁷ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 141.

верждается в сознании руководителей системы образования к середине 1960-х годов.

Неудача в осуществлении идеи политехнического обучения в средней общеобразовательной школе, которая должна была давать среднее образование и одновременно готовить рабочие кадры для общественного производства, подвигла государство к кардинальному реформированию системы профессионально-технического образования в конце 1960-х годов.

Суть предпринятой реформы заключалась в преобразовании школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных, железнодорожных, горнопромышленных, строительных училищ, училищ механизации сельского хозяйства и других подобных учебных заведений равноуровневого подчинения в городские (со сроком обучения от одного до трех лет) и сельские (со сроком обучения от одного до двух лет) профтехучилища. В учебных заведениях были приняты две формы обучения: дневная и вечерняя. Координация деятельности профессионально-технических училищ осуществлялась Главным управлением профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР и его региональными подразделениями.

Реформа профтехобразования предусматривала создание средних профтехучилищ, посредством которых решились две важнейшие задачи: подготовка молодых рабочих кадров и осуществление всеобщего среднего образования. Она благотворно повлияла на развитие средней общеобразовательной школы, так как создание сети средних профтехучилищ, строившихся на более совершенной организационной и материально-технической базе, делало неактуальной идею политехнической школы и обеспечивало основу для возвращения к традиционной классической модели организации общеобразовательной школы.

В конце 1960-х — 1970-е годы происходило дальнейшее расширение и совершенствование сети профтехучилищ в Северной Осетии. В систему профтехобразования было включено профтехучилище Министерства торговли, преобразованное в СПТУ № 17 (с 1990-х годов профессиональный лицей № 17). На базе школы полеводов с. Михайловское было создано сельское профес-

сионально-техническое училище (СПТУ) № 3, переименованное в 1990-е годы в профессиональное училище № 16. В училищах организовывались мастерские, учебные кабинеты и лаборатории. Они обеспечивались современными техническими средствами обучения. На рубеже 1960-х — 1970-х годов в станице Змейской было открыто сельское ПТУ № 4. В 1984 году его с порядковым номером 14 переместили в селение Эльхотово. Здесь был создан новый учебно-производственный комплекс по подготовке специалистов самых разных профессий: трактористов, мастеров по переработке плодов и ягод, садоводов, овощеводов и др. Училище располагало большим машинно-тракторным парком, который включал тракторы, экскаваторы, бульдозеры, грузовые автомобили и комбайны. В 1966 году решением Государственного комитета по профтехобразованию РСФСР в г. Моздок было организовано ГПТУ № 13 по подготовке рабочих строительных профессий для треста «Севосетинсельстрой». С этого времени практически все строительные организации Моздокского района стали комплектоваться выпускниками этого училища. Оно готовило также вя-зальщиц для Моздокской гардинной фабрики²²⁸.

Многие преобразования в системе профессионально-технического образования диктовались потребностями научно-технического прогресса, задачами укрепления обороноспособности страны. В начале 1970-х годов на основании решения Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию Академия педагогических наук СССР разработала новые программы подготовки квалифицированных рабочих в соответствии с новейшими достижениями науки и техники.

В духе новых требований в системе производственно-технического обучения (ПТО) Северной Осетии расширяется и совершенствуется подготовка специалистов электротехнического профиля. В 1972 году в целях более эффективного расходования бюджетных средств были объединены техническое училище № 1 и городское профессионально-техническое училище № 3 под на-

²²⁸ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 104-105.

званием техническое училище № 1. Основной производственной базой нового учебного заведения стали предприятия, имевшие оборонное значение, заводы «Рубин», «Бином» и «Гран». Училище готовило высококвалифицированных рабочих по специальностям: монтажник-вакуумщик, испытатель ЭВМ, наладчик ЭВМ, радиомеханик по обслуживанию и ремонту радио и телеаппаратуры и т.д. Училище располагало оборудованными по последнему слову техники кабинетами ЭВМ, лабораториями и мастерскими. В конце 1970-х годов техническое училище № 1 являлось одним из лучших в системе производственно-технического образования²²⁹.

С каждым годом росло количество выпускников профтехучилищ. Так, если в 1950 году в системе учебных заведений Управления профтехобразования Северо-Осетинской АССР было подготовлено и выпущено 1047 человек, в 1960 году — 1579, то в 1965 году — эта цифра составила 3143 человек. Такой резкий скачок в показателях (в два раза) был обусловлен началом кардинального реформирования системы профтехобразования. В последующие пятнадцать лет наблюдается устойчивая тенденция роста численности выпускников профтехучилищ. В 1970 году в различные отрасли народного хозяйства было направлено 5094, в 1980 году — 8273 квалифицированных рабочих. В последующие годы эти показатели несколько снизились и держались примерно на уровне 7,5 тысяч человек²³⁰.

Профессионально-технические училища Северной Осетии готовили квалифицированные кадры по широкому спектру рабочих и строительных специальностей. Среди выпускников профтехучилищ были слесари по ремонту пассажирских и грузовых вагонов, слесари-инструментальщики, фрезеровщики, лекальщики по промышленному оборудованию, по сборке швейных машин, жестянщики, специалисты по санитарно-техническим работам, токари, кузнецы свободнойковки, формовщики-литейщики, электромонтеры, печатники на плоскочечатных машинах, набор-

²²⁹ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 105.

²³⁰ Северная Осетия в восьмой пятилетке. С. 130; Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 82.

щики ручного набора, работники связи, каменщики, штукатуры-маляры, маляры-отделочники, столяры-мебельщики, плотники, облицовщики. Всего в городских профессионально-технических училищах можно было пройти подготовку по двадцати рабочим и строительным специальностям. Сельские профессионально-технические училища представляли широкий спектр сельскохозяйственных специальностей: механики-комбайнеры, трактористы-машинисты широкого профиля, полеводы, овощеводы и т.д. (всего одиннадцать сельскохозяйственных специальностей). Выпускники училищ направлялись на предприятия, стройки и в сельское хозяйство Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и других регионов страны²³¹.

В образовательной политике государства в сфере профтехобразования серьезное внимание обращалось на организацию внеклассной, культурно-воспитательной работы. Руководители системы профтехобразования рассматривали организацию культурного досуга молодых людей как один из каналов привлечения и закрепления их в профессионально-технических училищах, формирования уважительного отношения к рабочей профессии, профилактики девиантного поведения среди учащейся молодежи. Широкая сеть кружковой работы использовалась для воспитания подрастающего поколения в духе социалистических идеалов, гордости за принадлежность к рабочему классу.

В 1964 году в структуре Управления профтехобразования Северной Осетии помимо учебных заведений находились 10 клубов, 19 библиотек с читальными залами, 15 красных уголков. При клубах системы профтехобразования действовали 23 танцевальных коллектива, 15 хоровых, 8 драматических коллективов, 8 духовых оркестров, а также кружки художественного слова, вокального пения, струнных инструментов, рукоделия и др. Кружковой работой были охвачены 1811 человек, что составляло 30% всех учащихся производственно-технических училищ²³².

В училищах систематически проводились смотры художественной самодеятельности. Особую популярность приобрел тан-

²³¹ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 134, 140.

²³² Культурное строительство. Т.2. С.141; От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 103.

цевальный ансамбль «Терек» Республиканского управления профтехобразования, основанный в 1957 году, основанный заслуженным артистом СО АССР В. Дзерановым и народным артистом СО АССР К. Цаболовым. Юноши и девушки приобретали в этом ансамбле навыки хореографического мастерства. Участники ансамбля проходили школу эстетического воспитания. Для некоторых из них занятия танцами превратились в профессию. Известные солисты Государственного ансамбля танца «Алан» заслуженные артисты РСФСР К. Дзбоев, З. Козаев, Т. Булацев, заслуженные артисты СО АССР З. Калоева, А. Хасиев и другие начинали свой путь в танцевальном искусстве с ансамбля «Терек»²³³.

В 1978 году на базе кинотеатра «Заря» в г. Орджоникидзе был создан Дом культуры профтехобразования, объединивший художественные коллективы (танцевальные, хоровые, инструментальные), кружки по интересам и др. В 1999 году Дом культуры профтехобразования был преобразован в Центр творчества молодежи Министерства общего и профессионального образования республики²³⁴.

Развитие спортивно-массовой работы являлось еще одним направлением деятельности учебных заведений профтехобразования. По итогам 1963 года Республиканский совет добровольного спортивного общества «Трудовые резервы» занял первое место в Российской Федерации. На IV Всероссийской спартакиаде, совпавшей с празднованием 40-летия автономии Северной Осетии, команда борцов профессионально-технических училищ Северной Осетии заняла первое место и была включена в сборную команду РСФСР на Всесоюзные соревнования 1964 года. Пять борцов-учащихся профтехучилищ республики завоевали на этих соревнованиях звание чемпионов РСФСР по вольной борьбе.

Очередной этап в развитии сферы профессионально-технических учебных заведений начался с реформы общеобразовательной и профессиональной школы в 1984 году. ПТУ были реорганизованы вместе с техническими училищами в единый тип учебно-

²³³ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 103.

²³⁴ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 108.

го заведения — среднее профессионально-техническое училище (СПТУ). СПТУ готовили квалифицированных рабочих со средним образованием. Срок обучения для окончивших неполную среднюю школу подростков и молодых людей более взрослых возрастных категорий составлял три года; для выпускников средней общеобразовательной школы ограничивался одним годом. СПТУ находились в непосредственном ведении местных органов профессионально-технического образования и создавались, как правило, на базе предприятий промышленности, строительства, сферы обслуживания, в сельской местности — в каждом административном районе²³⁵.

К середине 1980-х годов в Северной Осетии сложилась довольно разветвленная сеть средних профтехучилищ, располагавшихся в городах и сельской местности, которые достаточно успешно решали задачу обеспечения квалифицированными рабочими кадрами предприятий промышленности, строительной, жилищно-бытовой, торговой и многих других отраслей народного хозяйства не только своей республики, но и других регионов Советского Союза. Профессионально-технические училища работали во всех городах и многих селах Северной Осетии. С 1970 по 1980 численность учащихся в профессионально-технических учебных заведениях выросла с 7876 до 10070 человек. Всего в 1983 году в восемнадцати городских и сельских профессионально-технических училищах обучались более одиннадцать тысяч человек²³⁶.

Успешное функционирование системы начального профессионального образования на протяжении 1970-х — начала 1980-х годов обеспечивалось благодаря политике целенаправленной и планомерной поддержки со стороны партийно-государственных органов власти и управления. Устойчивое финансирование организации учебно-производственного процесса, материальное и моральное стимулирование обоих субъектов этого процесса (как учащихся, так и педагогов и мастеров), организация культурного досуга учащейся молодежи создавали оптимальные условия для

²³⁵ Электронный ресурс// Otrok.ru

²³⁶ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 82.

подготовки квалифицированных кадров рабочих. Немаловажное значение для выпускников профтехучилищ, приобретавших рабочую квалификацию, гарантировавшую трудоустройство и определенные социальные льготы, являлось еще получение аттестата о полном среднем образовании. Наличие этого документа предоставляло право выпускнику ПТУ при желании продолжить в дальнейшем учебу в вузе. Все эти факторы должны были служить хорошим стимулом для молодежи, приходившей учиться в профтехучилище.

Однако, несмотря на все усилия государства, привлекательный образ профессионально-технического образования в обществе складывался с большим трудом. Попытка посредством создания целой системы социальных гарантий и льгот переломить негативное восприятие физического труда в общественном сознании, сформировать представление о привлекательности рабочей профессии и о решающей роли учреждений профтехобразования в этом процессе не удавалась. В реальной действительности, профессионально-технические училища фактически рассматривались как учебные заведения, куда «отбраковывались» нежелательные в дневной общеобразовательной школе учащиеся, своей учебой и поведением снижавшие общие показатели работы школ. Для простого обывателя слово «пэтэушник» приобретало откровенно уничижительно-пугающее звучание. А для «трудного подростка», «плохо успевающего» ученика профтехучилище превращалось в своеобразное пугало, куда его обещали «отправить» после 8-го класса, если он «не возьмется за ум». Крайне редко учеба в профессионально-техническом училище, выбор рабочей специальности были результатом самостоятельного, осознанного мотивированного решения молодого человека. Чаще всего молодежь оказывалась в стенах ПТУ по причинам несколько иного порядка: в силу невысокого социального статуса семьи, материальной необеспеченности или низкого уровня знаний, служившего препятствием для поступления в высшее учебное заведение.

Тем не менее, сказанное выше ни в коей мере не умаляло значения профтехучилищ как важнейших учебных заведений, дававших начальную профессиональную подготовку. В последу-

К. Кесаева

ющем многие выпускники профтехучилищ, освоившие рабочие специальности, добивались впечатляющих успехов в трудовой деятельности, становились профессионалами своего дела, удостаивались общественного признания и высших государственных наград. Среди тех, кто прошел школу профтехобразования, были упомянутые ранее Т. Алагов, Ф. Ногаев, а также Герои Социалистического труда Е. Битиева,

К. Кесаева и кавалеры Ордена Трудового Красного Знамени В. Кабоев, С. Габеев и другие.

Деструктивные процессы, развернувшиеся в российском обществе в 1990-е годы, привели к глубокому, затяжному кризису в сфере профтехобразования. Была разрушена материально-техническая и производственная база многих учебных заведений, прерваны связи с промышленными и строительными предприятиями, сельскохозяйственным производством, сферой обслуживания. В итоге в начале 2000-х годов экономика страны столкнулась с острой проблемой нехватки квалифицированных рабочих. По данным Министерства образования и науки Российской Федерации требуются рабочие кадры по всем направлениям подготовки, особенно в металлургии — отрицательный баланс между выпуском и потребностью составляет 50 тысяч специалистов, в сфере обслуживания — 58 тысяч, в энергетике — 35 тысяч, в строительстве и архитектуре — 31 тысяча. В общей сложности не хватает свыше трёхсот тысяч специалистов с начальным профессиональным образованием²³⁷.

В настоящее время понимание невозможности решить задачи модернизации страны без наличия квалифицированных рабочих кадров заставляет государство искать пути совершенствования системы профобразования, способной выпускать качественных специалистов для бизнеса, иначе Россия так и останется «технологически отсталой страной». По мнению организаторов системы образования, «основой такого «промышленно-ориентированного» образования должна стать цепочка «лицей— колледж—

²³⁷ Муравьева М. Реформа образования. Вся надежда на ПТУ // strf.ru

университет», из которой школьник или студент в любой момент мог бы отправиться напрямик на завод». Причем подразумевается, что развитие профтехобразования должно идти отдельно от «перевоспитания трудных подростков и завершения полного среднего образования»²³⁸.

2.5. Основные тенденции в развитии высшей и средней профессиональной школы во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов. Становление университетского образования.

Вторая половина 1960-х — первая половина 1980-х годов — время значительных количественных и структурных изменений в системе среднего специального и высшего образования. В середине 1960-х — начале 1980-х годов в Северной Осетии существовала разветвленная сеть вузов, техникумов и училищ. Учебные заведения Северной Осетии готовили кадры специалистов для своей республики, а также для других регионов Советского Союза. В вузах, техникумах и училищах училась не только молодежь Северной Осетии, но и выходцы из соседних северокавказских и закавказских республик. Для них существовала определенная система льгот при поступлении. Многие дипломированные специалисты, уезжая по распределению в разные районы страны, оседали там. С 1960/1961 по 1983/1984 учебный год в четырех высших и тринадцати средних специальных учебных заведениях Северной Осетии количество обучавшихся выросло почти в 2 раза с 16425 тыс. до 32837 тыс. человек. Однако здесь следует отметить, что наибольший прирост численности студентов приходится на 1960-1965 годы. В 1965/1966 учебном году в высших и средних специальных учебных заведениях обучалось 29,5 тыс. человек²³⁹.

Для подготовки квалифицированных кадров специалистов требовались профессиональные преподавательские кадры, число

²³⁸ Электронный ресурс // forum.biysk.net

²³⁹ Северная Осетия за годы 10-й пятилетки. С.104; Северная Осетия за 60 лет автономии С. 108-109.

которых также постоянно росло. В 1956 году в республике насчитывалось 258 научных работников и преподавателей, среди них 23 доктора и 164 кандидата наук. В 1986 году научно-педагогическую работу в вузах вели 1342 человека, в том числе 76 профессоров, докторов наук, из них 10 женщин, и 716 доцентов и кандидатов наук, из них 254 женщины²⁴⁰.

В 1960-е — 1970-е годы высшую школу Северной Осетии представляли сельскохозяйственный, горно-металлургический, медицинский и педагогический (с 1969 года Северо-Осетинский государственный университет) институты. В течение 1960-1965 годов численность обучавшихся в них студентов почти удвоилась (с 8,4 тыс. до 15,8 тыс. человек), а через пять лет достигла максимального для исследуемого периода показателя и составила более 19,7 тыс. человек²⁴¹.

Во второй половине 1960-х — 1970-е годы определяющим фактором общественного развития страны оставалась ориентация на приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности. Это в значительной мере обуславливало высокий уровень технократизации образованного слоя. Однако этот процесс не совсем однозначно проявлялся в системе высшего образования Северной Осетии. Анализ соотношения удельного веса выпускников вузов по отдельным группам специальностей позволяет выявить основные тенденции в развитии системы высшего образования в республике в 1960-е — 1970-е годы.

В качестве иллюстрации рассмотрим данные о выпуске специалистов высшими учебными заведениями за 1960, 1970 и 1983 годы. В 1960 году учебными заведениями Северной Осетии был осуществлен выпуск по специальностям: инженерно-строительным — 332 человека (20,7% всех выпускников), сельскохозяйственным 331 (20,6%), медицинским — 181 (11,3%) и педагогическим — 760 (47,4%). Через десять лет соотношение этих показателей заметно изменилось. Выпуск по инженерно-строительным специальностям составлял 718 (26,0%), по сельскохозяйственным — 763 (27,7%), по медицинским — 362 (13,1%) и

²⁴⁰ История Северной Осетии. С. 477; Текиев В. Д. Указ. соч. С. 134.

²⁴¹ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108-109; Северная Осетия за годы десятой пятилетки. С. 104.

педагогическим — 909 человек (35,7%). В 1983 году эти показатели равнялись соответственно выделенным специальностям — 794 (25,4%), 795 (25,4%), 340 (10,3%) и 1193 (38,2%) человек²⁴².

Увеличение выпуска специалистов гуманитарного и естественного цикла в республике было связано с важными территориально-структурными изменениями в советской высшей школе. При сохранении высокоцентрализованной системы управления сферой высшего образования в стране в конце 1960-х — начале 1970-х годов произошло очередное развитие вширь сети университетов, которые создавались или на базе педагогических институтов, или открывались на новом месте. Одним из таких новообразований стал Северо-Осетинский государственный университет. Он был сформирован в 1969 г. на базе Северо-Осетинского педагогического института на основании постановления Совета Министров СССР от 2 ноября 1967 года²⁴³.

Приобретя университетский статус, Северо-Осетинский государственный университет, находившийся в ведении Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, сохранял за собой позиции образовательного учреждения, готовившего педагогические кадры гуманитарного и естественного профиля «с учетом потребностей в них общеобразовательных школ Северной Осетии и других регионов страны»²⁴⁴.

В СОГУ в первые годы существования очень высока была доля студентов заочной формы обучения. Так, на 1 января 1972 года на восьми факультетах университета на дневном и заочном отделениях (вечернее еще не было открыто) обучались 6676 студентов, из них заочников было 4143 человека. Значительное число заочников приходилось на вновь созданные факультеты. К примеру, на юридическом факультете в 1971/1972 учебном году обучались 1125 человек. Из них на дневном отделении на 1 курсе — 53, на 2 курсе — 62 человека. Остальные учились на ОЗО²⁴⁵.

На конец 1960-х — начало 1970-х годов пришелся сложней-

²⁴² Северная Осетия за 60 лет автономии. С.110; Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1964. С.183.

²⁴³ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С.145.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ ЦГА РСО — А.. Ф. 128. Оп. 6. Д. 209. С. 14. Д. 211. Л.3.

ший период организационного становления университета. Предстояло решить огромный комплекс проблем структурно-функционального, материально-технического, финансового, учебно-методического, кадрового характера.

В 1970 году материальная инфраструктура университета включала четыре корпуса общей площадью 14081 кв. метра и полезной площадью 10542 кв. метров. На одного студента приходилось 4,1 кв. метра учебных площадей при норме 10-12 кв. метров. Поэтому практически одновременно с юридическим переобразованием статуса института в университет началось возведение нового пятиэтажного учебного корпуса общей площадью 11400 кв. метров. Стройку объявили ударно-комсомольской, и каждый студент во время летних каникул обязан был отработать на строительстве корпуса в течение пяти дней. Своей очереди ожидало строительство спортивного комплекса. А пока спортивные занятия студентов факультета физического воспитания, а также других факультетов проводились в актовом зале одного из корпусов университета, в двух непригодных для спортивных занятий залах. Практиковалась также аренда спортивных помещений, принадлежавших различным спортивным обществам, и довольно дорого обходившаяся университету²⁴⁶.

1970-е годы явились временем значительных преобразований в структуре университета. Изменения затрагивали не только уже имевшиеся факультеты: естественно-географический, филологический, исторический и другие. Одновременно создавались новые учебные подразделения. Было реализовано решение Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР об открытии двух новых факультетов: юридического и экономического. Основой создания этих факультетов явились Учебно-консультационный пункт Всесоюзного юридического института и Заочный институт торговли, действовавшие в г. Орджоникидзе.

Становление новых факультетов происходило трудно. Отсутствовали помещения для лекционных и лабораторных занятий. Испытывалась острая нехватка в квалифицированных научно-педагогических кадрах. Так при открытии экономического факуль-

²⁴⁶ ЦГА РСФСР — А., Ф. 128. Оп.6. Д. 209. Л 17. Д. 85. Л. 44.

тета были сформированы две кафедры. На одной из них работали 7 человек, из них один кандидат наук. Вторая кафедра состояла из одного сотрудника²⁴⁷.

В 1971/1972 учебном году ситуация несколько улучшилась. В штате кафедры экономики и организации торговли работали 5 преподавателей (в том числе один кандидат наук), а также четыре лаборанта в пяти лабораториях кафедры. На кафедре планирования промышленности числились семь преподавателей (в том числе четыре кандидата наук, из них два доцента) и один — заведующий кабинетом. Из-за нехватки преподавателей приходилось приглашать почасовиков, не всегда обладающих должной научной и педагогической подготовкой. Факультет обслуживали большое количество университетских кафедр, что также усложняло организацию учебного процесса. Низкий профессиональный уровень преподавателей негативно влиял на содержание учебных планов. Из-за нехватки помещений и штатных преподавателей занятия проводились во вторую смену. Это, помимо всего прочего, мешало студентам пользоваться читальными залами учебными библиотеки, что крайне усложняло при нехватке учебников по многим предметам подготовку к лабораторным и практическим занятиям. Все эти причины, в результате, порождали низкую успеваемость. В отмеченном году по итогам зимней сессии экономический факультет занимал по показателям общей успеваемости шестое место среди восьми факультетов, а по показателям качественной успеваемости — последнее. Причем, физико-математический факультет, занимавший предпоследнее место, имел в два раза более высокий показатель качественной успеваемости²⁴⁸.

Не меньше проблем пришлось решать организаторам юридического факультета. Здесь на двух кафедрах работали по шесть штатных сотрудников. Кроме того, на кафедре правовых дисциплин по совместительству преподавали профессор Тбилисского университета Л.С. Джомарджидзе и председатель Верховного суда СО АССР Т. Чеджемов. На кафедру теории и истории госу-

²⁴⁷ ЦГА РСО — А.. Ф. 128. Оп.6. Д. 209. Л 17. Д.1. Л. 64.

²⁴⁸ ЦГА РСО — А.. Ф. 128. Оп. 6. Д. 212. Л. 57

дарства и права приглашен в качестве лектора министр юстиции республики Ю. И. Кониев.

Тем не менее, несмотря на предпринимаемые усилия, потребность в высокопрофессиональных кадрах преподавателей по-прежнему была огромной. Интересные свидетельства о том, как руководители университета пытались решать эту проблему, содержатся в воспоминаниях А. Х. Галазова в бытность его ректором университета. Он пишет о том, как в декабре 1976 года, лишь недавно утвержденный в должности ректора СОГУ, присутствовал на семинаре-совещании ректоров университетов, педагогических, юридических вузов, институтов культуры и искусства СССР. На совещании А. Х. Галазов встретился с ректором МГУ Р. В. Хохловым. Он выразил желание найти в МГУ для своего университета докторов наук, ученых, плохо в материально-бытовом плане устроенных в Москве, и передал заверение первого секретаря обкома КПСС Б. Е. Кабалоева, о том, что специалистам будут предоставлены жилье и другие льготы. Хохлов дал поручение подготовить список таких ученых, но заметил при этом: «Никакой ректор не только не отдаст стоящих специалистов, но даже аспиранта»²⁴⁹. Ярким подтверждением этих слов была история, случившаяся несколькими годами раньше в бытность предыдущего ректора СОГУ А. Х. Гудиева. Имея предварительную договоренность с Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР, он пригласил доктора юридических наук, профессора Свердловского юридического института Б. А. Стародубского для замещения должности заведующего кафедрой истории государства и права юридического факультета Северо-Осетинского госуниверситета. Однако руководство Свердловского юридического института решительно отказалось отпустить профессора Стародубского, занимавшего в институте аналогичную должность, заявив, что это «может привести к срыву учебного процесса и планов научных исследований». В переписку по этому вопросу включился Северо-Осетинский обком КПСС, обратившийся непосредственно к первому секретарю Свердловского обкома партии. Попытка решить вопрос в пользу Северо-Осетин-

²⁴⁹ Галазов А. Х. Пережитое. М., 2002. С 193.

ского университета закончилась неудачей²⁵⁰. Однако работа в данном направлении продолжалась.

Одним из важных направлений в работе университета стала подготовка научных кадров. Вновь организованное высшее учебное заведение должно было превратиться в образовательный центр, способный обеспечить университетский уровень подготовки специалистов в условиях научно-технической революции 1960-х — 1970-х годов. В университете была восстановлена аспирантура. По данным на 1 января 1970 года в ней обучалось 34 человека. Одновременно по целевым направлениям в различных вузах страны учились 15 человек, еще 10 человек были прикреплены к ним в качестве стажеров.

В первые годы работы СОГУ нехватка научно-педагогических кадров отчасти восполнялась за счет привлечения специалистов из других вузов. В 1969 году на конкурсной основе были приняты профессор, доктор наук В. К. Цвирко (анатомия) и 10 доцентов и кандидатов наук, в том числе Т. Чочиев (математика), Б. Медоев (химия), Ф. Долгов (география), А.Казиев (политэкономия), Г. Филатова (литература). В 1969/70 учебном году штат профессорско-преподавательского состава вуза равнялся 303 единицам, всего же работали 306 человек, из них 12 докторов наук и 107 кандидатов наук²⁵¹. В 1971/72 году на 30 кафедрах работали уже 343 преподавателя, из них 127 со степенью доктора и кандидата наук. Среди ведущих преподавателей кафедр естественных и общественных наук университета были М.М. Блиев, И.С. Виноградов, Б.М. Гадзаев, М.И. Гиоев, Н. И. Калоев, В. А. Катаев, Н.И. Люткин, А.А. Магометов, А.Х. Магометов, Б.Х. Ортабаев, Б.М. Мостиев, М.С. Тотоев, В.К. Цвирко, Н.Ф. Шотаев и др.

В целях повышения научного уровня обучения и преподавания руководство университета приглашало для чтения лекций и про-

Б. М. Мостиев

²⁵⁰ ЦГА ИПД РСО — А.. Ф.1. Оп. 26. Д. 406. Л.74.

²⁵¹ ЦГА РСО — А.. ФР.128. Оп. 6. Д.85. Л.28.

ведения консультаций специалистов из ведущих вузов страны. В начале 1970-х годов студентам СОГУ читали лекции многие известные ученые: член.-корр. АН СССР, профессор МГУ А.И. Федосов (история), доктора и кандидаты наук: профессора МГУ С. С. Ковалев (география), И. Л. Епифанов (история), Н. С. Киняпина (история), профессор ЛГУ В. А. Мануйлов (литература), профессор Московского института мировой литературы Е. М. Евнина, профессор Ростовской Высшей Школы МВД К.Г. Федоров (правоведение) и т.д.²⁵²

Продолжалась подготовка кадров через аспирантуру и докторантуру. В течение 1971 года докторскую диссертацию защитили три человека, кандидатскую — один. В аспирантуре вуза к концу года обучались 53 человека, в других вузах еще 16 человек. Трое выпускников исторического факультета СОГУ В. Дегоев, А. Исаенко и Г. Миносян в 1972 году решением ГЭК под председательством Н. С. Киняпиной получили дипломы с отличием и рекомендации в аспирантуру. В 1971 году впервые 10 студентов университета были направлены для продолжения обучения в Московский, Ленинградский и Новосибирский государственные университеты²⁵³.

В связи с переходом на университетские планы проводилась большая учебно-методическая работа. Разрабатывались спецкурсы и спецсеминары, создавались лабораторные практикумы, модернизировались в соответствии с новыми требованиями и достижениями науки прежние курсы. Модернизировались лабораторные площадки. В 1971 году созданы новые лаборатории по атомной и ядерной физике, рентгеноструктурному анализу, аналитической и неорганической химии.

В 1981 году в СОГУ насчитывалось 9 факультетов и 41 кафедра, на которых трудились 400 преподавателей и научных работников, в том числе 20 профессоров, докторов наук и 190 доцентов, кандидатов наук. В университете обучались около 7 тыс. студентов, более одной трети из них являлись вечерниками и заочниками. В распоряжении преподавателей, научных работни-

²⁵² ЦГА РСФСР — А.л. Ф.128. Оп. 6. Д. 209. Л. 6; Д. 211. Л. 25.

²⁵³ ЦГА РСФСР — А.л. Ф.128. Оп. 6. Д. 209. Л. 5, 28; Д. 211. Л. 28.

ков и студентов находились богатая фундаментальная библиотека с благоустроенными читальными залами, светлые аудитории, многочисленные лаборатории и кабинеты, уникальный зоологический музей, вычислительный центр и другие технические средства обучения. Вуз готовил специалистов по самым разным направлениям гуманитарного и естественного цикла: филологов, историков, химиков, математиков, юристов, экономистов — всего по 14 специальностям. В аспирантуре обучались 50 человек по специальности «физика», «математика», «философия», «история КПСС», «история СССР», «всеобщая история»²⁵⁴.

Преподаватели исторического факультета СОГУ. Начало 1980-х гг.

К концу исследуемого периода в вузах республики налицо был абсолютный рост численности выпускников по всем специальностям, за исключением медицинских. Здесь произошло абсолютное и долевое снижение. Наблюдалось также уменьшение удельного веса выпускников по инженерным и сельскохозяй-

²⁵⁴ Галазов А. А. Кузница педагогических и научных кадров // Мах дуг, 1981. № 5. С. 76.

ственным специальностям. Такое положение было характерно для всей образовательной системы страны. Оно являлось результатом насыщения народного хозяйства специалистами.

Аналогичные изменения происходили в системе среднего специального образования. С 1960/61 по 1965/66 учебный год численность учащихся в техникумах и училищах республики выросла с 8,0 тыс. до 13,7 тыс. человек, т.е. в 1,7 раза. Здесь, также как и в высшей школе, наибольший количественный рост пришелся на 1970 год, когда численность учащихся средних профессиональных учебных заведений достигла 16027 человек. Но в последующие годы наблюдается обратная тенденция: происходит абсолютное сокращение численности обучавшейся в техникумах и училищах молодежи. В 1983 году в них насчитывалось 13865 учащихся²⁵⁵.

Среди выпускников традиционно высока была доля специалистов, готовившихся для индустриальных и сельскохозяйственных отраслей производства. Так, в 1970 году 1726 специалистов (48,9% всех выпускников) готовились для работы в промышленности, строительстве, транспорте и связи. В сельское хозяйство было направлено 309 специалистов (8,7%). Остальные выпускники (42,4%) являлись специалистами в сфере просвещения, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания. В 1983 году для индустриальных отраслей было подготовлено 1647 специалистов (42,0%), для сельскохозяйственного производства 351 специалист (9,0%)²⁵⁶.

Несмотря на то, что доля выпускников по техническим специальностям по-прежнему была высока, однако в конце 1970-х — начале 1980-х годов наметилась тенденция повышения удельного веса кадров специалистов для работы в сфере социально-бытового обслуживания, просвещения, культурно-просветительных учреждений и т.д. К примеру, из средних специальных учебных заведений республики, готовивших кадры для работы в сфере искусства и кинематографии, в 1970 году было выпущено 90, в 1980 году — 173, в 1983 году — 156 специалистов²⁵⁷.

²⁵⁵ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 109.

²⁵⁶ Северная Осетия за 60 лет автономии. С.110.

²⁵⁷ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 110.

Отличительной чертой развития средних специальных учебных заведений во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов являлось то обстоятельство, что рост числа учащихся наблюдался только по двум формам обучения: дневной и заочной. Вместе с тем, здесь, также как и в вузах, наибольший прирост контингента учащихся пришелся на первую половину 1960-х годов. С 1960/61 по 1965/1966 учебный год количество обучавшихся на дневных отделениях увеличилось с 4,6 тыс. до 6,8 тыс. человек, на заочных — с 2,7 тыс. до 4,9 тыс. человек. За этот же период на вечерних отделениях рост составил от 0,7 до 2,0 тыс. человек. Но на протяжении 1970-х годов произошло абсолютное сокращение численности студентов вечерних отделений техникумов и училищ. В 1983/84 учебном году этой формой обучения были охвачены лишь 300 человек. На заочных отделениях также произошло сокращение численности учащихся с 5,1 тыс. в 1970/71 учебном году до 4,2 тыс. в 1983/84 учебном году, хотя удельный вес заочников по-прежнему оставался довольно высоким (30,7%). Что же касается дневных отделений, то здесь ситуация не претерпела существенных изменений. В 1970/71 учебном году на дневных отделениях обучением было охвачено 9,0 тыс. студентов. В последующие годы ситуация стабилизировалась: показатели колебались, но в небольшом диапазоне. В 1983/84 учебном году количество дневников составляло 9305 человек. За период с 1965/66 по 1983/84 учебный год удельный вес обучавшихся на дневных отделениях среди всех студентов средних специальных учебных заведений республики вырос с 49,6 до 67,1%²⁵⁸.

В отличие от средних специальных учебных заведений в системе высшего образования произошло значительное расширение вечерней и заочной форм обучения. Количество студентов на протяжении 1960-х годов росло по всем трем формам обучения, но опережающими темпами развивались в первую очередь вечерняя и заочная формы обучения. Так, если численность студентов дневных отделений вузов республики выросла с 4988 в

²⁵⁸ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108,109; Северная Осетия за годы десятой пятилетки. С. 104.

1960/61 учебном году до 10106 человек в 1970/71 учебном году (в 2 раза), то заочников — с 3126 до 8682 (в 2,8 раза) и вечерников — с 306 до 985 человек (в 3,2 раза). Удельный вес студентов заочной и вечерней формы обучения за это же время вырос с 40,8 до 48,9%.

В 1970-е годы показатели роста в вузах стабилизируются, и в последующем наблюдается некоторое снижение численности студентов высших учебных заведений республики. В 1980/81 учебном году в них насчитывалось 19168 человек, 11256 из которых учились на дневных отделениях. В процентном отношении эта цифра составлял 58,7% всех студентов вузов республики. На вечерних и заочных отделениях обучались соответственно 2201 (11,5%) и 5711 (29,8%) студентов. Таким образом, на заочников и вечерников по-прежнему приходилась значительная доля обучавшихся в вузах республики студентов — 41,3%. Однако к этому времени, как следует из приведенных выше данных, заочная форма обучения в системе высшего образования несколько уступила свои позиции вечерней форме обучения²⁵⁹.

Вечерние отделения, которые стали открываться при всех высших учебных заведениях республики с начала 1960-х годов (в СОГУ в 1974 году), представляли собой в 1970-е годы наиболее динамично развивающуюся форму обучения в системе высшей школы. Доля вечерников в общей массе студенчества с 1960/61 по 1983/84 учебные годы увеличилась незначительно — с 3,6 до 12,3%. Но абсолютная их численность выросла с 306 до 2329 студентов (в 7,6 раза). За это же время общая численность обучавшихся в вузах республики поднялась с 8420 по 18972 (в 2,2 раза)²⁶⁰.

Прирост вечерников в 1983/84 учебном году по сравнению с 1970/71 учебным годом составил 236,4%. На дневных отделениях этот показатель равнялся 105,7%, на заочных же отделениях произошло абсолютное сокращение численности студентов, что составляло 68,6% от контингента обучавшихся в 1970 году. Тем не менее, удельный вес вечерников и заочников в составе студен-

²⁵⁹ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108.

²⁶⁰ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 108-109.

тов вузов Северной Осетии по-прежнему оставался высоким — 43,7%²⁶¹.

Вечерняя и заочная формы обучения были особенно привлекательны для работающей части населения. Вечерникам и заочникам предоставлялись льготы на время учебы. В период экзаменационных сессий успевающие студенты получали оплачиваемые отпуска (на 1-2 курсах — 30 дней, на старших курсах — 40 дней в год), во время сдачи государственных экзаменов — 30 дней. В период написания и защиты дипломной работы студенты вечерних и заочных отделений имели право на четырехмесячный отпуск.

Популярность вечерних и заочных отделений институтов из года в год росла. Однако по качеству подготовки будущих специалистов они по-прежнему уступали дневным отделениям вузов. Вузы не располагали материальными и организационными возможностями наладить нормальный учебный процесс. Практиковалось преподавание лекционных курсов и практических занятий по сокращенному варианту, не хватало аудиторных и лабораторных помещений, часто в дефиците была учебно-методическая литература, порой оставлял желать лучшего уровень профессиональной подготовленности преподавателей, отсутствовала системность в овладении знаниями. Работающая молодежь была ограничена во времени при подготовке к занятиям, часто не имела возможности пользоваться библиотекой. Неудивительно, что все эти обстоятельства нередко влияли на поведенческую мотивацию определенной категории студентов-заочников и вечерников, не проявлявших заинтересованности в качестве и глубине усвоения учебного материала.

В результате, опасность снижения уровня профессиональной квалификации молодых специалистов, среди которых высока была доля выпускников вечерних и заочных отделений вузов, ежегодно во все возрастающих количествах пополнявших отрасли народного хозяйства, приобретала реальные очертания. Особенно неблагоприятное мнение формировалось в отношении заочного обучения, которое в известной мере опорочивалось низкой организацией учебного процесса и нередко формальным

²⁶¹ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 109.

подходом к оценке уровня научно-образовательной подготовки специалистов²⁶².

Тем не менее, выпускники школ или представители более взрослых возрастных категорий, не сумевшие поступить на дневные отделения вузов, не намерены были отказываться от очевидных преимуществ вечерней или заочной формы обучения. В общественном мнении прочно укоренилось представление о престижности учебы в вузе. Диплом о высшем образовании давал молодому человеку возможность повысить не только свой профессиональный, но, что представлялось еще более важным, социальный статус. Обладатель диплома о высшем образовании имел предпочтительные по сравнению с «необразованным» членом общества шансы занять официальный пост и обеспечить себе карьерный рост. Ежегодно тысячи абитуриентов оспаривали право на поступление в институты республики и других высших учебных заведений страны. Однако в конце 1960-х и особенно в 1970-е годы перспективы поступления в вузы для значительного числа выпускников средних школ оказываются все менее очевидными.

Сопоставление статистических данных о количестве выпускников средних общеобразовательных школ Северной Осетии и поступивших в вузы республики позволяет сделать вывод о том, что на рубеже 1970-х — 1980-х годов немногим более половины выпускников средних школ республики имели шанс продолжить учебу в вузе. Так, полную среднюю школу закончили в 1975 году 5857 человек, в 1980 — 6355 человек и в 1983 — 5852 человека. В эти же годы прием в вузы Северной Осетии составил соответственно 3488, 3663 и 3667 человек²⁶³. Однако следует иметь в виду, что среди первокурсников, помимо окончивших среднюю общеобразовательную школу, были также выпускники ПТУ, средних специальных учебных заведений и подготовительных отделений вузов²⁶⁴.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20

²⁶² РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 16. Ед. хр. 74. Л. 8.

²⁶³ Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 107, 109.

²⁶⁴ Часть выпускников поступала в другие вузы страны, но это число было, как правило, незначительно и особо не влияло на общие показатели.

августа 1969 года «Об организации подготовительных отделений при высших учебных заведениях» корректировало ситуацию в пользу работающей на предприятиях и в сельском хозяйстве молодежи. Отрабатывшие на производстве в течение двух лет, а также отслужившие в армии молодые люди получали преимущественное право поступления в вузы через систему подготовительных отделений, создававшуюся при высших учебных заведениях страны. Подготовительные отделения, ориентировавшиеся, прежде всего, на выходцев из среды рабочих и крестьян, рассматривались в качестве эффективного механизма регулирования социального состава учащейся молодежи.

Несмотря на позитивность такого подхода с точки зрения формирования социально ориентированной системы высшего образования, механизм осуществления образовательной политики в этой сфере оказался далеко не свободным от недостатков. В вузы приходило все больше молодых людей с низкой общеобразовательной подготовкой. Это не могло не сказываться на последующей учебе в вузе, на способности на должном уровне усваивать специальные знания. Количество специалистов с высшим образованием занятых в народном хозяйстве Северной Осетии, быстро росло. С 1970 по 1979 г. их численность увеличилась с 34 869 до 54 951 человек. В процентном отношении этот показатель вырос от 15 до 17,2% от всего населения, имевшего высшее и среднее образование (законченное и незаконченное). Но качественные характеристики подготовки специалистов улучшались очень медленно²⁶⁵.

Серьезной проблемой, негативно влиявшей на всю систему подготовки профессиональных кадров, являлась неверная профессиональная ориентация выпускников средних учебных заведений. Нередко большое число абитуриентов при выборе высшего учебного заведения, которое оно намеревалось «штурмовать» в период вступительных экзаменов, руководствовалось не своими способностями, склонностями к тому или иному делу, а соображениями престижности избираемой профессии или оценкой вероятности поступления в тот или иной вуз.

²⁶⁵ Рассчит. по: Северная Осетия за 60 лет автономии. С. 6, 8.

В конечном итоге, подобный подход к выбору специальности также отрицательно влиял на уровень профессиональной подготовленности кадров специалистов. Между тем, умение решать современные научно-технические задачи и осваивать инновационные технологии становилось жизненно важной задачей в условиях постоянно нарастающего соперничества двух мировых систем.

Объективно технократизация образованного слоя, происходившая на протяжении 1950-х — 1970-х годов, диктовалась потребностями научно-технического прогресса. Усилия государства, направленные на обеспечение потребностей растущего производства, в том числе отраслей, связанных с оборонной промышленностью, в квалифицированных специалистах технического профиля, обеспечили к концу 1970-х годов насыщение отраслей народного хозяйства этими кадрами. Но попытка решить проблему в короткие сроки привела к отставанию качественных профессиональных характеристик от количественного роста инженерно-технических кадров в экономике страны.

Обратной стороной ускоренного процесса технократизации образования явилось резкое падение в отмеченные годы уровня материальной обеспеченности инженерно-технического персонала. В 1950-е годы зарплата советского инженера почти вдвое превышала заработок среднего рабочего и была выше оклада конторского служащего, что соответствовало мировым тенденциям. В 1970-е — 1980-е годы наблюдалась устойчивая тенденция повышения размера заработной платы рабочих по сравнению с оплатой труда инженерно-технического персонала. В итоге, во многих отраслях промышленности стало нормой, что инженер получал за свой труд меньше рабочего. В первой половине 1980-х годов среднемесячная зарплата инженерно-технических работников (ИТР) была выше зарплаты рабочих в среднем на 11%, т.е. вдвое меньше оптимального расхождения. Но во многих отраслях показатели были хуже среднестатистических. К примеру, в строительстве инженерно-технические работники зарабатывали меньше рабочих. В подобной ситуации уже никого не удивляло, что дипломированный специалист мог оставить инженерную

должность ради рабочей профессии. В 1983 году число инженеров обдуманно сменивших костюм на рабочую робу увеличилось по сравнению с 1970 года в 6 раз²⁶⁶.

Низкий уровень оплаты труда отрицательным образом сказывался не только на материальном положении инженерно-технических кадров. В социальном плане самым негативным последствием реализуемой государством политики в сфере оплаты труда специалистов высокой квалификации явилось резкое падение престижности инженерной специальности. Профессия инженера, еще недавно столь востребованная и желанная, катастрофически теряла свою привлекательность в общественном мнении. Анекдоты о бедном инженере стали частью обыденной жизни советских людей. Вместе с тем, теряли социальную привлекательность учебные заведения, готовившие специалистов инженерно-технического профиля. Эта участь не миновала и Северо-Кавказский горно-металлургический институт, одно из старейших учебных заведений на Северном Кавказе.

В целом вектор развития системы среднего и высшего образования в Северной Осетии во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов был неразрывно связан с социальными, экономическими и политическими процессами в советском обществе. Сложность и противоречивость обозначенных процессов обуславливали также сочетание негативных и позитивных тенденций в различных направлениях научного знания.

²⁶⁶ Новейшая история Отечества. XX век. М., 1998. Ч. 2. С. 344.

ГЛАВА 3. НАУКА И НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

3.1. Проблемы восстановления кадрового потенциала научных учреждений в послевоенное десятилетие

В культурной политике советского государства в первые послевоенные годы особое значение придавалось науке как важнейшему фактору, обеспечивавшему восстановление и дальнейшее развитие страны. Поэтому после окончания войны советское правительство, преодолевая большие материальные трудности, осуществляет мероприятия, нацеленные на расширение и укрепление научного пространства страны. Во всех регионах Советского Союза, в том числе национальных республиках, постепенно налаживалась деятельность научных учреждений, восстанавливался и расширялся их материальный, технический и кадровый потенциал.

К окончанию Великой Отечественной войны научное пространство Северной Осетии включало сеть научно-исследовательских учреждений разноразрядного подчинения, которые условно можно подразделить на три основные структурные подразделения: промышленная, вузовская и собственно республиканская наука.

Промышленная наука включала внутренние поисковые подразделения промышленных предприятий союзного и федерального подчинения. К ним относились научные лаборатории, опытные станции, опытно-конструкторские бюро, действовавшие на заводе «Электроцинк», Вагоноремонтном заводе. Наиболее крупным по объему и результативности выполняемой научно-исследовательской работы являлся опорный пункт Центрального научно-исследовательского института крахмально-паточной промышленности при Бесланском маисовом комбинате. Вузовская наука развивалась на базе научно-исследовательских лабораторий, научно-производственных центров, опытных хозяйств высших учебных заведений республики. В значительной степени деятельность научных подразделений Северо-Кавказского

горно-металлургического, Горского сельскохозяйственного и других институтов республики носила практический, прикладной характер и нацеливалась на обеспечение потребностей промышленных и сельскохозяйственных предприятий республики. В качестве основных структурных элементов республиканской науки выделялись Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, Республиканский музей краеведения, Центральный государственный архив, Республиканская научная библиотека, республиканская селекционная станция и др. Научная деятельность всех этих учреждений осуществлялась под непосредственным контролем партийно-государственных органов и была ориентирована на решение задач социально-экономического, политического и культурно-просветительского характера.

Война нанесла огромный урон кадровому потенциалу науки в Северной Осетии. Стремясь хотя бы отчасти восполнить потери, понесенные научной интеллигенцией республики в годы войны, руководство вузов и научных учреждений при активном содействии местных партийно-советских органов изыскивает возможности для наращивания кадрового потенциала научных учреждений. Предпринимаются конкретные шаги по возвращению в Северную Осетию ученых, аспирантов, призванных во время войны в Красную Армию и продолжавших службу в различных уголках огромной страны. К примеру, на протяжении 1946 года дирекция Северо-Осетинского научно-исследовательского института вела переписку с Политуправлением Ставропольского военного округа, а затем с Северо-Кавказским военным округом с просьбой демобилизовать капитана Михаила Сосланбековича Тотоева из рядов Красной Армии «в связи с острой нуждой в национальных кадрах»²⁶⁷. В том же году Северо-Осетинский обком ВКП (б) по ходатайству Северо-Осетинского научно-исследовательского института обратился с письмом к начальнику Главного политического управления Вооруженных Сил СССР с аналогичной просьбой по поводу Аврама Георгиевича Кучиева, являвшегося преподавателем общественно-политических дисциплин в авиационном

²⁶⁷ ЦГА РСО — А., Ф. 126. Оп. 2. Д. 327. Л. 2.

полку Аэрофотослужбы Высшего командного состава, базировавшегося в Красноярске²⁶⁸.

Для закрепления имевшихся научных кадров и стимулирования научной деятельности использовалась система материальных рычагов. С 1 апреля 1946 года были повышены оклады научным работникам. Так, директору Северо-Осетинского научно-исследовательского института, имевшему ученую степень доктора наук или звание профессора, назначался оклад 4800 рублей в месяц (в ценах соответствующих лет), имевшему ученую степень кандидата наук — 4000 рублей. Доктор наук, занимавший должность старшего научного сотрудника получал 2800 рублей и кандидат наук — 2200 рублей. На 50% повышались должностные оклады и младшим научным сотрудникам, не имевшим ученой степени и звания²⁶⁹. Ученые могли рассчитывать на получение гонораров за выполнение заказных научных исследований. К примеру, за один печатный лист текста первого тома коллективной монографии «История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней» была установлена плата в 2250 рублей²⁷⁰.

Острота всеобщего дефицита первых послевоенных лет несколько смягчалась благодаря существовавшей в стране карточной системе. Распределение промышленных и продовольственных товаров среди сотрудников учебных заведений и научных учреждений происходило по принципу «литерного снабжения», зависевшего от занимаемой должности, сложности выполняемой работы и других профессиональных и социальных характеристик. Например, в 1945 году директор научно-исследовательского института снабжался по списку «в», кандидаты наук или заведующие отделами — по списку «д» и остальные научные сотрудники — по списку «е»²⁷¹. Изыскивались возможности и по улучшению жилищно-бытовых условий²⁷².

²⁶⁸ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 317. Л. 16.

²⁶⁹ Для сравнения: в 1945 году зарплата директора того же института составляла 2000 рублей, заведующего отделом без научной степени — 1300 рублей. — ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 361. Л. 13; Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 65. Л. 24, 25.

²⁷⁰ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 340. Л. 20.

²⁷¹ Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 65. Л. 47.

²⁷² ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 313. Л. 1.

Активно использовались меры морального стимулирования научной деятельности (награды, премирование промышленными товарами и др.). В июле 1946 года руководство Северо-Осетинского НИИ обратилось в Президиум Верховного Совета СО АССР с ходатайством присвоить звание заслуженного деятеля науки СО АССР «лучшему исследователю осетинского языка и фольклора» В. И. Абаеву. В том же году дирекция и партийная организация СОНИИ выдвинули кандидатуру В. И. Абаева на соискание звания члена-корреспондента АН СССР по специальности «Восточная филология»²⁷³. В августе 1946 года Указом Президиума Верховного Совета СССР один из старейших сотрудников Северо-Осетинского государственного педагогического института, известный краевед и литературовед Л. П. Семенов был награжден орденом Трудового Красного Знамени «За плодотворную педагогическую и научную деятельность, в связи с 60-тилетием со дня рождения»²⁷⁴.

Л. П. Семенов

Социальная политика, проводимая в отношении научной интеллигенции, способствовала складыванию в общественном сознании представления о престижности занятий научной деятельностью. Средствами художественной литературы, кино, публицистики создавался образ ученого, авторитетного и уважаемого члена общества.

Общеизвестно, что поколение послевоенных студентов наиболее быстро продвигалось по социальной лестнице, заняв почти сразу же после окончания институтов довольно высокие посты. Действительно, острая нехватка кадров и имевшийся у многих фронтовой опыт обеспечивали благоприятную почву для быстрого служебного роста. Их карьерному росту также способствовала действовавшая в

²⁷³ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 327.

²⁷⁴ Социалистическая Осетия. 1946. 21 августа. С. 1.

вузах и научных учреждениях система аспирантуры. Продолжение образования и занятия наукой становились одним из самых престижных видов деятельности.

Вместе с тем, наряду с позитивными процессами, в научном пространстве страны в целом и регионах, в частности, усиливается идеологическая и политическая регламентация научной деятельности. Начиная с 1946 года разворачивается кампания по восстановлению политического контроля над интеллигенцией, со временем все больше приобретающего форму усиленных идеологических проработок. Само же содержание такой «палочной» идеологии становилось все более и более зашоренным и подчас лишенным всякого смысла. Но в развитии этой формы выражалось стремление контролировать духовную жизнь общества, подчинить партийному влиянию всю творческую интеллигенцию, вплоть до далеких от идеологии представителей точных наук²⁷⁵.

Ужесточение к концу 1940-х годов идейно-политического курса в отношении научной и творческой интеллигенции нашло, в частности, выражение во введении с сентября 1948 года персонального учета научных работников. Тем самым формировалась своеобразная база данных, дававшая представление о научных пристрастиях и научных интересах исследователя, о перемещениях по карьерной лестнице. В карточке учета фиксировались автобиографические сведения, которые позволяли прямо или опосредованно судить о социальном происхождении, о национальной принадлежности, об общественно-политических взглядах человека и т.д. Обладая такой информацией, в условиях нарастающего идеологического диктата власть получала реальные рычаги для контроля умонастроений интеллигенции и корректировки поведения творческой личности в нужном ей направлении.

Показателем усиления регламентации общественной жизни, в том числе в научных и учебных учреждениях республики, явились решения V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП (б) (февраль — март 1950 года), состоявшегося после февральского (1950 года) постановления ЦК ВКП (б) «О недостатках в работе

²⁷⁵ Соколов А.К., Тяжелникова В.С. Курс советской истории. 1941-1991. М., 1999. С. 171.

Северо-Осетинского обкома ВКП (б)». Действуя в соответствии с идейно-политическими требованиями ЦК ВКП (б) к организации научно-образовательной деятельности вузов, пленум подверг резкой критике руководителей этих учебных заведений за «плохую постановку учебно-воспитательной и политической работы среди студенчества», за «допущение засоренности среди профессорско-преподавательского состава». Незадолго до этого, в 1949 году директора медицинского и горно-металлургического институтов были сняты с должностей с формулировкой «за крупные ошибки и морально-бытовое разложение». В педагогическом институте была «вскрыта антисоветская подпольная группа»²⁷⁶.

Об усилении давления на научную интеллигенцию в Северной Осетии свидетельствовали материалы заседания бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б), состоявшегося 27 мая 1950 года, и принятое по итогам обсуждения постановление «О подборе, расстановке и воспитании профессорско-преподавательских кадров вузов республики». Обсуждению вопроса предшествовал анализ социального состава, политических предпочтений, фактов привлечения к ответственности за политические взгляды профессорско-преподавательского состава вузов республики. Как отмечалось в справке, подготовленной к заседанию бюро обкома, из 460 человек профессорско-преподавательского состава четырех вузов республики 25% имели сами или их родственники «серьезные компрометирующие материалы». Свидетельством «политической неблагонадежности» могли оказаться происхождение из «зажиточной семьи», служба в белой армии, связь с «буржуазными националистами», нахождение в плену или на оккупированной фашистами территории, наличие судимости самого, родственников или знакомых по «политической (58-ой — И. Ц.) статье», «нахождение родственников за границей», национальная принадлежность и т.д.²⁷⁷

Проводя социальные чистки среди научных и педагогических кадров республики, партийно-государственные органы использовали не раз испытанный прием — «бить наиболее видных, чтобы

²⁷⁶ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 28

²⁷⁷ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 261. Л. 25.

боялись остальные». Действительно, среди тех, кому было отказано в политическом доверии, оказались многие видные представители научной интеллигенции, внесшие заметный вклад в становление высшей школы и науки в Северной Осетии. Одним из них был профессор Д. А. Тарноградский, стоявший у истоков основания Горского сельскохозяйственного института, зав. кафедрой зоологии, создатель одного из оригинальных зоологических музеев в стране, признанный ученый, известный далеко за пределами республики. Во многом благодаря его исследованиям по гидробиологии Северного Кавказа была ликвидирована малярия в данном регионе. Однако его биографические данные (происхождение из семьи крупного торговца, долгое пребывание за границей и учеба в Сорбонском университете) воспринимались не столь однозначно, как его научные достижения. В вину заместителю директора Горского сельскохозяйственного института И. С. Грабовскому поставили то обстоятельство, что он скрыл факт принадлежности в 1921-1924 годах к «Белорусской ассоциации студентов», члены которой были осуждены по обвинению в антисоветской деятельности. В политической неблагонадежности подозревался А. Б. Доев, осужденный в 1941 году по 58-й статье (в 1937 году по этой же статье был осужден его отец, офицер царской армии). Вернувшись после освобождения в Северную Осетию, он был принят в качестве преподавателя на кафедру всеобщей истории Северо-Осетинского государственного педагогического института. Одним из тех, кто к рассматриваемому времени подвергся очередной обструкции, был филолог-языковед Б. А. Алборов зав. кафедрой Северо-Осетинского педагогического института, осужденный по обвинению в буржуазном национализме вернувшийся из ссылки лишь в 1947 году. В 1949 году он был восстановлен в должности. Однако через некоторое время, как отмечено в приведенной выше справке, он «вновь допустил антисоветский выпад» и был выслан из г. Дзауджикау²⁷⁸.

В списке неблагонадежных значились и многие другие профессора и преподаватели вузов Северной Осетии: зав. кафедрой поисково-разведочного дела Северо-Кавказского горно-метал-

²⁷⁸ См.: ЦГА ИПД РСО — А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 25-30.

лургического института И. П. Шарапов («был связан по научной работе с осужденным по политической статье Крейгером»); зав. кафедрой почвоведения Горского сельскохозяйственного института Е. В. Рубилин («выходец из социально-чуждой среды»); зав. кафедрой энтомологии Горского сельскохозяйственного института Г. В. Бугданов («выходец из зажиточной семьи, восхвалял старую школу и высказывал антисоветские настроения»); заместитель директора Медицинского института Б. М. Брин («непроявленный в политическом отношении»), преподаватель педагогического института И. В. Малкиель («был в плену у немцев») и т.д.²⁷⁹

Культивирование атмосферы подозрительности, проявления «политической бдительности» в определенной степени имело следствием высокую текучесть научных и преподавательских кадров. По данным высших учебных заведений республики в течение 1948-1950 годов в институты было принято 105 человек и уволено 72 человека. Из числа уволенных на долю горно-металлургического института пришлось 23. В педагогическом институте были уволены 30 человек, причем пятеро из них в связи с арестом и осуждением на различные сроки²⁸⁰.

Активно поощряемая властью кадровая политика, базировавшаяся на принципе: «освобождение от лиц, не соответствующих своему назначению по политическим и деловым качествам», служила весьма эффективным профилактическим средством для предотвращения проявлений политической нелояльности со стороны наиболее образованных, интеллектуальных слоев общества. При этом совершенно очевидно, что предпочтение политических критериев отбора и аттестации научно-педагогических кадров в ущерб их профессиональным качествам крайне негативно сказывалось на научном, творческом потенциале вузов и действовавших на их базе научных учреждений. Сложившаяся система предпочтительного отбора по социально-классовым и политическим признакам усугубляла проблему острой нехватки научно-педагогических кадров. Решать ее предполагалось за счет привлечения в науку молодежи, в том числе из представите-

²⁷⁹ ЦГА ИПД РСО — А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 27, 28, 30.

²⁸⁰ ЦГА ИПД РСО — А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 29,30.

лей коренной национальности. Однако отбор для поступления в аспирантуру должен был осуществляться, прежде всего, с учетом политической благонадежности, социальной принадлежности претендентов и лишь затем исходя из уровня их подготовленности, природных способностей и предрасположенности к занятиям научной деятельностью. Любые отступления от этих правил считались недопустимыми и резко пресекались.

Между тем, как отмечалось в приведенной выше справке, в 1950 году из трех аспирантов горно-металлургического института на двоих имелись компрометирующие материалы. У аспирантки Л. М. Кузнецовой отец служил в 1919 году в белой армии, В. И. Емекеев в годы войны оказался на оккупированной немцами территории. Большие претензии имелись к студентам медицинского института, направленным для обучения в ординатуре. Отец Н. В. Эреба был репрессирован в 1937 году. Мать А. И. Динензона Р. Т. Озерецкая являлась зав. кафедрой этого же института, а отец находился в заключении. Отец А. Г. Бараковой, ставшей впоследствии ведущим фтизиатром Северной Осетии, был арестован в 1936 году, мать в 1938 году, брат во время войны пропал без вести, а сама находилась на оккупированной территории. Семья Б. А. Саламова была раскулачена в 1929 году и т.д.²⁸¹

Д. А. Тарноградский

Помимо политической составляющей было еще немало проблем учебно-организационного, профессионального характера, значительно осложнявших задачу подготовки профессиональных научных и педагогических кадров. Из-за недостатка квалифицированных научных руководителей, ограниченного круга диссертационных советов в вузах и научных учреждениях, материальной необеспеченности и трудностей иного порядка лишь незначительной части соискателей ученых степеней удавалось защитить диссертацию вовремя. По разным причинам некото-

²⁸¹ ЦГА ИПД РСО — А. Ф.1. Оп. 6. Д. 261. Л. 33.

рые аспиранты вообще выбывали из аспирантуры до окончания срока обучения. За пять послевоенных лет ни один из окончивших аспирантуру педагогического и горно-металлургического институтов не защитил диссертации. В справке Северо-Осетинского научно-исследовательского института о работе аспирантуры за 1949 год приведены данные о 19 человеках, завершивших курс обучения. Из них в срок диссертацию защитили лишь четверо: Х. Гутнов, А. Джанаев, С. Кулов и М. Тотоев. У шестерых: Б. Бигулаева, С. Куссаевой, Авр. Кучиева, С. Савкуева, А. Тедтоева и А. Хадарцевой научные работы были готовы к защите. Сведения об остальных выпускниках аспирантуры отсутствовали. В 1948 аспирантура Северо-Осетинского научно-исследовательского института вообще оказалась перед фактом закрытия. Министерство финансов РСФСР исключило из сметы института финансирование аспирантов. Сохранить аспирантуру удалось лишь благодаря ходатайству обкома ВКП (б) и Совета Министров СО АССР. Министерство высшего образования СССР издало приказ, датированный 11 июня 1948 года, о возобновлении аспирантуры Северо-Осетинского НИИ с ежегодным приемом в количестве трех человек, начиная с 1948 года. Одновременно оно обратилось в Министерство финансов РСФСР с просьбой восстановить выплаты трем аспирантам, принятым в предыдущие годы²⁸².

К началу 1950-х годов был превзойден довоенный показатель числа обучавшихся в аспирантурах вузов и Северо-Осетинского научно-исследовательского института республики, хотя разрыв между предвоенным и последним военным годом был огромным. Так, если в 1940 году в заочной и очной аспирантуре обучалось 60 человек, в 1945 году в ней насчитывалось лишь 9 человек. Но за шесть послевоенных лет, с 1945 по 1951 год количество аспирантов в высших учебных заведениях Северной Осетии и научно-исследовательском институте выросло до 63 человек. Из них 92% обучалось в очной аспирантуре²⁸³. В большинстве своем это

²⁸² ЦГА ИПД РСФСР — А.. Ф. 1. Оп. 6. Д. 261. Л. 32; ЦГА РСФСР — А.. Ф.126. Оп. 2. Д. 369. Л. 32; Д. 352. Л. 2.

²⁸³ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 123; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С. 81.

были аспиранты, не завершившие учебу из-за начавшейся войны и продолжившие обучение в послевоенные годы.

С 1954 года приказом заместителя министра культуры СССР С. Кафтанова в Северо-Осетинском научно-исследовательском институте было разрешено организовать аспирантуру «с контингентом приема аспирантов с отрывом от производства» по четырем специальностям: «история Северной Осетии», «осетинский язык», «экономика сельского хозяйства», «экономика деревоперерабатывающей промышленности»²⁸⁴.

Подготовка аспирантов осуществлялась и за пределами республики. К примеру, в ноябре 1944 года Президиум Академии наук СССР выделил для Северной Осетии 15 вакансий в аспирантуру (в том числе 8 в докторантуру) институтов Академии наук. Причем Совнаркому Северо-Осетинской АССР давали право самому выбирать специальности, по которым должна была осуществляться подготовка научных кадров. В дополнение к аспирантуре в научно-исследовательских учреждениях Академии наук СССР предполагалась организация научной помощи и консультаций. Воспользоваться этими возможностями удавалось редко, поскольку Академия наук не располагала общежитиями и гостиницами для командированных научных сотрудников²⁸⁵.

Тем не менее, последовательная реализация политика подготовки научных кадров давала ощутимые результаты. К середине 1950-х годов по сравнению с последним предвоенным годом численность работников, занимавшихся научной деятельностью, выросла почти в два раза. О положительной динамике в структуре специалистов высшей квалификации свидетельствовало изменение соотношения между численностью остепененных научно-педагогических кадров и количеством студентов и учащихся. Если в 1940 году на одного кандидата или доктора наук приходилось 127 студентов и учащихся, то в 1956 году — 85 человек, то есть в полтора раза меньше. За неполные десять лет, с 1947 по 1956 год численность научных работников и преподавателей со степенью в научных учреждениях, высших и

²⁸⁴ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 126.

²⁸⁵ ЦГА РСО — А.. Ф. 126. Оп. 2. Д. 308. Л. 2.

средних специальных учебных заведениях республики увеличилась со 122 до 187 человек. Наибольший прирост пришелся на научных сотрудников со степенью кандидата наук. Вместе с тем, росло и количество докторов наук. Так, если в 1947 году в вузах и научных учреждениях республики работали только 17 докторов наук, то в 1956 году в них насчитывалось уже 23 доктора наук²⁸⁶.

Приведенные выше цифры, незначительные в масштабах страны, объективно положительно влияли на научное развитие небольшой республики, немногочисленные научные кадры которой были обескровлены сначала в ходе политических репрессий 1930-х годов, а затем в Великой Отечественной войне. К тому же если учесть сложности в подготовке специалистов высшей квалификации, особые требования идейно-политического характера, которые предъявлялись к научным исследованиям, выносимым на защиту, отсутствие диссертационных советов в вузах и научных заведениях Северной Осетии, нехватку квалифицированных научных руководителей, то положительная динамика в решении данной проблемы для республики была очевидна.

Количественный рост профессиональных научных кадров расширял возможности вузов и научных учреждений республики в организации научно-исследовательской деятельности. Неизменным при этом в государственной политике в сфере науки оставалось соблюдение принципов экономической и социально-политической целесообразности, идеологической ориентированности научного творчества. Государство, выступая организатором научной деятельности и основным заказчиком научной продукции, содействовало развитию науки и научных учреждений. При этом оно аккумулировало и направляло творческую энергию научной интеллигенции в наиболее важных для него направлениях, которые обеспечивали решение социально-политических, хозяйственно-экономических, идеологических, культурно-просветительских задач, и контролировало результаты научно-исследовательской работы.

²⁸⁶ Культурное строительство. Т. 2. С. 117; Народное хозяйство СО АССР. С. 120-121.

3.2. Основные направления научной деятельности во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов

В послевоенные годы научная деятельность в вузах и научных учреждениях Северной Осетии осуществлялась в полном соответствии с общесоюзными требованиями к организации научного процесса. Практически все вопросы от планов научно-исследовательской работы до состава Ученого совета, выносились на обсуждение и утверждались на заседаниях бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Научные исследования, предназначенные для печати, проходили цензуру Главного управления по делам литературы и издательств (Главлит)²⁸⁷.

Отмеченные явления особенно ярко проявились в деятельности сообщества гуманитариев. Ведущим научным учреждением республики, осуществлявшим научные исследования в области обществоведческих и гуманитарных наук, являлся Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. С момента организационного оформления Северо-Осетинского НИИ в марте 1925 года его научно-исследовательская работа нацеливалась на решение научно-теоретических и практических задач обоснования идеи строительства коммунизма и воспитания нового, советского человека²⁸⁸. Как правило, исследования в сфере языкознания, литературоведения, фольклористики и истории Осетии проводились в контексте идейно-политических запросов времени.

В рассматриваемый период продолжалось структурно-организационное строительство Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В феврале 1945 года Совнарком СО АССР принял постановление об организации при СОНИИ отделения по изучению природы, природных сырьевых и энергетических ресурсов Северной Осетии. Отделение призвано было осуществлять исследования, направленные на изучение и использование природных ресурсов «в деле развития народного хозяйства

²⁸⁷ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 323. Л. 17; Д. 334. Л. 1. Д. 314. Л. 9.

²⁸⁸ Тотоев Ф., Бекмурзов Х. Путь в полвека (к 50-летию СОНИИ) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 1. С. 95.

республики». В том же году при литературном отделении института была создана фольклорная секция²⁸⁹.

В 1947 году структура Северо-Осетинского НИИ включала четыре отделения: историческое, литературное, лингвистическое и экономическое. Научно-исследовательская работа велась силами 16 научных сотрудников, трое из которых являлись профессорами и двое доцентами. Двое сотрудников имели степень доктора наук и четверо — кандидата наук. Ровно половина научных работников не имела ни ученой степени, ни ученого звания. Отличительной особенностью деятельности научно-исследовательского института являлась высокий удельный вес совместителей среди сотрудников. На тот момент в штате института на постоянной основе числились лишь пять человек. Остальные являлись совместителями²⁹⁰. Совместительство весьма неоднозначно расценивалось как форма участия в научно-исследовательской деятельности научных учреждений. Результативность и качество работы совместителей, как правило, оставляли желать лучшего. Однако неоднократные попытки на протяжении многих лет решить эту проблему не давали должного результата²⁹¹.

Совместительство порождалось разными факторами. В ряду наиболее серьезных причин выступали, прежде всего, причины материального и статусного порядка. Возможности научных учреждений, в данном случае Северо-Осетинского НИИ, в пополнении штатов, как правило, были крайне ограниченными. К тому же, работа в научно-исследовательском институте хуже оплачивалась и представлялась менее престижной, чем в вузе. Поэтому определенную часть научных работников, преподавателей вузов, представителей творческой интеллигенции вполне устраивал статус совместителей. Совместительство рассматривалось ими как реальная возможность получения дополнительного заработка и, соответственно, улучшения своего материального положения.

В марте 1947 года на основании постановления Северо-Осетинского обкома ВКП (б) Северо-Осетинский научно-исследовательский институт был передан из ведения Министерства просве-

²⁸⁹ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 308. Л. 13, 15.

²⁹⁰ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 335. Л. 16.

²⁹¹ Культурное строительство в Северной Осетии. 1941-1977. Т. 2. С. 125.

щения СО АССР в непосредственное подчинение Совета Министров республики. Изменение статуса научно-исследовательского учреждения укрепляло его позиции в научном пространстве республики и стимулировало развертывание научно-исследовательских работ в области кавказоведения. Успешному решению исследовательских задач содействовало расширение финансовых возможностей института. Постепенно улучшалось техническое обеспечение института. Совершенствовалась практика оплаты труда штатных научных сотрудников (повышались оклады, осуществлялась выплата гонораров авторам за наиболее ценные научные труды). Расширилась структура института (при экономическом отделении был создан сектор географии). Появилась возможность пополнить штаты научных сотрудников.

При этом проблематика научных исследований по-прежнему определялась партийными и советскими органами, курировавшими научную и культурно-просветительскую деятельность учреждения. Формулируя научно-исследовательские задачи, научные сотрудники института должны были оценивать свою деятельность с точки зрения ее социально-политической значимости. Классовый подход определял приоритетность научно-исследовательских направлений, над которыми работали ученые Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В послевоенное десятилетие выделяются важнейшие направления исследовательской деятельности института: создание истории осетинского народа с древнейших времен до современности; написание истории осетинской литературы; разработка истории культуры осетинского народа. Существенное место в научно-исследовательской деятельности СОНИИ в исследуемый период занимала лексикографическая работа, предусматривавшая, в частности, составление разнообразных словарей, в том числе русско-осетинского словаря с кратким толковым, а также осетинского толкового словаря. В обязанности сотрудников института входило также агитационно-пропагандистское обеспечение организации работы промышленных и сельскохозяйственных предприятий «путем научного обобщения опыта работы лучших предприятий и колхозов». Еще одним важным направлением деятельности Северо-Осетинского

НИИ являлась подготовка научных кадров, осуществлявшаяся аспирантурой института ²⁹².

Расширение функций научно-исследовательских учреждений и повышение требовательности к результатам исследовательской деятельности научных работников были вполне объяснимы в контексте государственной культурной политики послевоенного времени. В эти годы советское государство активно использует возможности науки, в том числе ее гуманитарных отраслей, в решении задач социалистического строительства. Общественные науки, и, прежде всего, историческая наука, призваны были обеспечить дальнейшее развитие и практическое применение идей социалистического интернационализма, патриотизма, коллективизма, «безграничной преданности идеалам социализма».

Во второй половине 1940-х — 1950-е годы в Северной Осетии работали ученые-гуманитарии, чья научная и общественная репутация кавказоведов была довольно высокой. Благодаря научным разработкам Г. А. Кокиева, Б.В. Скитского, В.И. Абаева и ряда других исследователей важнейшие проблемы социально-экономического, политического и культурного развития осетин и других народов Северного Кавказа стали объектом пристального научного интереса. Опубликованные ими еще в 1930-е — начале 1940-х годов работы по истории русско-кавказских отношений второй половины XVIII — первой половины XX века, по вопросам развития феодализма в Осетии, истории культуры и общественной мысли второй половины XIX и начала XX веков вносили заметный вклад в развитие кавказоведения и в том числе осетиноведения.

Но происходивший пересмотр идеологических установок в послевоенной общественной жизни кардинально менял оценки многих исторических событий. В общественных науках эта перемена нашла выражение в отказе от прежней концепции русского народа, представлявшегося первым среди равных, в пользу его дореволюционного видения как народа просветителя и покровителя, открывшего «инородцам» революционную перспективу. Дореволюционная история страны трактовалась теперь как не-

²⁹² ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 333. Л. 4-7.

прерывно крепнущая дружба между русским и другими народами России, а Российская империя изображалась уже не «тюрьмой народов», а центром, в котором выплавлялось единство этих народов, и складывалась революционная перспектива²⁹³.

В новых политических реалиях любые попытки подчеркнуть своеобразие исторического развития отдельного народа, стремление глубже изучить его культуру и традиции истолковывались как проявление национализма и решительно пресекались. В конце 1940-х годов, впрочем, как и в 1930-е годы, самыми опасными обвинениями для национальной интеллигенции становились обвинения в буржуазном национализме.

В такой обстановке, в июле 1947 года возобновилась прерванная войной работа над созданием первого фундаментального научного исследования по истории Северной Осетии с древнейших времен до настоящего времени. 24 июля 1947 года было принято совместное постановление Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Совета Министров Северо-Осетинской АССР о написании истории республики. Издание планировалось осуществить в двух томах. Хронологически первый том охватывал период с древнейших времен до Октября 1917 года. Второй — представлял историю советского периода. Постановлением бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) был определен состав правительственного комитета. В него вошли секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К.Д. Кулов, председатель Совета Министров Северо-Осетинской АССР А. А. Газзаев, руководитель отдела пропаганды и агитации С. Н. Битиев (они являлись ответственными политическими редакторами готовившегося издания), а также ряд других партийных и советских работников республики²⁹⁴. Авторский коллектив составили ведущие ученые республики — историки, филологи: В. И. Абаев, В. С. Гальцев, А. К. Джанаев, Б. В. Скитский, М. С. Тотоев и другие. Редколлегию готовившегося издания поручили возглавить Г. А. Кокиеву.

Следует подчеркнуть, что идеологизированный подход к осещению истории Северной Осетии, изначально predetermined

²⁹³ Верт Н. История советского государства. С. 340-341.

²⁹⁴ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 333. Л. 8-10.

Г. А. Кокиев

ный поставленными перед исследователями задачами, был чреват конфликтом между политическим заказом и научным предложением. Именно это и произошло в ходе работы над «Историей Северо-Осетинской АССР...».

В процессе реализации исследовательского проекта были подняты актуальные проблемы истории Северной Осетии: происхождение осетинского народа, формирование государственности, особенности социально-экономического развития, значение присоединения к России, сущность и характер массовых народных выступлений конца XVIII — начала XIX вв., причины переселения горцев в Турцию. Разработка этих и других вопросов вызвала споры, и не только в научной среде. Реакция республиканских партийных руководителей на способ и характер освещения ряда научных проблем, некоторые оценочные суждения и выводы, к которым пришли гуманитарии в ходе научно-исследовательской деятельности, оказалась негативной. Причина состояла в том, что они вошли в явное противоречие с концептуальными положениями, утверждавшимися в тот момент в официальной исторической науке.

В рамках нового видения исторического прошлого менялась трактовка многих исторических событий и явлений. Совершенно противоположную позицию ранее принятой заняло партийное руководство в оценке характера массовых выступлений в Осетии в конце XVIII — первой трети XIX века. Как известно, в исторической науке в 1930-е — начале 1940-х годов национальные движения рассматривались как прогрессивные и освободительные, а их руководители, подобно Беслану Шанаеву и Хазби Аликову, возглавлявшие национальные движения в Тагаурии в первой трети XIX века, причислялись к народным героям, которых прославляли в песнях и сказаниях. Восстание 1830 года в Тагаурии в осетинской историографии, в частности в работах В. С. Гальцева, в отмеченный период рассматривалось как выс-

шая точка национально-освободительной борьбы против царского самодержавия²⁹⁵.

Однако с середины 1940-х годов оценка национальных движений начала кардинально меняться. «На смену возникших на волне преклонения перед всякой революционностью и протестными настроениями взглядов на национальные движения как однозначно прогрессивные в силу их антицаристской направленности, характерных для «школы» М. Н. Покровского, пришло восприятие их в контексте общероссийской государственности, что существенно поменяло акценты»²⁹⁶. Теперь трактовка этих движений в качестве прогрессивных и антиколониальных признавалась ошибочной и политически вредной. В конце 1940-х — начале 1950-х годов они представлялись уже реакционно-националистическими выступлениями против России. В результате, массовые выступления конца XVIII — первой трети XIX веков в Осетии также стали характеризоваться как реакционно-националистические, антирусские выступления части осетинских феодалов, руководимые ирано-турецкими правителями и ставившие своей целью отторжение Осетии от России.

Вопрос о характере национальных движений был тем более важен, что он непосредственно связывался с проблемой присоединения Осетии к России. В советской историографии вплоть до конца 1940-х годов преобладала теория о вооруженном завоевании Северного Кавказа и в том числе Осетии²⁹⁷. Однако в начале 1950-х годов подобное утверждение расценивалось уже как «грубая политическая ошибка». Возвращалось распространенное в дореволюционной историографии представление о мирном присоединении Осетии к России. Термин «завоевание» исключался из исторических исследований и заменялся другим — «добровольное присоединение». В продолжение этой темы — абсолютно недопустимым признавалось «игнорирование» выдающегося

²⁹⁵ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 780. Л. 24.

²⁹⁶ Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 64.

²⁹⁷ См.: Скитский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии. Дзауджикау, 1949. Ч. 1.

прогрессивного значения факта присоединения Осетии к России в исторических судьбах осетинского народа²⁹⁸.

Переосмысливалось и преобладавшее в предыдущие годы в исторической науке представление о переселении части горцев в Турцию как результата насильственных действий русских властей. Теперь это событие в истории народов Кавказа трактовалось с совершенно иных позиций. Переселение расценивалось как «антинародная деятельность кучки осетинских феодалов и турецких агентов во главе с турецким шпионом и провокатором генералом Кундуховым»²⁹⁹.

Изменение идеологических ориентиров политического режима не могло не сказаться и на отношении к Шамилю, возглавившему движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-х — 50-х годах XIX века. До середины 1940-х годов в трудах советских ученых М. Н. Покровского, С.К. Бушуева, Р. М. Магомедова и других, национальное движение рассматривалось как антифеодальное, антиколониальное, направленное против экспансионистских притязаний царской России³⁰⁰. В годы войны подобная трактовка официально поддерживалась с целью заручиться поддержкой народов Северного Кавказа в борьбе с фашистской Германией.

Но уже в 1944 году, на фоне депортации некоторых народов Кавказа, на состоявшемся в ЦК ВКП (б) совещании по проблемам истории СССР был поставлен вопрос об ошибочности признания Шамиля народным героем, возглавившим национально-освободительное движение горцев³⁰¹. В развернувшейся дискуссии приняли участие и партийные руководители страны. В 1950 году в тринадцатом номере журнала «Большевик» была опубликована статья первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана М. Д. Ба-

²⁹⁸ Цориева И. Т. К истории изучения осетинской культуры в конце 40-50-х годов XX века // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной конференции. Владикавказ, 13-14 октября 2005 года. Владикавказ, 2006. С. 444-445.

²⁹⁹ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 24, 28.

³⁰⁰ См.: Магомедов М. Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. С. 16.

³⁰¹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году (Вступительная статья Ю. М. Амиантова) // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 64.

гирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля». В этой публикации содержалось два главных утверждения: возглавляемое Шамилем движение — реакционно по своей сути, а сам Шамиль — ставленник Турции и агент английских колонизаторов, представлявший интересы военно-феодальной верхушки горцев. Данная точка зрения получила официальное подтверждение в специальном постановлении Президиума Академии Наук СССР «Об антимарксистской оценке движения мюридизма и Шамиля в трудах научных сотрудников АН СССР» от 22 сентября 1950 года³⁰².

Переписывание истории народов Северного Кавказа в угоду политическим требованиям тяжело отражалось на состоянии науки и судьбах интеллигенции. Начались проработки и гонения на ученых, имевших расхождения в общественно-политических взглядах с официально поддерживавшейся позицией. Однако, несмотря на идеологическое давление и использование административно-правовых методов, некоторые из них в силу воспитания, особенностей психологического склада, моральных качеств, видения себя в научном сообществе, не всегда были готовы отказаться от своих научных взглядов и покаяться в «заблуждениях». «Дела» инакомыслящих с подачи партийных органов выносились на заседания Ученых советов, на партийные собрания вузов и научных учреждений. Против них публиковали критические статьи на страницах газет и журналов. Их подвергали общественному осуждению, лишали возможности работать, арестовывали, ссылали³⁰³.

Примером «трагического стечения обстоятельств» явилась судьба Георгия Александровича Кокиева — ученого, заложившего научные основы изучения русско-кавказских и русско-осетинских отношений, исследовавшего социально-экономические и культурные проблемы истории народов Северного Кавказа. Во многом, в силу определенных личностных качеств он не при-

³⁰² Магомедов М. Б. Кавказская война 20-50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2004. С. 16.

³⁰³ Цориева И. Т. Культурная политика и гуманитарные науки в Северной Осетии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Владикавказ, 2006. С. 127.

слушивался к «предупредительным звонкам», звучащим время от времени со стороны власти. Г. А. Кокиев выступал сторонником «школы Покровского» в интерпретации характера национальных движений на Северном Кавказе. Он не изменил свои научные взгляды и тогда, когда кардинально изменилась оценка истории взаимоотношений России и народов Северного Кавказа в XIX веке. Ученый отвергал представление о мирном пути присоединения Северного Кавказа к России. Он утверждал, что эта точка зрения «возникла вопреки исторической правде в конъюнктурных условиях сегодняшнего дня». Доказывая неправомочность подобной точки зрения, Г. А. Кокиев ссылаясь на карательные походы Ф. Ф. Симоновича, К. Ф. Кнорринга, А. П. Ермолова, И. Н. Абхазова, П. Д. Цицианова, на сожженные села, сотни и тысячи убитых в Северной и Южной Осетии³⁰⁴.

Г. А. Кокиев категорически не соглашался и с негативной оценкой деятельности партии «Кермен», многие члены которой были репрессированы в 1930-е годы, а сама партия причислена к мелкобуржуазным и националистическим организациям. Неуступчивость в научной позиции, отказ следовать политическим и идеологическим соображениям времени и нежелание каяться в «политических ошибках», привели к тому, что ученый был обвинен в фальсификации истории народов Северного Кавказа, в «протаскивании (следуя партийной лексике — И. Ц.) мелкобуржуазной националистической идеологии»³⁰⁵.

Формальным предлогом к началу преследования Г. Кокиева послужила небольшая научно-популярная брошюра о жизни и творчестве одного из первых осетинских этнографов С. А. Туккаева. 2 апреля 1949 года в республиканской газете «Социалистическая Осетия» под псевдонимом «К. Егоров» была опубликована статья с говорящим названием «Порочная книга». Автором ее выступил лингвист К. Гагкаев. Статья содержала резкую критику брошюры Г. Кокиева³⁰⁶. По мнению автора публикации, книга

³⁰⁴ Гаппоев Т. Т., Тотоев Ф. В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО — Алания. Владикавказ, 2000. Т. 1. С. 47.

³⁰⁵ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 234. Л. 67.

³⁰⁶ Социалистическая Осетия. 1949. 2 апреля.

«извращала историю народов Кавказа и популяризировала про- немецких буржуазных этнографов»³⁰⁷. Помимо надуманных «политических ошибок», этнографу С. Туккаеву вменялась в вину дружба с В. Миллером. А проблема состояла в том, что подобно многим другим представителям интеллигенции Всеволод Миллер — выдающийся ученый, основоположник осетинского исторического и теоретического языкознания, был причислен в те годы к «реакционным буржуазным ученым». Как известно, принятая им индоевропейская теория языка расценивалась в языкознании 1930-х — 1940-х годов как «реакционно-идеалистическая теория», в противопоставление господствовавшему в тот период в официальной науке «прогрессивному материалистическому» учению Н. Я. Марра о языке.

Вслед за публикацией статьи, 14 апреля 1949 года с подачи республиканского руководства было проведено заседание Ученого совета Северо-Осетинского НИИ, посвященное обсуждению статьи К. Егорова. На заседании присутствовали представители обкома ВКП (б) Х. Гутнов и С. Битиев. Последний являлся одновременно редактором брошюры «Этнограф осетинского народа С. А. Туккаев». Участники заседания на этот раз не согласились с критикой в адрес Г. Кокиева. Напротив, они выступили в поддержку ученого и его работы. Однако круг смыкался. Об аресте Г. А. Кокиева, по иронии судьбы произошедшем в Москве в день заседания Ученого совета, вскоре стало известно.

В августе 1949 года бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) приняло постановление «О политической ошибке, допущенной Ученым советом СОНИИ на заседании 14 апреля 1949 года...». Постановление осудило «неправильное — непартийное обсуждение Ученым советом Северо-Осетинского научно-исследовательского института» статьи К. Егорова. «За неправильное поведение, за притупление большевистской бдительности, за допущение грубой политической ошибки» виновным, в том числе С. Битиеву и Х. Гутнову, было «указано». Обвиняемых в «восхвалении книжки Кокиева» предлагалось обсудить на партийных собраниях и привлечь к партийной ответственности.

³⁰⁷ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л.28.

В сентябре 1949 года состоялось расширенное заседание Ученого совета Северо-Осетинского НИИ с участием партийного руководства республики. Участников заседания официально информировали об аресте органами Государственной Безопасности Г. А. Кокиева как якобы «белогвардейца, стоявшего на враждебных народе позициях», «фальсификатора исторических событий на Северном Кавказе, в частности в Северной Осетии», «буржуазного националиста и врага народа». Резкой критике «за притупление большевистской критики и восхваление книжки Кокиева» подверглись Б. Скитский, М. Тотоев и некоторые другие участники апрельского заседания Ученого совета СОНИИ. И ученые приуждены были каяться в своих «ошибках и заблуждениях»³⁰⁸.

Одновременно научная деятельность Г. А. Кокиева подверглась жесткой критике на заседании бюро Кабардинского обкома ВКП (б), состоявшемся 1 ноября 1949 года. В решении бюро Кабардинского обкома подчеркивалось, что в трудах Г. А. Кокиева в освещении вопросов истории кабардинского народа «допущены грубейшие исторические и политические извращения, которые не нашли должного и своевременного осуждения ни со стороны научной общественности республики, ни со стороны участников 3-ей сессии Кабардинского научно-исследовательского института, проходившей в августе 1948 года, на которой Кокиев выступил со своими антимарксистскими установками, фальсифицировавшими историю кабардинского народа». Утверждение Г. А. Кокиева о том, что к моменту Октября 1917 года в Кабарде имелись частнокапиталистические отношения, что «задолго до ее колонизации царизмом сложился и существовал феодализм», признавалось абсолютно ошибочным. «Кабарда по уровню своего развития до Октября ... не ушла дальше первобытных форм патриархально-полуфеодального быта» — утверждали идеологические оппоненты ученого. По их мнению, трактовка Г. А. Кокиевым истории Кабарды принижала «значение Великой Октябрьской социалистической революции и помощи великого русского народа, которые обеспечили кабардинскому народу возможность за исторически короткий срок миновать капитализм, создать свою

³⁰⁸ ЦГА РСФСР — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 371. Л. 40, 61.

государственность, развить культуру и построить социалистическое общество»³⁰⁹.

22 февраля 1950 года, постановлением Особого совещания при МГБ СССР Г. А. Кокиев был приговорен к восьми годам лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовом лагере» за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия». В партийных же документах он был осужден «как фальсификатор исторических событий на Северном Кавказе, буржуазный националист и враг народа». Г. А. Кокиев не дожил до своего освобождения. Он умер в тюрьме от сердечного приступа 23 июля 1954 года³¹⁰. Как писал о нем впоследствии М. С. Тотоев: «Профессор Кокиев был гуманным человеком в самом лучшем значении этого слова ..., но вместе с тем и нетерпим к тем, кто проявлял беспринципность, пошлость, нечестность в научной работе ... своей принципиальностью и прямоотой он был страшен для карьеристов, лицемеров и конъюнктурщиков, и это сыграло не последнюю роль в его трагической судьбе»³¹¹.

Курс на идеологическую профилактику среди научной интеллигенции являлся ярким свидетельством подчинения науки партийной политике, политической конъюнктуре. Он объективно ограничивал возможности исследовательской деятельности при анализе и оценке важнейших событий и процессов в истории и культуре народов СССР. В таких сложных условиях в конце 1940-х — начале 1950-х годов писались истории национальных республик Северного Кавказа, в том числе Северо-Осетинской АССР.

В развитии исторической науки Северной Осетии крайне негативную роль сыграло постановление ЦК ВКП (б) «О руководстве Северо-Осетинского обкома ВКП (б) идеологической работой в республике», принятое 4 марта 1952 года. В ответ на постановление ЦК ВКП (б) в апреле того же года был созван V пленум Северо-Осетинского обкома ВКП (б). Опираясь на положения партийного документа, он подверг жесткой критике творческую

³⁰⁹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Ед. хр. 342. Л. 27.

³¹⁰ См.: Цориева И. Т. Идеология и гуманитарные науки в Северной Осетии (середина 1940-х — середина 1950-х гг.) // Вестник ВНИЦ. 2006. №. 4. Т. 6. С. 3.

³¹¹ НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 284. Л. 2.

и научную интеллигенцию республики, в том числе и авторский коллектив, работавший над «Историей Северо-Осетинской АССР...». В выступлениях участников пленума прозвучали резкие обличительные высказывания против ученых-гуманитариев. Подчеркивалось, что в ходе подготовки обобщающего труда «допущены грубые политические ошибки и извращения буржуазно-националистического характера». В постановляющих документах пленума обкома окончательно прояснилась официальная позиция руководства республики по всем дискуссионным вопросам, возникшим в ходе подготовки рукописи монографии³¹².

Исходя из партийной позиции и итогов дискуссии, многие разделы и главы монографии были коренным образом переработаны. К примеру, авторский коллектив отказался от теории о двуприродности происхождения осетинского народа, от оценки нартского эпоса в качестве исторического источника и от представления о существовании Аланской державы. Также произошла переоценка творческого наследия многих представителей осетинской интеллигенции в сторону показа их «реакционных взглядов» по вопросам общественного развития Осетии.

Неразработанность многих аспектов истории и культуры Осетии, закрытость или ограниченность многих тем для изучения, неполнота источниковой базы, обязательность следования изменившейся трактовке некоторых исторических событий и фактов по итогам дискуссий начала 1950-х годов в области гуманитарных и общественных наук, нехватка квалифицированных кадров определили долгую и подчас драматичную историю подготовки научного издания.

Макет первого тома «Истории Северо-Осетинской АССР» создавался под непосредственным контролем партийных органов. На протяжении первой половины 1950-х годов велась постоянная переписка первого секретаря Северо-Осетинского обкома партии с секретарями и отделами ЦК КПСС, курировавшими вопросы идеологии, науки и культуры. Консультировались по самым разным проблемам: научным, политическим, организационным. Наконец, в 1954 году рукопись со всеми изменениями и

³¹² ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 24.

доработками была готова. 22 февраля 1955 года на имя секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова был направлен экземпляр макета. В сопроводительном письме секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС В. М. Агкацев просил обязать Институт истории Академии наук СССР оказать «необходимую помощь путем рецензирования и редактирования для подготовки макета к изданию»³¹³. В научные учреждения страны были разосланы более 180 экземпляров. В Северо-Осетинский научно-исследовательский институт поступило 25 отзывов на макет «Истории ...».

В мае 1955 года состоялась сессия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. В ее работе приняли участие известные ученые-кавказоведы З.В. Анчабадзе, З.Н. Ванеев, В. П. Крикунов, Е. И. Крупнов, К.В. Сивков, Б.В. Скитский, А.В. Фадеев и другие, представлявшие ведущие научные учреждения страны. Сессия подвела итоги работы над книгой и в целом положительно оценила результаты деятельности осетинских ученых. В качестве позитивных моментов выделялись: вовлечение в научный оборот большого круга новых архивных материалов и других ранее неизвестных источников, более полное и научно обоснованное освещение многих важных вопросов истории Северной Осетии. Подчеркивалось также «правильное с идейно-методологических позиций» написание «Истории ...»³¹⁴.

Вместе с тем, авторскому коллективу был высказан ряд принципиальных замечаний. Участники сессии отвергли трактовку вопроса о времени становления феодального общества у алан. В частности Е. И. Крупнов и В. Н. Алексеев, настаивали на том, что «становление феодального общества у алан следует датировать не V-VIII веками, как это делают авторы макета, а IX-X веками»³¹⁵. Неправомерным и преувеличенным признавалось представление о степени социально-экономического развития феодального общества в Осетии. «Затушевывая тот факт, — отмечалось в докладной записке Отделения исторических наук АН СССР об итогах сессии Северо-Осетинского НИИ, направленной в Отдел

³¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 54.

³¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 55.

³¹⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 63.

науки и культуры ЦК КПСС, — что у народов Северного Кавказа, в том числе и у осетин, феодальные отношения вплоть до XIX века переплетались с дофеодальными (патриархально-общинным укладом и рабством), авторы макета изображают дело так, что будто бы еще в XVIII веке феодализм в некоторых районах Осетии достиг такого уровня, что внутри его созрели силы, способные ликвидировать феодальную формацию»³¹⁶.

Антимарксистским и научно несостоятельным был назван тезис Б.В. Скитского о том, что под влиянием происходивших крестьянских волнений феодализм в части горной Осетии «выветрился» еще во второй половине XVIII века. Многие ученые, выступавшие по этой теме (З.В. Анчабадзе, Е.И. Дружинина, Е.Н. Кушева, В.П. Крикунов, А.В. Фадеев), подчеркивали, что в горной Осетии в XVIII веке еще не созрели буржуазные отношения и отсутствовали объективные предпосылки для низвержения феодализма.

Оживленные прения вызвал вопрос о присоединении Осетии к России. На данном этапе уже никто, ни авторы макета, ни приглашенные участники научной сессии, не высказывал сомнения в характере присоединения. Все были едины в признании добровольности этого политического акта со стороны осетинского народа. Спор шел лишь о датировке времени присоединения. Выступавшие по данному вопросу склонялись к мнению о том, что «фактическое присоединение Осетии к России началось еще в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов, а Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года, по которому к России отошла Кабарда, являлся формальной санкцией для начавшегося процесса»³¹⁷.

Однако на тот момент, единой точки зрения о хронологии событий, знаменовавших присоединение, не сложилось. Вскоре после состоявшейся научной сессии, в июне 1955 года, вопрос об определении точной даты присоединения к России обсуждался на совещании с участием осетинских историков при секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР. Но вопрос остался открытым.

³¹⁶ Там же.

³¹⁷ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л 64.

Среди слабых сторон макета значилось недостаточное раскрытие поступательного развития производительных сил и экономической жизни Осетии в результате присоединения к России в XIX веке, что не позволяло судить в должной мере о прогрессивном значении этого события в истории народа. Имелись претензии к характеру освещения экономических, политических и культурных связей и взаимоотношений осетин с другими народами Кавказа. Нарекания вызывало и то, как анализировался процесс отмены крепостного права, как изображалась ведущая роль большевиков в революционном движении в Осетии т.д.³¹⁸ Рукопись рекомендовалась к изданию только после доработки текста с учетом высказанных замечаний и «тщательного политического и литературного редактирования»³¹⁹.

В макете «Истории Осетии» не нашла отражения история южных осетин. С предложением исправить этот недостаток и включить в книгу разделы, посвященные истории Юго-Осетинской автономной области выступил Е. И. Крупнов. Он полагал, что в сводной «Истории Осетии» должен быть отражен исторический путь всего осетинского народа, независимо от места его обитания. Однако озвученное мнение содержало политическую подоплеку, и не было поддержано участниками научной сессии. По заявлению секретаря ЦК КП Грузии Мчедlishvili, история южных осетин не могла быть включена в «Историю Осетии», так как она входила в качестве составного элемента в «Историю Грузии», двухтомное издание которой готовилось к выходу в этот период³²⁰.

15 июня того же года состоялось заседание бюро Северо-Осетинского обкома КПСС, которое подвело итоги работы сессии по истории Северной Осетии дооктябрьского периода. Отметив недостатки в подготовленном макете, оно подчеркнуло, что «задача написания подлинно научной марксистской истории Осетии далеко еще не завершена». Бюро обкома постановило: предложить руководству Северо-Осетинского НИИ обеспечить тщательное изучение материалов научной сессии и учесть кри-

³¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 56, 57, 64.

³¹⁹ Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

³²⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 60, 66.

тические замечания и предложения в дальнейшей научной работе коллектива авторов «Истории Осетии». Оно также обязывало осетинских историков руководствоваться «известными указаниями ЦК КПСС об идеологической работе в Северо-Осетинской парторганизации»³²¹. (Имелось в виду постановление ЦК ВКП (б) от 4 марта 1952 года «О руководстве Северо-Осетинского обкома ВКП (б) идеологической работой в республике». — И. Ц.). Наконец, после многочисленных исправлений, к концу года рукопись была готова к печати. Однако понадобилось еще несколько лет прежде, чем «История Осетии» увидела свет.

В рассматриваемые годы одним из наиболее активно разрабатываемых направлений осетинской фольклористики стало нартоведение. В культурной политике государства изучению эпоса и использованию ее в пропагандистских целях в условиях надвигавшейся войны придавалось особенное значение. Еще в предвоенном году был создан Государственный нартовский комитет под председательством первого секретаря обкома ВКП (б) К. Кулова. В январе — марте 1941 года Северо-Осетинский НИИ организовал экспедиции в горные и равнинные села Осетии с целью записи нартских сказаний. В ходе экспедиционных поездок, а также отбора текстов из публиковавшихся прежде источников и из рукописного фонда института, к концу 1941 года было собрано более 150 авторских листов текстов нартских сказаний. Впервые осетинские сказания о нартах были опубликованы на родном языке в г. Сталинире (Цхинвале) в 1942 году. Иллюстрации к изданию были созданы М. Тугановым. Русскоязычное население страны могло познакомиться с осетинскими нартскими сказаниями позднее, в 1944 году, когда они были изданы в Москве в переводе В. Дынник. В годы Великой Отечественной войны нартский эпос активно использовался в идейно-патриотическом воспитании населения. На примере нартских героев в обществе воспитывались стойкость, мужество, самоотверженность, свободолюбие. Завет нартов «лучше смерть, чем позор» призван был вдохновлять людей на героические подвиги, бесстрашие и непримиримость в борьбе с врагом.

³²¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 57, 58.

В 1946 году вышли в свет «Сказания о нартах» («Нарты кадджыта») на осетинском языке. Над составлением фундаментального свода в прозе и подготовкой его к изданию работали лингвисты, фольклористы, писатели: В. Абаев, Н. Багаев, И. Джанаев, Т. Епхийев, Б. Боциев. Книга вышла в иллюстрациях и художественном оформлении А. Хохова. Еще не раз в последующие годы (1947, 1948, 1949 годы) нартские сказания издавались в прозе и стихах на русском, осетинском, грузинском языках. Одной из наиболее значительных публикаций текстов нартских сказаний в этот период стала книга «Нарты. Эпос осетинского народа». В подготовке издания, опубликованного в Москве в 1957 году, участвовали языковеды и литераторы В. Абаев, Н. Джусойти, Р. Ивнев, Б. Калоев.

Научное изучение нартского эпоса началось еще в последней трети XIX века. В 1940-е годы работа в этом направлении продолжалась наряду с собиранием, систематизацией и публикацией текстов нартского эпоса. Одно из первых обстоятельных исследований нартского эпоса — «Нарты кадджыта» принадлежало перу талантливого осетинского поэта Нигера (И. Джанаева). Оно было опубликовано в 1941 году. Однако научных публикаций по нартскому эпосу обобщающего характера в этот период еще не существовало. Анализировались лишь отдельные аспекты проблемы.

Значительным событием в осетинской фольклористике явился выход в свет в 1945 году монографии Василия Ивановича Абаева «Нартковский эпос». Работа, скромно названная ученым введением в изучение нартского эпоса, ставила важнейшие проблемы эпоса и представляла к рассмотрению оригинальную научную концепцию³²². Дальнейшее развитие эта концепция получила в другой работе В. Абаева «Осетинский язык и фольклор», опубликованной через четыре года.

Автор рассмотрел вопросы о национальной и социальной принадлежности эпоса, о времени его создания, о взаимосвязи, взаимоотношении сказаний (проблема циклизации), о смысле образов и отношении их к реальному миру, происхождении имен

³²² Хамицаева Т. А. Советская осетинская фольклористика (1919-1972) // Вопросы осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1981. Т. 37. С. 181.

героев эпоса и самого термина «нарт». Эти, а также ряд других исследований вызвали живой интерес научного мира и вывели в проблемное поле вопрос о происхождении осетинского народа и осетинского языка.

Поводом к началу дискуссии послужила рецензия В.К. Гарданова на книгу «Нартовский эпос». Обсуждение развернулось вокруг двух основных вопросов: о происхождении осетинского народа и о национальной принадлежности ядра нартовского эпоса. Подобно В. И. Абаеву, большинство исследователей сходились во мнении о том, что осетины являются прямыми потомками алан, но они также признавали роль (далеко не решающую) местного элемента в формировании народа. Как отмечал Б.В. Скитский: «...осетины народ двуприродного происхождения, образовавшийся от смешения местного кавказского «яфетического» элемента с пришлым на Северный Кавказ иранским элементом, известным под именем скифы и сарматы в первом тысячелетии до нашей эры и аланами в первом веке нашей эры»³²³.

Другая группа исследователей не признавала тождества алан с осетинами. В данном вопросе В.К. Гарданов был солидарен с Г. А. Кокиевым, полагавшим, что предками осетин являются ассы, но не аланы. По мнению В.К. Гарданова, термин «аланы» употреблялся в средние века в собирательном смысле, как «географический и политический термин, под которым скрывались многие народы Северного Кавказа, с одинаковым правом могущие претендовать на наследование этого имени и всех тех политических и культурных достижений, которые были связаны с этим именем»³²⁴.

Их оппоненты соглашались с тем, что термин «аланы» мог употребляться в собирательном смысле. Но признание этого факта ни в коей мере не означало для них, что не существовало алан как народности с определенным языком, бытом, нравами, физическими признаками. И в данном случае аргументация В. И. Абаева и других, строившаяся на исторических источниках, данных археологии и лингвистики, представлялась более убедительной.

³²³ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. л. 15, 17.

³²⁴ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 15, 40.

Так обстояло дело и по второму спорному вопросу — о национальной принадлежности эпоса. В поиске ответа на этот вопрос В. Абаев шел путем лингвистическим, через анализ собственных имен нартского эпоса. В результате кропотливого научного поиска ученый пришел к выводу, что значительная часть имен героев нартского эпоса объясняется из иранских языков. А поскольку из всех северокавказских языков только осетинский имеет в себе иранский элемент, то, следовательно, творцами «ядра» эпоса являются древние предки осетин. Но, признавая первотворцами эпоса предков осетин, В. Абаев, вместе с тем, отвергал приписываемую ему оппонентами теорию «внекавказского» происхождения нартского эпоса. Он называл Северный Кавказ и Южную Россию родиной нартского эпоса. Но при этом, подчеркивал, что «мы имеем дело со степным, а не горским эпосом»³²⁵. К этому выводу, «вопреки собственным ожиданиям», по словам ученого, он пришел, изучив несколько сотен сказаний, в которых ему ни разу не встретилось упоминание таких неизбежных элементов горных ландшафтов, как «ущелье» и «перевал». По мнению В. Абаева, кавказский субстрат как элемент внешнего влияния в нартском эпосе проявился минимально. Гораздо более значительным ему представлялось монгольское влияние.

В. И. Абаев

Многие исследователи склонялись к алано-осетинской теории происхождения нартского эпоса. Но наиболее спорной, по-прежнему, оставалась тема участия народов Северного Кавказа в создании эпоса. Являясь приверженцем алано-осетинской теории, Б. Скитский, вместе с тем, видел необходимость в том, чтобы определить вклад автохтонных кавказских народов в развитие эпоса. Народы Северного Кавказа были хорошо знакомы

325. ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 53.

«с аланскими сказаниями, складывали свои варианты, соответственно чертам своего строя и своей народности, вносили свой вклад в эту сокровищницу и в смысле отдельных наименований своих героев, и отдельных сюжетов. В этом смысле эпос, этот, алано-осетинский в своей основе, стал интернациональным эпосом северокавказских народов»³²⁶. В. И. Абаев также полагал, что эпос, сложившийся из аланского эпического цикла, приобрел интернациональный характер позднее, в результате межплеменных связей и влияний. Таковы были основные позиции по актуальным проблемам древней истории Осетии, требовавшие дальнейшего углубленного исследования.

В послевоенные годы изучение литературного наследия и творчества современных писателей вызвало необходимость разработки литературоведческих вопросов, создания учебников по истории литературы для вузов и школ. В мае 1948 года профессором Б. А. Алборовым были представлены к обсуждению на заседании Ученого совета Северо-Осетинского НИИ два проекта программ по осетинской литературе: программа-максимум и программа-минимум³²⁷. Однако эти проекты остались нереализованными и, прежде всего, по идейно-политическим соображениям. В программах предусматривалось изучение творческого наследия писателей дореволюционного периода Т. Мамсурова, И. Канукова, А. Токаева, которые в те годы были однозначно причислены к «буржуазным националистам». Вскоре профессор Алборов вынужден был уехать в Среднюю Азию. Поводом к отъезду послужило следующее событие. На одном из занятий со студентами филологического факультета из аудитории прозвучало восторженное высказывание в адрес статьи И. Сталина по вопросам языкознания. В ответ на это Б. А. Алборов неосторожно заметил, что не считает Сталина лучшим языковедом.

Северная Осетия не стала счастливым исключением. И здесь, доносительство — знак времени, имело такое же распространение, как и в других регионах страны. Доносительство культивировалось в трудовых коллективах, учебных заведениях, научных

³²⁶ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 23.

³²⁷ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 335. Л. 6.

учреждениях и творческих организациях. Некоторые научные и творческие деятели не брезговали использовать доноительство в карьерных соображениях³²⁸. Не была свободна от этого атрибута политической системы и студенческая среда. Информация об инциденте быстро дошла до «нужного адресата». В условиях разворачивавшейся дискуссии в языкознании, подобная опрометчивость в суждениях со стороны ученого, к тому же совсем недавно вернувшегося из восьмилетней ссылки, могла иметь самые нежелательные последствия. Обстановка вокруг него накалялась. Лучшим выходом из неблагоприятно складывавшейся ситуации был отъезд из республики. И Борис Андреевич Алборов, прислушавшись к совету осведомленного доброжелателя, уехал к сыну в Среднюю Азию. В Северную Осетию ученый вернулся только в 1954 году. Но еще два года понадобилось, чтобы с него сняли все политические обвинения, и он был полностью реабилитирован.

На рубеже 1940-х — 1950-х годов научная интеллигенция Северной Осетии оказалась вовлеченной в кампанию критики «единого потока». Одним из поводов к ней послужило издание хрестоматий по литературе. В марте 1950 года Северо-Осетинский обком ВКП (б) принял специальное постановление с осуждением идейно-политических ошибок, якобы содержащихся в хрестоматиях по осетинской литературе. Составителям учебных пособий Х. Ардасенову, С. Бритаеву и К. Казбекову были предъявлены необоснованные обвинения в аполитичности, идеализации творчества писателей дооктябрьского периода — Темирболата Мамсурова, Инала Канукова, Алихана Токаева, Розы Кочисовой, Елбыздыко Бритаева и других, обвинявшихся в «буржуазном национализме». Для того чтобы не повторять таких «ошибок» и избавиться от разночтений в определении идейно-политической сущности художественных произведений, было принято решение впредь сопровождать учебные пособия критико-биографическими очерками о жизни и творчестве писателей. На неопределенное время хрестоматии с элементами учебника должны были заметить и учебники по литературе³²⁹.

³²⁸ История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 381.

³²⁹ ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 385. Л. 4.

Через два года партийные руководители республики снова вернулись к рассмотрению этого вопроса на своем V пленуме, состоявшемся 16 апреля 1952 года. Как отмечалось в постановлении первого секретаря обкома КПСС, «вновь изданные в 1951 году хрестоматии для 9 и 10 классов по осетинской литературе страдают грубейшими ошибками». Перечень недостатков лежал, как обычно, в одной плоскости. Авторы хрестоматий обвинили, в частности, в том, что «вопросы осетинской литературы в хрестоматии для 10 класса рассматриваются в отрыве от литератур других братских народов нашей Родины, в ней ничего не говорится о влиянии на развитие осетинской литературы основоположников советской литературы — Горького, Маяковского и других»³³⁰. Критическую оценку получили и некоторые другие учебники и методические пособия, в том числе «Методика арифметики для 1-4 классов на осетинском языке», «Начальные разговорные уроки по русскому языку». В них обнаруживали ошибки не только методического, но и идеологического характера.

Тогда же разгромной критике подверглась «Хрестоматия по истории Осетии» для студентов педагогического института и учителей средних школ Б.В. Скитского, изданная в 1949 году. Ученого обвиняли по ряду направлений. Ошибочной признавалась периодизация истории осетинского народа, тенденциозным назывался подбор документов по многим разделам книги. К примеру, в разделе «Завоевание Северной Осетии царизмом и освободительная борьба осетинского народа» был помещен материал о массовом выступлении в Тагаурии в 1830 году. Возмущение вызвал, прежде всего, сам термин «завоевание», вынесенный в заголовок раздела. К отмеченному времени движение в Тагаурии совершенно определенно расценивалось уже как реакционно-националистическое выступление тагаурских алдаров. Абсолютно недопустимым считалось и помещение в разделе «Переселение осетин в Турцию» якобы «протурецких» высказываний И. Канукова и «антирусских» стихотворений Т. Мамсурова, которые, как полагали критики, «автор хрестоматии выдает за революционные». Б. Скитского уличали в идеализации

³³⁰ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 71.. Л. 44.

патриархально-феодальных отношений и далекого прошлого осетинского народа³³¹.

Закономерным итогом негативной оценки труда ученого явилось изъятие тиража «Хрестоматии по истории Осетии» с формулировкой «за тенденциозный подбор документальных материалов и идеализацию патриархально-феодальных отношений»³³². Основанием для подобного шага явилось постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б) от 27 мая 1950 года.

Борис Васильевич Скитский болезненно переживал все нападки, считая их несправедливыми. От того времени сохранился полный драматизма документ. В январе 1951 года Б.В. Скитский написал заявление на имя директора Северо-Осетинского государственного педагогического института: «В связи с тяжелым (сердечным) заболеванием в ноябре — январе я не в состоянии в дальнейшем не только вести научную и педагогическую работу, но даже совершать малейшее физическое напряжение... Все это вынуждает меня просить освободить от исполнения мною обязанностей и тем дать мне возможность перейти на пенсию»³³³. В сентябре 1951 года его просьба была удовлетворена. А весной 1953 года Б.В. Скитский уехал из республики. Вернуться в Осетию он смог только после смерти. По инициативе научной общественности Северной Осетии Б. Скитский был похоронен в ограде Осетинской церкви. Так осетинское общество отдало дань уважения ученому, более четверти века посвятившему себя изучению истории и культуры осетинского народа и воспитавшему не одно поколение ученых-историков.

Особое место в развитии осетиноведения занимают дискуссии начала 1950-х годов, захватившие научную жизнь страны, как в центре, так и в регионах. Дискуссии, развернувшиеся в языкознании и политэкономии в анализируемый период, имели

Б. В. Скитский

³³¹ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 71.. Л. 45.

³³² ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 45.

³³³ Научный архив СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 15.

большие последствия для развития осетиноведения. В контексте отмеченных дискуссий состоялось выступление журналиста А. Джикаевой на страницах главного партийного органа в 1953 году. В пятом номере журнала «Коммунист» была опубликована разгромная рецензия на книгу известного экономиста Б. А. Цуциева «Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР»³³⁴. Предъявленные обвинения были весьма серьезны. Автору вменялось в вину игнорирование социалистических производственных отношений, приукрашивание прошлого осетинского народа, некритическое отношение к общественной деятельности Елбыздыко Бритаева, Георгия Цаголова и ряда других представителей осетинской интеллигенции, на которых в тот период навесили ярлыки «буржуазных националистов». Заодно снова в грубой фальсификации истории, в националистических извращениях были обвинены Х. Ардасенов и М. Тотоев. «Вина» последнего еще более усугублялась тем, что он к тому же являлся научным редактором обсуждаемой монографии. Выводы, обычно сопровождавшие подобные выступления в партийной печати, могли иметь самые негативные последствия для всех, кого так нелюбезно критиковал автор статьи. Вероятно, только некоторое смягчение политического климата после смерти Сталина позволило избежать развития событий по драматическому сценарию.

В еще более сложной ситуации оказался выдающийся филолог, лингвист, нартовед В. И. Абаев, автор многих работ по общему и сравнительному языкознанию, иранистике и осетиноведению³³⁵. Становление В. И. Абаева как ученого пришлось на время утверждения в языкознании «нового учения» о языке Н. Я. Мар-

³³⁴ Джикаева А. Об антимарксистских извращениях в книге Б. Цуциева// Коммунист, 1953, № 5.

³³⁵ В фундаментальном 4-х томном труде В. И. Абаева «Историко-этимологический словарь осетинского языка», над которым ученый работал практически на протяжении всей своей жизни, прослеживается этимология и история осетинских слов на материале 190 языков мира и связи осетинского языка с иранскими и индоевропейскими, а также с тюркскими, финно-угорскими и другими языками. Первый том словаря был издан в 1958 году, второй — в 1973 году, третий — в 1979 году и четвертый — в 1989 году. Все четыре тома вышли в издательстве «Наука».

ра. Подобно многим лингвистам того времени В. И. Абаев учился у Н. Я. Марра, и это обстоятельство не могло не сказаться на его научных представлениях и пристрастиях. В одном В. И. Абаев решительно не согласился с создателем «нового учения»: он не принял идею о четырехэлементном анализе Н. Я. Марра. «Четырехэлементный анализ (Марра) оказался такой устрашающей пародией на историзм, — писал в 1952 году В. Абаев, — что кое-кто склонен был отшатнуться от всякого историзма и последовать за сосюроевскими (социологическая школа Ф. де Соссюра) идеями об изучении «языка в себе и для себя», вне связи с историей народа»³³⁶.

В. И. Абаев, будучи привержен в своей научной деятельности сравнительно-историческому методу в изучении языков, за что неоднократно подвергался жесткой критике со стороны марристов, вместе с тем, поддержал некоторые положения «нового учения о языке». В некрологе по случаю смерти Н. Я. Марра в 1934 году, подписанном В. И. Абаевым и И. Г. Франк-Каменецким, одной из важнейших заслуг Марра признавалось создание учения о «языковых стадиях». Как глубокий исследователь-языковед В. И. Абаев не мог не отметить позитивного начала в данном учении. «Так как каждый язык, — отмечалось в некрологе, — несет в себе пережитки различных стадий вплоть до самых древних, то перед лингвистом открывается интересная и увлекательная задача: вскрыть в языке отложения различных эпох и с их помощью осветить бесконечно отдаленные периоды в истории человеческого общества ...»³³⁷.

В современном языкознании находит своих сторонников мысль Н. Марра о том, что «яфетические языки» — не семья, а типологическая стадия в развитии вообще всех языков. Лингвисты приходят к выводу о том, что все языки универсально проходят через одни и те же стадии образования грамматической — синтаксической и морфологической структуры. Так, по мнению И. М. Дьяконова, признание типологической стадийности раз-

³³⁶ Абаев В. И. История языка и история народа // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М., 1952. С. 43.

³³⁷ Академик Н. Я. Марр. Некролог // Бюллетень Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1934. С. 658.

вития языков совершенно не мешает тому, что языки и диалекты в своем развитии распадаются на все новые диалекты и языки, что они связаны между собой генетическим родством, независимо от уровня их типологического развития³³⁸.

Между тем, для самого Н.Я. Марра вопрос стоял, по-видимому, только так: либо типологическое, стадийное развитие, либо генетическое родство. Сама идея генетического родства между собой одних языков, но не других, казалась ему подрывающей единство человечества. «И он, со свойственной ему страстностью, выкинул из науки столетний опыт сравнительного языкознания. Словосочетание индоевропейские языки было для него табу»³³⁹. Лингвистов-компаративистов, к которым относился и В.И. Абаев, не утруждая себя анализом весьма точной их аргументации, Н.Я. Марр, клеймил «буржуазными учеными», что в те годы могло стать основанием для обвинений в политической неблагонадежности, чреватых далеко идущими последствиями.

Однако в начале 1950-х годов в ходе дискуссии в языкознании, развернувшейся, как это часто бывало, по инициативе политического руководства, многое переменялось. Еще недавно признававшееся «единственно верным» учение Н.Я. Марра было отвергнуто как идеалистичное и антимарксистское. Научная деятельность лингвистов-компаративистов, не воспринимаемая уже через призму марризма, заметно облегчилась. И теперь в заслугу В.И. Абаеву ставили то, за что критиковали прежде: его верность сравнительно-историческому методу в изучении осетинского и других иранских языков и его решительный отказ от четырехэлементного анализа³⁴⁰.

Вместе с тем, ученый воспринял не только идею Н.Я. Марра о надстроечном характере языка, но отчасти и учение о скрещивании

³³⁸ Дьяконов И. М. По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. Вып.3. С. 179.

³³⁹ Дьяконов И. М. По поводу воспоминаний О. М. Фрейденберг о Н. Я. Марре // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. Вып.3. С. 180.

³⁴⁰ Гагкаев К.Е. И. Абаев — крупнейший исследователь осетинского языка // Социалистическая Осетия. 1951. 13 марта.

языков. Марристы, как известно, в отличие от компаративистов, отвергали существование единого праязыка. Они утверждали, что языки возникали независимо друг от друга, затем претерпевали процессы скрещивания, когда в результате взаимодействия два языка превращались в новый третий язык, который в равной степени являлся потомком обоих языков³⁴¹. Преломив идею скрещивания через призму сравнительно-исторического метода, В. И. Абаев создал свою теорию двуприродности осетинского языка и народа.

«Мы имеем в настоящее время, — писал ученый в 1949 году в своем фундаментальном исследовании «Осетинский язык и фольклор», — полное основание определить плоттогенез осетинской краткой формулой: осетинский язык — это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате»³⁴². «Кавказский элемент, — продолжал далее В. И. Абаев, — вошел в осетинский не просто как внешнее влияние — подобно тюркскому, арабскому и другим, а как самостоятельный структурный фактор, как своего рода вторая его природа.

И если влияние других языков отразилось, главным образом, на лексике, обогатив осетинский язык значительным числом словарных заимствований, то кавказская языковая среда наложила заметный отпечаток на все стороны осетинского языка: на фонетику, морфологию, синтаксис, лексику, семантику, идиоматику»³⁴³.

Но, оказалось, что в начале 1950-х годов научная концепция В. И. Абаева вошла в явное противоречие с новыми идейно-политическими построениями в области языкознания. Помимо своей воли ученый оказался вовлеченным в круговорот кампании критики марризма, развернувшейся в центральной и местной прессе. В статье, опубликованной в одном из мартовских номеров главной республиканской газеты «Социалистическая Осетия» в 1951 году, В. И. Абаев еще причислялся к крупнейшим исследователям осетинского языка, но уже через полгода тон научных обсуждений и выступлений на страницах той же газеты резко изменился. Причина такой перемены заключалась в следующем.

³⁴¹ См.: Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007. С. 115, 116.

³⁴² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 11.

³⁴³ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. С. 76.

В июне 1951 г. в газете «Правда» к годовщине публикации статей Сталина по вопросам языкознания был опубликован ряд статей, в том числе президента АН СССР А. Несмеянова, директора института языкознания В. Виноградова. В них подводились итоги дискуссии и определялись первоочередные задачи советского языкознания, суть которых сводилась к «полному освобождению языкознания от ошибок Марра» и «внедрению марксизма в языкознание» [8]. Требование окончательного развенчания марксизма подняло новую волну дискуссии, захлестнувшую осетиноведение. На этот раз главный удар пришелся по «вчерашнему герою дня» — В. И. Абаеву.

В сентябре 1951 г. состоялось заседание бюро Северо-Осетинского обкома ВКП (б), рассмотревшее вопрос «Об освещении вопросов языкознания в республиканской печати». Принятое по итогам обсуждения постановление обкома определяло основные направления деятельности по исправлению «ошибок». Оно обязывало редакции республиканских газет «Социалистическая Осетия», «Растдзинад», «Молодой большевик», редакцию журнала «Мах дуг» принять необходимые меры по усилению пропаганды трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и «развернуть принципиальную критику ошибок в осетинском языкознании, литературе, литературоведении, а также в преподавании языка и литературы в школах и высших учебных заведениях»³⁴⁴.

Одновременно оно указало на «серьезную ошибку», выразившуюся в опубликовании в газете «Социалистическая Осетия» статьи об В. И. Абаеве, в которой ошибки «последователя и ученика Марра», якобы не были вскрыты, и потребовало публикации новой статьи с подробным разбором и критикой «ошибок» ученого [9, 132].

Статья не замедлила появиться. В ней развенчивались «грубые методологические ошибки» ученого. В вину ему вменяли и признание учения Н. Я. Марра о языке как надстройке, и разработку теории стадиальности, и неверное с точки зрения критиков понимание теории скрещивания. Общим недостатком работ В. И. Абаева называлось его «чрезмерное» внимание к вопросам

³⁴⁴ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 535. Л. 132.

истории языка и исторической семантики. В результате простого подсчета было выяснено, что в его труде «Осетинский язык и фольклор», содержащем 600 страниц, вопросам грамматики и фонетики было посвящено всего 60 страниц. По мнению автора статьи, это свидетельствовало «о некотором уходе лингвиста от непосредственных задач языкового строительства в республике, недооценке разработки вопросов грамматики, орфографии и орфоэпии современного осетинского языка. Результатом такого пренебрежительного отношения к грамматике одного из ведущих представителей так называемого «нового учения» Марра является тот печальный факт, что осетинский язык до сих пор не имеет своей ни научной, ни описательной грамматики»³⁴⁵. Как отмечалось в другой газетной публикации: «Вульгаризаторские идеи Н. Я. Марра о надстроечном характере языка, ... теория о «двуприродности» «гибридности» осетинского языка, слепо воспринятые осетиноведами, особенно много вреда нанесли в деле изучения осетинского языка. Теряясь в этих неясных и путаных идеях Н. Я. Марра и его «учеников», некоторые осетиноведы стали рассуждать так: стоит ли заниматься вопросами осетинского языка, если он ... скоро должен исчезнуть, ассимилироваться с другими языками?»³⁴⁶.

Проблемы языкознания стали предметом обсуждения на совместном заседании исторического отделения Северо-Осетинского НИИ и кафедры истории народов СССР Северо-Осетинского педагогического института в декабре 1951 года. И вновь научные взгляды В. И. Абаева оказались предметом критики. По В. И. Абаеву: «... всякие крупные перемены в жизни общества: междугрупповое смешение, переворот в хозяйстве, глубокие общественно-политические потрясения и сдвиги, изменение классовой структуры общества, все это сопровождается катастрофическими последствиями для языка»³⁴⁷.

Но представления ученого о том, что язык в своем развитии

³⁴⁵ Гагкаев К.Е. За критику и самокритику в языкознании // Социалистическая Осетия. 1951. 26 сентября.

³⁴⁶ Козырева Т. Некоторые задачи осетинского языкознания в свете трудов И. В. Сталина // Социалистическая Осетия. 1951. 28 сентября.

³⁴⁷ Научный архив СОИГСИ. Ф. 14. Оп. 1. Д.2. Л. 8

почти всецело подчинен внешним законам развития, были отвергнуты как ошибочные. В свете новых представлений о языкознании, формировавшихся на высших уровнях власти, утверждалась полная несостоятельность теории В. Абаева о двуприродности осетинского языка. Ведь по мысли И. В. Сталина: «Скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития. Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного. Но это не ослабляет, а наоборот усиливает его»³⁴⁸.

Адресные «проработки» В. И. Абаева и некоторых других ученых еще более усилились в связи с развернувшейся партийной борьбой против «буржуазно-националистических концепций», «идеализации феодально-патриархального прошлого осетинского народа», «чрезмерного захваливания» и «преувеличенных оценок нартского эпоса»³⁴⁹.

Многие вопросы, связанные с культурным наследием народа, его историей, по сути, закрывались для изучения. Зависимость от политической конъюнктуры, четкая заданность исследовательской проблематики существенно ограничивали возможности гуманитариев в изучении вопросов исторического и культурного развития общества. Но без допущения творческой свободы в научном поиске невозможно было рассчитывать на создание достаточно полной и достоверной картины прошлого.

В не менее трудных условиях, чем общественные науки, развивались точные и естественные науки. Господство лысенковщины в биологической и сельскохозяйственной науке, гонения на генетику, кибернетику тяжело сказывались на состоянии научной деятельности в республике, подавляя любые проявления новаторской мысли в отмеченных направлениях науки. Вскоре после августовской (1948 года) сессии ВАСХНИЛ Северо-Осетинский обком ВКП (б) принял специальное решение (18 ноября 1948 года), которое обязывало руководителей вузов Северной Осетии устра-

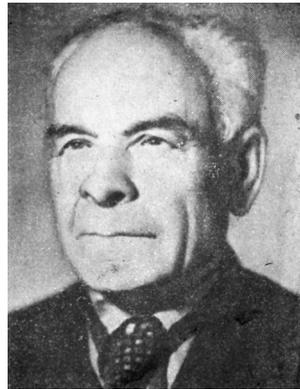
³⁴⁸ Сталин И. Относительно марксизма в языкознании // Большевик. 1950. № 2. С. 12.

³⁴⁹ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 780. Л. 24-26.

нить выявленные сессией недостатки, обеспечить преподавание биологических наук на основе мичуринского (материалистического) учения. В решении подчеркивалась необходимость обеспечения систематического контроля работой преподавателей биологических наук, а также изъятия из планов «антинаучной вейсманистской тематики», препятствовавшей, по мнению партийных и научных идеологов, решению задач социалистического строительства³⁵⁰.

Вместе с тем, необходимость укрепления материально-технической мощи государства, упрочения обороноспособности страны в условиях нарастающего противоборства двух мировых систем обуславливало выделение приоритетных направлений в науке, на которых достигалась высочайшая концентрация интеллектуальных и финансовых ресурсов. Развитие технических отраслей знания, точных наук приобретало первостепенное значение.

Отмеченная тенденция благотворно отражалась на развитии вузов и вузовской науки технического профиля. В конце 1940-х — начале 1950-х годов укрепляется материальная база Северо-Кавказского горно-металлургического института. В вузе создавались благоприятные условия для расширения научно-исследовательской базы, стимулируется деятельность научных подразделений и кафедр института, нацеленная на совершенствование работы предприятий горнодобывающей промышленности и цветной металлургии. Многие разработки профессоров и преподавателей института В.Г. Агеенкова, М.П. Верховцева, А.Е. Гуриева, И.Н. Духанина, Е.И. Жуковского, И.А. Остроушко, А.Д. Погорелого, Д.Ф. Пузощатова, В.Н. Федорова, Л.Н. Пламеневского и других имели конкретно-целевое предназначение и принесли советскому государству в

И.А. Остроушко

работки профессоров и преподавателей института В.Г. Агеенкова, М.П. Верховцева, А.Е. Гуриева, И.Н. Духанина, Е.И. Жуковского, И.А. Остроушко, А.Д. Погорелого, Д.Ф. Пузощатова, В.Н. Федорова, Л.Н. Пламеневского и других имели конкретно-целевое предназначение и принесли советскому государству в

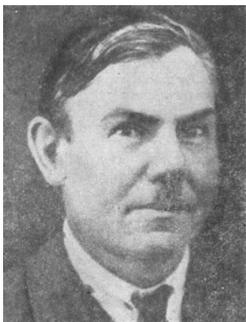
³⁵⁰ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 5. Д. 579. Л. 103-104.

эти годы значительный экономический эффект. В послевоенный период благодаря научным разработкам М.П. Верховцева на заводе «Электроцинк» были осуществлены работы, в результате которых предприятие стало выпускать свинец улучшенных сортов. Под руководством А.П. Рылова на Садонских рудниках была проведена сбойка штреков³⁵¹.

А. Д. Погорельый

Ученые института сотрудничали и с другими предприятиями цветной металлургии страны. Бригада научных работников института под руководством В.Г. Агеенкова оказала техническую помощь Челябинскому заводу по внедрению высококислотного режима, что позволило заметно улучшить качество выпускаемого металла. В результате внедрения на многих предприятиях цветной металлургии Советского Союза научных работок группы И. Н. Духанина значительно повышалось суммарное извлечение металлов и одновременно улучшалось качество концентратов³⁵².

М. П. Верховцев

Несмотря на ограничительные препоны, развивалась и сельскохозяйственная наука. Деятельность ученых-аграриев нацеливалась на решение конкретных задач по формированию научно-производственной базы животноводства и растениеводства, внедрению научных достижений в сельское хозяйство. Важные исследования в области растениеводства и животноводства проводили профессора Горского сельскохозяйственного института А. М. Панков, Е. В. Ру-

Х. Б. Дзанагов

³⁵¹ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 37.

³⁵² 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 37-38.

билин, И. С. Грабовский. На изучение местных пород скота, сохранение генофонда, более эффективное использование горных пастбищ были направлены исследования Н. В. Рязанцева, Н. А. Крестова, Х. Б. Дзанагова и других³⁵³.

Противоречивость, сложность общественно-политической ситуации середины 1940-х — середины 1950-х годов оказывали несомненное влияние на развитие науки в Северной Осетии. Выделение в качестве приоритетных исследовательских направлений одних вопросов и «закрытие» для изучения других угнетало творческую активность научного сообщества республики. Под жестким идеологическим и политическим прессом оказалась научная интеллигенция. Определенная категория научных работников вновь подверглась профессиональной дискриминации. Но в целом, несмотря на диктат в сфере науки и культуры, послевоенное десятилетие стало временем восстановления научного потенциала республики, накопления исследовательского материала, разработки традиционных и формирования новых отраслей научного знания. В эти годы создавались условия для дальнейших изысканий в области гуманитарных и естественных наук, обеспечивавших решение задач социалистического строительства.

3.3. Проблемы научно-исследовательской деятельности в условиях модернизационных изменений во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов

Вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х годов были отмечены значительными переменами во всех сферах культурного развития, в том числе и в научной сфере. Ведущее место в научном пространстве Северной Осетии продолжала занимать вузовская наука. Параллельно с вузами научные исследования осуществлялись на базе существовавших пяти научных учреждений: Северо-Осетинского научно-исследовательского института, Опорного пункта Центрального научно-исследовательского ин-

³⁵³ Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х — середина 60-х гг. XX в.). Владикавказ, 2008. С. 148.

ститута крахмально-паточной промышленности, Северо-Осетинской селекционной станции, Республиканского музея краеведения и Центрального государственного архива СО АССР.

Быстро развивающееся общественное производство предъявляло растущие требования к качеству и количеству теоретических и прикладных исследований, способствовало активизации деятельности научно-исследовательских организаций для решения научно-технических проблем, разработки новых высокопроизводительных машин, материалов, методов их производства. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники» от 28 мая 1955 года был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике³⁵⁴. В задачи Комитета входила координация деятельности по разработке и реализации программ комплексной механизации и автоматизации промышленных и других отраслей народного хозяйства, развитие научно-исследовательских институтов и т.д. Постановление подчеркивало важность подготовки квалифицированных научных кадров как необходимого условия научно-технического прогресса из числа специалистов, окончивших вуз и имевших опыт работы на общественном производстве.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» от 13 июня 1961 года конкретизировало порядок организации деятельности соответствующих органов по созданию условий для подготовки научных кадров, увеличению численности докторов и кандидатов наук. Учеба в докторантуре на два года освобождала от преподавательской работы. Аспиранты-заочники получали один свободный день в неделю в течение четырех лет (с оплатой 50%); на последнем году обучения еще один — два дня (без оплаты). Командированные с целью выполнения научной работы должны были быть обеспечены жильем, оплатой проезда и суточных в течение двух месяцев и т.д.³⁵⁵

³⁵⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. С. 505.

³⁵⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов ... Т. 10. С. 51, 53.

Государственная политика в сфере подготовки кадров высшей квалификации способствовала расширению и активизации деятельности отделов аспирантуры в высших учебных заведениях Северной Осетии и увеличению количества обучавшихся в них. Так, в 1955 году в аспирантурах вузов и научных учреждений Северной Осетии по различным специальностям обучалось 25 человек³⁵⁶. В 1960 году количество аспирантов составляло 38 человек. В 1961 году — 73, в 1962 году — 129, а в 1965 году — 164 человека.³⁵⁷

Таким образом, с 1960 по 1965 год численность аспирантов, охваченных разными формами обучения, выросла в 4,3 раза. Подавляющее большинство аспирантов учились на очном отделении. За эти же годы аспирантуру вузов и НИИ республики окончили 93 человека, из них в 1960 году — 1 человек, в 1965 году — 52 человека. Государственная политика поощрения профессиональной подготовки научных и педагогических кадров находила выражение в изменении количественного и квалификационного состава научно-педагогических кадров. Так, с 1956 по 1963 год число работников в Северной Осетии, занимавшихся научной и научно-педагогической деятельностью, выросло с 258 до 699 человек, в том числе со степенью кандидата наук — с 164 до 204 человек. Более медленными темпами росла численность научно-педагогических кадров со степенью доктора наук. За отмеченный период были защищены лишь три докторские диссертации. В вузах и научных учреждениях республики к этому времени работали 26 докторов наук³⁵⁸.

Увеличение количества специалистов высшей квалификации наряду с постепенным расширением и упрочением научной, материально-технической базы учебных и научно-исследовательских учреждений способствовало развитию изыскательских работ в различных отраслях научного знания. Организация научной деятельности осуществлялось в двух направлениях: оказание

³⁵⁶ Данные представлены только по вузам. См.: ЦГА РСО — А.. Ф. 384. Оп. 9. Д. 53. Л. 16.

³⁵⁷ Северная Осетия за годы советской власти. Стат. сб. С.228.

³⁵⁸ См.: Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сб. С.185.

научно-практической помощи в решении хозяйственных задач и расширение фундаментальных исследований в области естественно-технических и общественных наук.

*Идет эксперимент. Слева направо: аспиранты СОГМИ
М. И. Мамиконян, Л. Г. Хетагурова, доцент Р.Д. Хубецова 1960 г.*

В исследуемые годы ведущее место в республиканской вузовской науке занимает Северо-Осетинский горно-металлургический институт. Деятельность научных подразделений института была направлена на повышение эффективности горнодобывающей и металлургической промышленности, составлявших важнейшие отрасли народнохозяйственного комплекса Северной Осетии. Большинство научных разработок ученых института носило конкретно-прикладной характер и нацеливалось на непосредственное внедрение в промышленное производство. В рассматриваемые годы основными направлениями исследовательской деятельности являлись: поиск способов расширения сырьевой базы завода «Электроцинк»; бурение глубоких и сверхглубоких скважин; усовершенствование методов разработки месторождений полезных ископаемых, а также процессов извлечения цветных, благородных и редких металлов; решение проблем механизации и автоматизации производственных процессов; со-

вершенствование планирования и организации труда на предприятиях горнодобывающей и цветной металлургии.

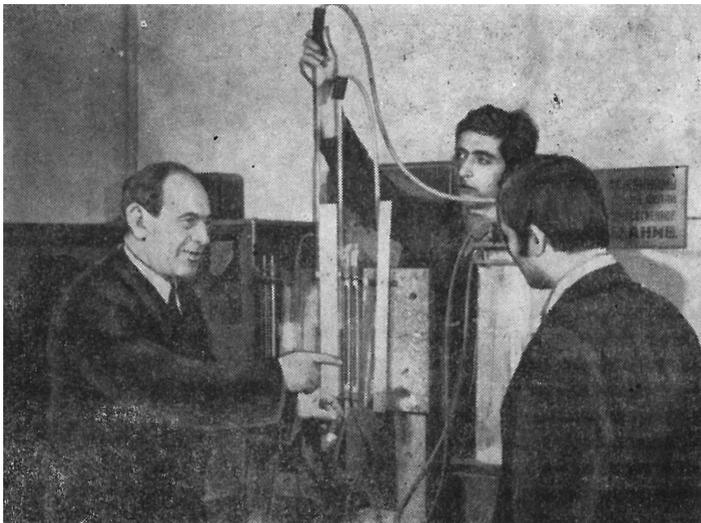
Финансирование научно-исследовательской работы в институте осуществлялось через государственные бюджетные средства и путем заключения хозяйственных договоров с различными предприятиями как внутри республики, так и за ее пределами. Система хоздоговорных отношений с предприятиями рассматривалась как основная форма связи с производством, позволявшая наращивать научно-техническую деятельность, повышать уровень квалификации преподавательских кадров и качество подготовки специалистов³⁵⁹. В начале 1960-х годов по хоздоговору сотрудники СКГМИ и Севкавцветметразведка под руководством доцента Г. С. Кряжева осуществили геолого-структурные исследования в Садоно-Унальском рудном районе. В результате проведенных исследований были выявлены перспективные площади, на которых поисковыми работами обнаружены несколько рудопроявлений и осуществлена проходка горных выработок и установка буровых скважин.

Конкретный характер научно-исследовательской деятельности всегда предполагал тесное сотрудничество с предприятиями цветной металлургии. Экономический эффект от внедрения изобретений и разработок ученых горно-геологического, металлургического, электромеханического и других факультетов СКГМИ на заводах «Электроцинк», «Победит», Свинцово-цинковым комбинате, на других металлургических предприятиях страны исчислялся десятками и сотнями тысяч рублей.

Одним из примеров успешности взаимодействия ученых Северо-Кавказского горно-металлургического института и предприятий цветной металлургии явилась в конце 1950-х — начале 1960-х годов деятельность исследовательской группы под руководством доктора технических наук А. Д. Погорелого. Наряду с преподавателями и научными сотрудниками кафедры общей металлургии эта группа объединяла также инженеров и техников завода «Электроцинк». Результатом ее деятельности стала разработка электромеханического способа рафинирования индия. Го-

³⁵⁹ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 39.

довой экономической эффект от внедрения разработки составил 830 тыс. руб. Тогда же на кафедре металлургических печей и теплотехники (ныне это кафедра литейных процессов и металлургических печей) под руководством профессора А. М. Давидсона были созданы опытные образцы функционального преобразователя для источников питания при сварке штабиков. Эти образцы проходили апробацию на базе завода «Победит»³⁶⁰.

В лаборатории кафедры литейных процессов и металлургических печей. Слева профессор А. М. Давидсон

Как уже отмечалось, институт сотрудничал не только с предприятиями своей республики. Ученые СКГМИ участвовали в решении научных задач для предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности страны. К примеру, бригада научных работников под руководством профессора В. Г. Агеенкова оказала техническую помощь Челябинскому металлургическому заводу по внедрению высококислотного режима. В результате завод не только стал выполнять плановые задания, но и улучшил качество выпускаемого металла³⁶¹. В начале 1960-х

³⁶⁰ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 40.

³⁶¹ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 37.

годов группа ученых горно-металлургического института во главе с И. А. Остроушко и В. И. Емеевым провела работы по механизации взрывных работ на Тырныаузском, Алтын-Топканском и Сихоте-Алинском комбинатах. В результате были разработаны конструкции заряжающих устройств для глубоких скважин, минных камер и шпуров. Приборы для заряжения патронированными взрывными веществами скважин и шпуров прошли государственные испытания в мае 1962 года и были приняты к серийному производству. Такими приборами заряжались взрывные скважины не только на отмеченных комбинатах, но также на рудниках г. Кривой Рог и комбинате «Апатит»³⁶². В этот же период по договору с Норильским никелевым комбинатом проводилась работа по выделению магнитной фракции из фаянштейна для извлечения и концентрации в ней платиновых металлов. Кафедрой металлургии благородных металлов горно-металлургического института для номерного завода были выполнены две хоздоговорные работы. Первая предусматривала изыскание способа гидрометаллургического извлечения серебра из нерастворимых остатков от выщелачивания сульфатизированных осадков золотоизвлекательных заводов. Вторая была предназначена для разработки способа определения золота и серебра в осадках золотоизвлекательных заводов. Исследования проводились по договору с трестом «Алтайзолото», Семипалатинской геологоразведочной экспедицией и другими золотодобывающими предприятиями СССР³⁶³.

В одном только 1962 году исследовательская деятельность СКГМИ осуществлялась по 96 госбюджетным и 54 хоздоговорным работам. Из них в отмеченном году работа была завершена по 44 госбюджетным и 28 хоздоговорным проектам. Остальные продолжались в следующем году. В научных исследованиях, финансируемых из государственных бюджетных средств, участвовали 65 (27 из них со степенью доктора и кандидата наук) профессоров и преподавателей, что составляло 41,7% научных и научно-педагогических кадров специализированных профильных кафедр института. В хоздоговорных проектах участвовали 47 че-

³⁶² ГАРФ, Ф. Ф — 605. Оп. 1. Д. 1402. Л.3.

³⁶³ ГАРФ, Ф. А — 605. Оп. 1. Д. 1402. Л. 4, 5.

людей, которые одновременно были заняты исполнением бюджетных заданий³⁶⁴. Наряду с преподавателями и научными сотрудниками СКГМИ в научно-исследовательской работе участвовали и студенты, которых привлекали к проведению госбюджетных и хоздоговорных исследований. Существовали разнообразные организационные формы вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу. В том же году в институте в 18 студенческих научно-исследовательских кружках были заняты 475 человек. Творческие интересы и возможности студентов реализовывались также в работе студенческих конструкторских бюро. Первое конструкторское бюро в СКГМИ было создано в 1964 году³⁶⁵.

В 1957 году в СКГМИ вышел первый номер журнала «Цветная металлургия». Журнал быстро приобрел популярность в научных кругах. На его страницах публиковались статьи ученых около 75 вузов и свыше 50 научно-исследовательских институтов Советского Союза. В журнале печатались результаты исследований зарубежных авторов. Научные публикации в журнале вызвали большой научно-практический интерес. Среди тем, выносимых на обсуждение, были вопросы, связанные с повышением эффективности способов получения цветных металлов из руд, концентратов и отходов предприятий; с переработкой вторичного сырья; с процессами рафинирования металлов и получения металлов высокой частоты. Журнал «Цветная металлургия» был известен не только в Советском Союзе. Его читали также в 42 странах мира³⁶⁶.

Реформа сельскохозяйственного производства, предпринятая с середины 1950-х годов, была важным стимулирующим фактором развития сельскохозяйственной науки. В Северной Осетии научные исследования в области сельскохозяйственной науки осуществлялись на базе Горского сельскохозяйственного института, а также сельскохозяйственной опытной станции. В рассматриваемые годы аналогичные сельскохозяйственные станции были созданы при участии Горского сельскохозяйственного ин-

³⁶⁴ ГАРФ, Ф. А — 605. Оп.1. Д. 1402. Л. 22.

³⁶⁵ ГАРФ, Ф. А — 605. Оп.1. Д. 1402. Л. 11.

³⁶⁶ См.: 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 39-41.

ститута и в соседних республиках: Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии.

В середине 1960-х годов в Горском сельхозинституте работали более 200 преподавателей, в том числе 12 профессоров и докторов наук, более 80 доцентов и кандидатов наук. С укреплением материально-технической и научной базы факультетов во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов расширялась научно-исследовательская деятельность института. Сотрудники института занимались разработкой научных и практических проблем растениеводства, земледелия, животноводства, экономики, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства³⁶⁷.

Со второй половины 1950-х годов, особенно после визита Н. С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки, «царицей колхозных и совхозных полей» стала кукуруза. За исключением некоторых регионов страны, к тому времени данная зерновая культура не имела широкого распространения в СССР. Теперь кукурузу начали сеять повсеместно, не учитывая при этом ни природно-климатических, ни материально-технических возможностей колхозов и совхозов, ни психологии непосредственных производителей — жителей деревни.

Результаты этой волюнтаристской политики довольно скоро сказались на состоянии сельскохозяйственного производства. Колхозы и совхозы оказались совершенно неподготовлены к разведению новой зерновой культуры. Они не владели агротехническими приемами и методами обработки и возделывания полей под кукурузу. Не везде эта культура хорошо приживалась и давала устойчивые урожаи. Колхозы и совхозы, принужденные возделывать кукурузу на территориях, не пригодных для этого, не справлялись с плановыми заданиями. Материально-технические, финансовые и людские затраты на производство кукурузы не оправдывали себя. Более того, они были крайне обременительны для такого слабо развитого сектора экономики, каким являлось сельское хозяйство, оказав-

³⁶⁷ Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х — середина 60-х гг. XX в.). С. 153.

шеся к началу 1960-х годов в глубоком кризисе в результате непродуманных экспериментов.

К.И. Трофименко

В Северной Осетии в отличие от многих других регионов страны, существовала давняя традиция производства кукурузы. Климатические условия благоприятствовали возделыванию этой зерновой культуры. Республика стала одной из важнейших сырьевых центров, обеспечивавших бесперебойную работу Бесланского маисового комбината, построенного еще в 1930-е годы и являвшегося крупнейшим предприятием крахмально-паточной промышленности страны.

Пристальное внимание партийно-советского руководства страны к возможностям Северной Осетии в распространении этой сельскохозяйственной культуры привело в 1960-е годы к значительному расширению посевных площадей под кукурузу в сельских районах республики.

Еще более значимым фактом являлась активизация исследовательской селекционной работы в этом направлении. Ученые-аграрии искали способы выведения новых сортов и гибридов кукурузы, повышения урожайности. Работа велась на базе агрономического факультета Горского сельхозинститута и Горской сельскохозяйственной опытной станции. Большой вклад в развитие селекционной работы внесли профессора А.Б. Саламов, Ф. Я. Коновалов, К.И. Трофименко и другие³⁶⁸.

На агрономическом факультете в рассматриваемые годы работали также Г.В. Бугданов, Н.Н. Оболенский, З.С. Чернецкая, Э.А. Штебер³⁶⁹. Их исследования по проблемам почвоведения заметно обогатили сельскохозяйственную науку. Ученые работали над селекцией новых сортов многолетних трав, картофеля и других культур. Они обследовали и изучали сорта сельскохозяйственных культур, распространенных в Центральном и Вос-

³⁶⁸ 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. Владикавказ, 2008. С. 25, 27.

³⁶⁹ 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. Орджоникидзе, 1977. С. 16.

точном Предкавказье, которые служили исходным материалом для получения новых селекционных сортов. Многие разработки преподавателей и научных работников кафедр почвоведения, геологии, агрохимии и земледелия внедрялись в колхозах и совхозах Северной Осетии и соседних республик.

Проблемами развития животноводства занимался зоотехнический факультет. Факультет многие годы возглавлял ученик И. П. Павлова профессор Н. В. Рязанцев. Большой вклад в становление и развитие факультета внесли Н. А. Крестов, И. М. Иосифов. Вместе с В. Ф. Раздорским, В. И. Де-Фриу, у истоков создания Горского сельхозинститута стоял Д. А. Тарноградский. Под его руководством был накоплен обширный экспедиционный материал, на основе которого были описаны многие, неизвестные прежде в науке виды простейших организмов, обитавших в водах Северного Кавказа. Весь этот материал лег в основу, созданного им зоологического музея Горского сельскохозяйственного института. Исследования Д. А. Тарноградского по гидробиологии Северного Кавказа, получившие признание во всем мире, способствовали успешной борьбе с малярией на Северном Кавказе³⁷⁰.

В институте функционировала станция по испытанию сельскохозяйственных машин. На ней отрабатывались приемы механизации посевов пропашных культур, испытывалась работа кукурузоуборочных машин, приспособлений к зерновому комбайну для уборки эфирномасличных культур. Опытная станция позволяла находить наиболее рациональные и приемлемые типы и наборы машин для механизации обработки и уборки сельскохозяйственных культур в конкретных географических и природно-климатических условиях региона, выявить способы их наиболее эффективной эксплуатации³⁷¹.

Горский сельскохозяйственный институт и сельскохозяйственная опытная станция успешно работали во многих направлениях сельскохозяйственной науки. Однако общим недостатком деятельности всех научных подразделений вузовской науки являлось медленное продвижение открытия от этапа научной разра-

³⁷⁰ 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 17-18.

³⁷¹ 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 19.

ботки идеи до ее реализации на производственном уровне. Более того, научно-технические разработки ученых нередко вообще не доходили до потребителя. Причин тому могло быть множество: отсутствие должного руководства организацией научно-исследовательских групп, особенно на стадии завершения работы, финансовая необеспеченность, многоступенчатость и сложность системы согласований, инертность и низкая заинтересованность сторон в конечном продукте и прочее. К примеру, в 1955 году на Северо-Осетинской селекционной станции осуществили 16 принципиально новых разработок по разным сельскохозяйственным направлениям. Но только 9 из них были внедрены в производство. Остальные осваивались не полностью или не были реализованы вовсе³⁷².

В 1950-е — 1960-е годы одним из важнейших подразделений вузовской науки оставался Северо-Осетинский государственный медицинский институт. На базе этого института развивалась медицинская наука. В научных исследованиях сотрудников СОГМИ традиционно преобладала тематика, непосредственно связанная с вопросами краевой и профессиональной патологии.

Изучение факторов, вызывавших заболевания желудочно-кишечного тракта, дыхательных путей, опорно-двигательной системы, щитовидной железы и других систем организма, разработка методов их лечения и профилактики являлись областью научных интересов преподавателей и научных сотрудников института: И. А. Агеенко, В. И. Рахмана, С. М. Трегубова, И. И. Мошковского и других. Их научные разработки были направлены на снижение заболеваемости желудочно-кишечными болезнями, зобом, силикозом. Под руководством профессора И. А. Агеенко успешно разрабатывалась методика лечения хирургическими средствами болезней желудка. Развивались и другие разделы клинической медицины: травматология и ортопедия. В них применялись новые методы диагностики и оперативного лечения.

Крупным специалистом в области эндокринологии являлась профессор Е. Я. Резницкая. С 1957 по 1968 год она возглавляла

³⁷² Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. Т. 2. С. 130.

кафедру факультетской терапии Северо-Осетинского мединститута и была инициатором разработки многих научных проблем, в том числе использования курортных факторов Северной Осетии, ее минеральных вод при лечении ряда эндокринных заболеваний. Е. Я. Резницкой проводились исследования состояния сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения, мочевыделения при сахарном диабете, диффузно-токсическом зобе. Результаты этих исследований получили отражение в более чем 200 научных статьях и монографиях. До настоящего времени не утратила своей актуальности так называемая «диета Генес-Резницкой» при сахарном диабете, «симптом болезненности пульсирующей брюшной аорты» при диффузно-токсическом зобе и др.³⁷³

Е. Я. Резницкая

В 1950-е годы благодаря внедрению новых методов лечения, пропаганде и осуществлению санитарно-гигиенических мероприятий, были практически ликвидированы трахома и чесотка. Важнейшим достижением в области здравоохранения и медицинской науки стала положительная динамика в лечении туберкулеза, являвшегося одним из самых тяжелых и распространенных заболеваний в крае. Внедрение в медицинскую практику флюорографических установок с начала 1950-х годов позволило проводить массовые осмотры населения на выявление туберкулеза. Широко применялись новейшие методы лечения с использованием новых лекарственных средств, прежде всего антибиотиков.

Осуществлялось санаторно-курортное лечение больных. В Алагирском ущелье, в санатории «Цей» лечились больные с закрытой формой туберкулеза. В 1958 году был открыт еще один санаторий в высокогорном селении Фаснал в Дигорском ущелье. В Нузале в санатории и детских яслях лечили детей, больных туберкулезом. В комплексе внедрение новых методов лечения и проведение профилактических мероприятий способствовали снижению заболеваемости и смертности от туберкулеза. Значи-

³⁷³ История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. С. 246-247.

тельную роль в улучшении общей картины здоровья общества сыграло внедрение программы всеобщей диспансеризации.

В 1950-е — 1960-е годы изучение и использование курортных ресурсов республики рассматривалось в качестве одного из наиболее перспективных направлений медицинской и биологической науки. В этот период активно исследовалось содержание воды Кармадонских источников, курортов «Серноводск», «Тамиск», выяснялись перспективы использования ее для лечения различных заболеваний, в том числе желудочно-кишечных, сердечно-сосудистых, а также заболеваний опорно-двигательной системы³⁷⁴.

В целом, к середине 1960-х годов медицина и система здравоохранения Северной Осетии достигли такого уровня развития, когда стали возможны позитивные качественные сдвиги в совершенствовании медицинского обслуживания и улучшении здоровья людей.

В научно-исследовательской деятельности еще одного структурного подразделения вузовской науки Северной Осетии — Северо-Осетинского педагогического института традиционно приоритетным направлением являлась разработка обществоведческих проблем. Исследовательская работа научных и научно-педагогических кадров педагогического института была тесно связана с деятельностью Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Интеллектуальные силы этих двух научно-образовательных учреждений нацеливались на разработку различных проблем в области кавказоведения и осетиноведения.

Вторая половина 1950-х — 1960-е годы отмечены большим интересом к развитию общественных и гуманитарных наук. События начала и середины 1950-х годов, смерть Сталина, решения XX съезда КПСС вносили кардинальные изменения в общественно-политическую ситуацию в стране, делали возможным пересмотр многих обществоведческих проблем. Но общественные науки, как никакая другая область научного знания связанная с официальной идеологией, особенно остро ощущали противоре-

³⁷⁴ Здравоохранение и медицина в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. Вып. 7. Ч. 1. С. 26-27.

чивость начавшегося процесса десталинизации. Они оставались инструментом обоснования исторической целесообразности социалистического строя и неизбежности победы коммунизма.

Сотрудники и аспиранты СОНИИ, 1965 г. Слева направо: 4-й в 1-м ряду директор института Х.С. Черджиев

Политические процессы, происходившие в общественной жизни страны, корректировали развитие исторической науки в центре и в регионах. Научно-исследовательская проблематика, как правило, диктовались политическим заказом партийных органов. Подготовка первого фундаментального труда по истории Северной Осетии в 1950-е — 1960-е годы определила приоритетные направления в развитии исторической науки в Северной Осетии. Преобладающее место в исторических исследованиях тех лет занимали вопросы социально-экономического и культурного развития Осетии. Вопросы развития феодальных отношений, феодального землевладения исследовались в работах Б.В. Скитского, А.К. Джанаева. Культура и общественно-политическая мысль Осетии являлись объектом научного интереса М.С. Тотоева. Работы К.Х. Дзокаева были посвящены экономическому развитию осетинского села.

В 1950-х годы в научных исследованиях доминировала до-революционная тематика и отчасти вопросы, связанные с событиями периода революции и гражданской войны. В значительно меньшей степени изучались вопросы послеоктябрьского развития североосетинского общества. Последнее обстоятельство было обусловлено не только хронологической близостью переломных событий, малочисленностью профессиональных научных кадров, ограниченностью документальной базы, отсутствием достаточно устоявшихся научных подходов при оценке исторических событий и фактов. Главная причина, как представляется, заключалась в инертности научных кадров, над которыми довлел негативный опыт политических репрессий прошлых лет, опасения возможной несогласованности с официально принятой научной концепцией.

Однако позитивные перемены в развитии исторической науки все же происходили. Смягчение идейно-политического климата во второй половине 1950-х годов, начало реабилитационных процессов, открытие части недоступных прежде для исследователей архивных источников, открывали новые возможности для расширения тематики исторических исследований, для переосмысления и переоценки исторических и политических событий предшествующих десятилетий. Ученые получали некоторую свободу творческого самовыражения, хотя эта свобода по-прежнему ограничивалась рамками официальных действовавших в науке концептуальных положений. Проблематика научных исследований, как правило, определялась политической конъюнктурой и решениями партийных органов.

В 1950-е — 1960-е годы продолжавшаяся работа над двухтомным изданием «Истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней» определяла конкретные исследовательские задачи, ставившиеся перед историками, филологами, искусствоведами, экономистами. В ходе работы исследователи не раз сталкивались с проблемами научного, морального и этического характера. Особенно сложно продвигалась подготовка к изданию первого тома «Истории Северо-Осетинской АССР...», приведение ее в соответствие с требованиями, изложенными в материалах научной сессии СОНИИ, состоявшейся в мае 1955 года, и в

постановляющих партийных документах. К концу отмеченного года выправленная рукопись монографии была готова к печати. Но в феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС, и в духе решений этого съезда потребовалась очередная переработка текста.

События, происходившие в этот период в осетинском научном сообществе, могут служить иллюстрацией непоследовательности попыток демократизации в сфере науки в период правления Н. С. Хрущева. Деятельность осетинского научного сообщества, особенно гуманитариев, отличалась определенной инерционностью развития. Значительное влияние на нее оказывала вынужденная годами вырабатывавшаяся привычка соизмерять свои научные представления с менявшимися во времени политико-идеологическими ориентирами. Но, несмотря на это обстоятельство, научная мысль не угасала, она продолжала развиваться.

Итоговые материалы XX съезда КПСС, вселили в авторский коллектив «Истории Осетии» надежду на то, что смягчение политической ситуации позволит ликвидировать имевшиеся в рукописи искажения, избавиться от «белых пятен» и «фигур умолчания». Руководство Северо-Осетинского НИИ обратилось в обком КПСС с просьбой рассмотреть совместно с историками те проблемы истории Осетии, освещение которых, с его точки зрения, нуждалось в пересмотре. Среди выделенных проблем, в частности, были вопросы о сущности колониальной политики царизма, о природе движения Шамиля и о характере национальных движений в Осетии в конце XVIII — начале XIX века.

Что касается первых двух вопросов, то сообразно духу «оттепели» в освещение их были внесены некоторые коррективы. Политика царского самодержавия на Северном Кавказе расценивалась как колониальная. Но отрицательные последствия колониальной политики в новом прочтении истории перекрывались исключительно прогрессивным значением присоединения Осетии к России для социально-экономического и культурного развития края. Значение этого события в истории Осетии еще более возросло в исторической перспективе, так как в ходе общественно-политического взаимодействия двух народов «складывалось боевое революционное единство русских и осетинских трудящихся

против самодержавия, крепостничества, против всех эксплуататоров», приведшее к победе социализма³⁷⁵.

Признавалось также, что социальную основу движения Шамиля составляли «крестьянские массы, которые вели антиколониальную и антифеодальную борьбу». Но при этом подчеркивалось, что идеология этого движения (мюридизм), «насаждаемая имамами и наибями в своекорыстных целях» и носившая реакционный, религиозно-националистический характер, не нашла опоры в осетинских обществах. Исключение составляла лишь небольшая часть социальных верхов Тагаурии и Дигории, поддержавшая идеи Шамиля. Самого Шамиля уже не называли агентом иностранных государств, но по-прежнему утверждалось, что мюридизм на Северном Кавказе распространялся при активной поддержке иностранных агентов³⁷⁶.

*Сотрудники отдела истории СОНИИ. Конец 1960-х гг. Слева направо:
А.К. Джанаев, В. А. Кузнецов, С. Д. Кулов, В. С. Гальцев*

Несколько иную окраску получило обсуждение вопроса о массовом национальном движении в Тагаурии в 1830 году. На-

³⁷⁵ См.: История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. Т.1. С. 6.

³⁷⁶ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959. Т.1. С. 174.

дежды на возможность пересмотра оценки этого движения были порождены дискуссией на страницах журнала «Вопросы истории», завершившейся летом 1956 года научной сессией ученых Дагестана и созывом Всесоюзного совещания историков осенью того же года в Москве. Научные форумы, посвященные вопросам борьбы горцев Дагестана и Чечни против царского самодержавия в 20-50-е XIX века, имели большое воздействие на умы ученых, среди которых оказались и историки Северной Осетии В. С. Гальцев, А. К. Джанаев и М. С. Тотоев. Под впечатлением итогов этих научных встреч и публикаций в журнале «Вопросы истории» М. С. Тотоев подал на имя первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС В. Агкацева докладную записку, в которой обосновывал несправедливость и неправомочность оценок восстания жителей Тагаурского ущелья в 1830 году и песни «Хазби» и предлагал пересмотреть их.

Однако инертность общественного сознания, консервативность и инвариантность политического курса оказывались сильнее «оттепельных» побуждений. Руководство республики негативно отреагировало на предложение М. С. Тотоева. Оно расценило инициативу ученого как попытку «возродить прежние политические ошибки, пересмотреть решения V пленума обкома 1952 года, вскрывшего с помощью ЦК КПСС серьезные ошибки... в идеологической работе в республике»³⁷⁷.

Вопрос был вынесен на рассмотрение членов бюро Северо-Осетинского обкома партии. По итогам состоявшегося обсуждения 5 марта 1957 года было принято постановление обкома КПСС «О неправильном поведении доктора исторических наук, профессора Тотоева М. С.». Постановление обязывало руководителей Северо-Осетинского научно-исследовательского института обсудить вопрос на расширенном заседании Ученого совета.

Заседание Ученого совета института состоялось 14 марта 1957 года. «Ученый совет, — отмечалось в принятом по итогам обсужде-

М. С. Тотоев

³⁷⁷ ЦГА ИПД РСО — А. Ф.1. Оп. 13. Д. 692. Л. 35.

ния постановления, считает необоснованным и ошибочным предложение профессора Тотоева М. С. оценивать движение 1830 года в Тагаурии как антиколониальное и общенародное». Далее подчеркивалось, что «ошибочные предложения профессора Тотоева ... были возможны потому, что в Научно-исследовательском институте сложилась обстановка беспринципности и семейственности и отсутствия должной критики и самокритики»³⁷⁸. Постановление вполне обоснованно было воспринято как предупреждение всем ученым-гуманитариям. А М.С. Тотоев в силу характера обсуждения вынужден был заявить, что он поторопился с докладной запиской и что восстание 1830 года «никак нельзя рассматривать как антиколониальное»³⁷⁹.

Между тем, продолжалась доработка первого тома рукописи «Истории Осетии». На завершающем этапе общее название двухтомного исследования было уточнено — «История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней». Не сразу, после ареста Г. А. Кокиева, решился вопрос и о главном редакторе. В 1952 году секретарь Северо-Осетинского обкома партии К.Д. Кулов обратился с просьбой к секретарю ЦК ВКП (б) М. А. Сулову, «учитывая исключительное культурно-политическое значение издания научно-обоснованной истории Осетии», дать указание Институту истории Академии наук СССР выделить главного редактора «из числа видных советских ученых историков»³⁸⁰. В ответ была предложена кандидатура доктора исторических наук, профессора К.В. Сивкова, занимавшегося исследованием проблем истории народов Северного Кавказа. Однако окончательное решение вопроса затянулось. В письме заместителя заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС по РСФСР К. Кузнецова от 1 апреля 1955 года отмечалось: «Что касается редактирования «Истории Осетии», считали бы целесообразным поручить его местным научным работникам»³⁸¹. По-

³⁷⁸ Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. д. 20. Л. 13-15

³⁷⁹ Тотоев Ф. В. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. С. 26.

³⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Ед. хр. 342. Л. 116.

³⁸¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 55.

этому в июне 1955 года, после научной сессии, подведшей итоги работы над историей Осетии, Северо-Осетинский обком КПСС вновь обратился в Центральный Комитет. Одновременно он просил о назначении членом редколлегии доктора исторических наук А. В. Фадеева³⁸². Тогда же был утвержден состав редколлегии коллективного труда. В него вошли А. К. Джанаев, М. И. Кустов, М. С. Тотоев, Х. С. Черджиев и Х. Т. Чибиров. Ответственным редактором «Истории Северо-Осетинской АССР» был назначен доктор исторических наук С. К. Бушуев.

Однако отношения авторского коллектива с ответственным редактором не складывались с самого начала. Обращение осетинских историков в областной комитет партии с просьбой об отводе его кандидатуры не встретило понимания и поддержки. Обоснованность мнения ученых стала очевидной лишь после того, как был получен сигнальный экземпляр издания, изобиловавший ошибками научного и фактологического характера. С марта 1958 года исправлением этих ошибок занялись ученые научно-исследовательского института М. М. Блиев и А. К. Джанаев, М. С. Тотоев. Наконец, в 1959 году, через двенадцать лет после начала работы, первый том «Истории Северо-Осетинской АССР с древнейших времен...» увидел свет. Объективно издание явилось важным шагом в исследовании исторического прошлого Осетии, несмотря на довлеющее влияние идеологии, наличие множества идеологических и политических догм и штампов в нем. Многолетняя работа над монографией стимулировала развитие гуманитарных наук. Она положила начало разработке многих научных проблем в области исторического знания, в археологии, этнографии, языкознании, литературоведении и других науках.

Работа над вторым томом «Истории Северо-Осетинской АССР» происходила в более спокойной обстановке. Она развер-

А.К. Джанаев

³⁸² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 518. Л. 58.

нулась в середине 1950-х годов и способствовала значительному расширению исследовательских направлений в области истории советского периода. Важнейшим направлением научно-исследовательской деятельности Северо-Осетинского научно-исследовательского института с этого времени становится революционная тематика. Во второй половине 1950-х годов научными сотрудниками института С. Д. Куловым, М. С. Тотоевым, В. С. Гальцевым и другими публикуются работы, посвященные событиям Октябрьской революции и гражданской войны на Северном Кавказе, в том числе в Северной Осетии³⁸³. Ученые института приступили к изданию серии брошюр по теме: «Видные деятели революции в Северной Осетии». Реабилитация многих партийных и государственных деятелей, репрессированных в 1930-е годы, открыла еще одну тему для изучения. В газетных и журнальных статьях научно-популярного характера рассказывалось о жизни, общественной, политической и культурной деятельности К.С. Бутаева, С.Г. Мамсурова, Д.Н. Тогоева, С.А. Такоева, Г. Арсагова, Б.Б. Гарданова. Эти публикации отличались большим объемом и новизной привлекаемых документальных источников, научной компетентностью и внутренней авторской свободой в изложении материала. «И историография, и источниковедение, и сама история обретали новый смысл в общественном назначении и восприятии»³⁸⁴.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов не менее важным исследовательским направлением в исторической науке Северной Осетии становится проблема формирования и развития рабочего класса. Актуальность данной темы обосновывалась общественно значимой ролью рабочего класса — «интеллектуального и морального двигателя, физического исполнителя исторической

³⁸³ Кулов С. Д. Борьба трудящихся Северной Осетии против денкинской контрреволюции // Ученые записки СОНИИ. 1957. Т. 22; Тотоев М. С. Очерк революционного движения в Северной Осетии в 1917-1920 годах. Орджоникидзе, 1957; Гальцев В. С. Китайский и грузинский революционные отряды в борьбе за советскую власть на Тереке. Орджоникидзе, 1957; его же. К истории разгрома бичераховщины на Тереке. Орджоникидзе, 1959.

³⁸⁴ Тотоев Ф. В. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 27.

задачи — строительства коммунистического общества»³⁸⁵. Отдельные аспекты этой проблемы получили отражение в работах Б. А. Цуциева, Х. С. Черджиева, посвященных вопросам социально-экономического и культурного развития республики. А с начала 1960-х годов история рабочего класса республики стала предметом специального исследования³⁸⁶. В статьях и монографиях Г. В. Казбекова прослеживалась динамика промышленного отряда рабочего класса на протяжении большого временного промежутка с середины XIX века до начала 40-х годов XX века. В качестве одного из важнейших аспектов проблемы рассматривался вопрос о создании национальных кадров рабочих. При этом вопрос формирования национальных рабочих кадров увязывался с более общей проблемой преодоления социально-экономической отсталости края и формирования осетинской социалистической нации³⁸⁷.

Определенные успехи, достигнутые в разработке многих аспектов истории советского периода, обеспечили основу для написания второго тома «Истории Северо-Осетинской АССР». В 1962 году был готов макет монографии. В конце октября 1963 года состоялось его обсуждение. Еще два года понадобилось для доработок. И в 1966 году труд ученых стал достоянием специалистов и широкого круга читателей. Второй том «Истории Северо-Осетинской АССР...» так же, как и предыдущий, был написан в духе марксистской методологии и удовлетворял всем требованиям тогдашней исторической науки. Эти две монографии составили первый фундаментальный труд по истории Северной Осетии и, несмотря на недостатки, обусловленные неполнотой источниковой базы, уровнем разработанности актуальных проблем прошлой и современной истории Осетии, необходимостью следования по-

³⁸⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 73.

³⁸⁶ См.: Цуциев Б. А. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967; Черджиев Х. С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1.

³⁸⁷ См.: Казбеков Г. В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1963; Его же. Создание национальных кадров рабочих в промышленности Северной Осетии в период довоенных пятилеток // Ведущая сила современности. Махачкала, 1964; Аствацатуров А. А. О формировании и развитии осетинской социалистической нации. Орджоникидзе, 1963 и др.

литической и идеологической конъюнктуре, их появление стало важнейшим шагом в развитии исторической науки в республике. Оно оказалось возможным благодаря наличию подготовленных научных кадров, сумевших исполнить столь сложный замысел. Значение двухтомной «Истории Северо-Осетинской АССР» состояло еще в том, что она, по сути, явилась пионерской для северокавказских республик. Ученые Северной Осетии одними из первых на Северном Кавказе шли по непроторенным дорогам исторического самопознания, преодолевая большие трудности научного, политического и морально-нравственного характера, через потери и обретения. Накопленный ими опыт служил надежным основанием для тех, кому только предстояло решать подобные задачи.

В середине 1950-х — 1960-х годов продолжала разрабатываться дореволюционная тематика. По-прежнему пристальный интерес историков вызывала проблема русско-осетинских отношений. В трудах М. М. Блиева, М. С. Тотоева на основе широкого круга документальных источников анализировалась история взаимоотношений между двумя народами. Отличительной чертой исследований этого времени являлось признание исключительно прогрессивного характера этих отношений³⁸⁸.

Одним из наиболее сложных и актуальных вопросов осетинovedения во второй половине XX века оставался вопрос об этногенезе осетин³⁸⁹. Значительный вклад в разработку этой темы внесли работы В. И. Абаева. Монографии «Нартовский эпос», «Осетинский язык и фольклор», а также ряд других исследований ученого послужили толчком к развертыванию дискуссии о происхождении осетинского языка и осетинского народа. Наибольшие расхождения во мнениях выявлялись при рассмотрении вопроса о роли алан и местного кавказского субстрата в формировании осетин. Сложность ситуации заключалась в том, что в

³⁸⁸ Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. Орджоникидзе, 1961; Тотоев М. С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963.

³⁸⁹ См.: Цориева И. Т. Становление научного нартоведения и проблема происхождения осетинского народа // Бюллетень Владикавказского института управления. Владикавказ, 2009. № 28.

науке по-прежнему не существовало единства в определении термина «аланы». Одни ученые полагали, что аланы являются по своему происхождению индоевропейцами. Другие исходили из представления о том, что аланы — это союз этнически разнородных племен. А поскольку «аланы» воспринимались ими как собирательное название, то тезис о происхождении осетин от алан лишился всякого смысла³⁹⁰.

Слева направо: Н. Д. Малиев, М. М. Блиев

Проявившаяся в исторической науке в 1950-е — начале 1960-х годов тенденция поставить под сомнение основные положения этногенеза осетин и, прежде всего, этническую индивидуальность алан, потребность в тщательном анализе, систематизации и обобщении значительного материала по этой актуальной проблеме вызвали необходимость созыва научного форума. С 6 по 8 октября 1966 года в Орджоникидзе (Владикавказе) под эгидой Северо-Осетинского и Юго-Осетинского научно-исследовательских институтов состоялась научная сессия. В ее работе приняли участие известные ученые-кавказеды из Москвы,

³⁹⁰ См.: ЦГА РСО — А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 363. Л. 3; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. 1; Его же. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 10.

Ленинграда, Ставрополя, Ростова, Северной и Южной Осетии, Грузии, Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Абхазии и Калмыкии. Среди них были В.Н. Алексеев, В.Н. Гамрекели, В.Б. Виноградов, Г.Д. Тогошвили, Г.Ф. Турчанинов и другие. Важнейшие аспекты проблемы этногенеза осетин были сформулированы в семи основных докладах, представленных лингвистом В.И. Абаевым, археологами Е.И. Крупновым и В.А. Кузнецовым, историком Ю.С. Гаглойти, этнографом Б.А. Калоевым, антропологами В.Н. Алексеевым и М.Г. Абдушелишвили. Уже сам состав участников свидетельствовал о том, что история происхождения осетинского народа впервые в рамках научного форума рассматривалась комплексно, с привлечением данных смежных наук — истории, археологии, этнографии, языкознания и антропологии.

Научная сессия, посвященная проблеме происхождения осетинского народа. 1966 г.

Острые дискуссии, развернувшиеся в ходе работы сессии, выявили разнообразие мнений по вопросу о происхождении осе-

тинского народа³⁹¹. Были ясно обозначены три основные точки зрения на проблему. Первая формулировалась в основном историками и лингвистами, которые исходили из представления о том, что в этногенезе осетин участвовали два компонента: кавказский и иранский. «Никакая этногенетическая теория об осетинах, которая не считается с фактом смешения скифо-сарматских племен со старым местным населением, не может считаться отвечающей современному уровню наших знаний»³⁹², — подчеркивал В. И. Абаев. Но, при этом определяющее значение в становлении осетинского народа эта группа исследователей отводила иранскому элементу, который расценивался как доминирующий. Кавказский же компонент признавался, хотя и важным, но не основным.

Другие исследователи, ссылаясь на данные археологических и антропологических разысканий, склонялись к мнению о том, что осетины по своему происхождению являются кавказцами, принявшими иранский язык. «Не отрицая определенного и даже значительного вклада иранства в процесс формирования осетинского этноса, — говорил Е.И. Крупнов, — ...ведущее место в этногенезе осетин следует отнести кавказской аборигенной общественной среде. Определенная ее часть... на протяжении веков развивая свою самобытную культуру и во многом сохраняя существо кавказского этноса, на определенном этапе сменила свой кавказский язык на иранский. Это и определило современное состояние осетинского народа. Именно поэтому современные осетины и являются истыми кавказцами по происхождению, внешнему облику и культуре и... иранцами — по языку»³⁹³.

Наконец, третья точка зрения была выражена Б.А. Калоевым. Он выска-

Б. А. Калоев

³⁹¹ См.: Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

³⁹² Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. С.18.

³⁹³ Крупнов Е. И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. С.41

зал мнение о том, что имеющийся материал «не дает пока возможности определить преобладающую роль какого-либо из двух компонентов (древнекавказского или скифо-сармато-аланского — И. Ц.) в формировании осетинской народности» и считал, что оба пласта одинаково важны в формировании осетин³⁹⁴.

Таким образом, участники научной сессии демонстрировали разность подходов к пониманию проблемы. Хотя в итоговой резолюции сессии было записано признание участия в этногенезе осетин двух основных компонентов: скифо-сармато-аланского и кавказского, спорные моменты не были преодолены. Открытым остался главный вопрос — о степени участия каждого из выделенных элементов в формировании осетинского народа.

Е. И. Крупнов

Тем не менее, научно-практическое значение сессии было бесспорным. Научное совещание не только подвело общий итог состоянию изучения вопроса происхождения осетин, выявило отдельные аспекты проблемы и определило новые направления в ее изучении. Оно также стимулировало дальнейшее развитие языкознания, этнографии, нартоведения и других отраслей осетиноведения³⁹⁵.

Во второй половине 1950-х — 1960-х годах продолжается археологическое изучение Северной Осетии. В эти годы на территории республики вела изыскательские работы Северо-Кавказская археологическая экспедиция (СКАЭ). Руководил ею заместитель директора Института истории материальной культуры Академии наук СССР, профессор Е. И. Крупнов. Заинтересованное и активное участие в экспедиционных мероприятиях принимали и осетинские археологи. В составе экспедиции были задействованы многие известные ученые — В. Б. Ковалевская, В. А. Кузнецов, В. И. Марковин и другие. В 1957 году Северо-Кавказской археологической экспедицией в районе селения Эльхотово и станицы Змейская впервые

³⁹⁴ Калоев Б. А. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. С. 124.

³⁹⁵ Цориева И. Т. Культура Северной Осетии в 1956-85 гг. // История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 479.

в широких масштабах были осуществлены раскопки поселения кобанской культуры IX-VIII веков до нашей эры. Тогда же были начаты раскопки обширного аланского катакомбного могильника XI-XII веков нашей эры у станицы Змейская, а затем Крупнейшего средневекового городища на территории Северной Осетии «Верхний Джулат». Извлеченные во время этих археологических экспедиций данные принадлежат ныне к числу основных источников по древней и средневековой истории предков не только осетин, но и других народов Северного Кавказа. Полученный археологами в результате раскопок материал позволял с большей определенностью судить об уровне социально-экономического развития, о времени классообразования и формирования государственности у северокавказских алан, выяснить характер внешних связей алан с другими странами и народами в области экономического, политического и культурного сотрудничества³⁹⁶.

Заметно продвигается в эти годы и изучение этнографии Осетии. Исследованием материальной и духовной культуры осетин, сбором полевого и этнографического материала занимались Е. Г. Пчелина, Е. Н. Студенецкая, К. А. Берладина и другие. При поддержке ученых Москвы, Ленинграда, Тбилиси, по мере расширения собственной исследовательской базы, увеличения количества квалифицированных профессиональных кадров удастся охватить все более широкий круг вопросов. Среди этих вопросов — изучение форм земледелия и скотоводства, поселений и жилищ, древних верований осетин, нартовского эпоса, этнического состава населения Северного Кавказа и т. д. Они исследуются в статьях и монографиях А. Х. Магометова, Я. С. Смирнова, В. К. Тотрова, Л. А. Чибирова и других.

В рассматриваемые годы еще одно направление осетиноведения — фольклористика получает дальнейшее развитие. Важнейшей составной частью этого направления являлось изучение нартовского эпоса. К середине 1950-х годов в области нартоведения был накоплен значительный исследовательский опыт и поставлены новые проблемы, требовавшие своего разрешения. Рас-

³⁹⁶ Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ. 1995. С. 25-26.

смотреть эти вопросы была призвана научная конференция, организованная в 1956 году Институтом мировой литературы имени М. Горького и Северо-Осетинским НИИ. Конференция проходила в г. Орджоникидзе. В ее работе приняли участие ученые Москвы, Северного Кавказа и Закавказья. Она подвела итоги всей предшествовавшей работы в области нартоведения и наметила основные направления дальнейших исследований.

Конференция отказалась от двух крайностей в оценке эпоса — от его идеализации, с одной стороны, и от нигилистического отношения, с другой стороны, имевших место в фольклористике 1940-х — 1950-х годов. Нартовский эпос был определен как памятник мировой культуры мирового значения, как один из немногих циклов эпических сказаний, сложенных еще в доклассовом обществе³⁹⁷. «Нартский эпос является типичным высокохудожественным образцом героического эпоса, — отмечал Е.М. Мелетинский, — сохранившим, однако, весьма архаические черты фантастики мифологического характера. Это позволяет сопоставить его в древнейшей части с такими образцами мифологического эпоса, как «Калевала», «Эдда», «Гильгамеш», а в более поздних пластах — с эпосами якутским, монгольским и ирландским»³⁹⁸.

Е.М. Мелетинский рассмотрел вопросы о происхождении нартского эпоса и причинах его многонационального характера. Он полагал, что нартский эпос сложился в пределах Северного Кавказа в условиях аланской военной демократии. А наличие национальных вариантов объяснял тремя факторами: во-первых, в аланский союз племен, помимо самих алан, входили синдо-меотские племена — предки современных адыгских народов; во-вторых, аланы могли участвовать не только в этногенезе осетин, но и адыгских народов; наконец играло роль взаимовлияние соседствующих народов.

Однако проблема об этнической, национальной идентификации нартского эпоса оставалась наиболее спорной. Как совместить положения о национальном характере и многонациональ-

³⁹⁷ Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года. Орджоникидзе, 1957.

³⁹⁸ Мелетинский Е.М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года. С. 73.

ном бытовании эпоса? Какие обстоятельства привели к образованию эпоса, единого в существенных чертах, но выступающего в разных национальных вариантах? По мнению В. И. Абаева, требовалось глубокое сравнительное изучение всех национальных типов эпоса в рамках Кавказа, так как «изучение каждого из этих типов в отдельности будет лишено солидной научной основы, а параллели мирового масштаба могут оказаться преждевременными и поверхностными»³⁹⁹.

Участники совещания по нартовскому эпосу 1956 г.

Итоги научной конференции 1956 года способствовали активизации деятельности научных учреждений Северного Кавказа по сбору текстов эпоса, проведению научных изысканий и подготовке публикаций по теме. Результаты этой деятельности легли в основу второй научной конференции по нартовскому эпосу, состоявшейся в 1963 году в Сухуми. Осетинскую школу нартоведения представляли на конференции В. И. Абаев, З. В. Абаева, Б. А. Алборов, А. Х. Бязыров, Б. А. Калоев⁴⁰⁰. Научные форумы

³⁹⁹ Абаев В. И. Проблемы нартовского эпоса // Нартовский эпос. Материалы совещания 19-20 октября 1956 года. С. 28.

⁴⁰⁰ См.: Хамицаева Т. А. Итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 74-75.

нартоведов, организуемые обсуждения значительно расширили проблематику эпоса. Одним из направлений научных изысканий стало изучение связи осетинского нартского эпоса с эпосами других народов.

В исследуемый период наряду с нартовским эпосом в осетинской фольклористике более многоплановым становится изучение народного творчества. Большое внимание уделяется разным жанрам устного народного творчества. Среди них — семейно-обрядовая, календарно-обрядовая поэзия осетин, историко-песенный и детский фольклор и пр.

Послевоенные десятилетия, особенно 1950-е — 1960-е годы в истории осетинского литературоведения отмечены постоянно растущим интересом к жизни и творчеству основоположника осетинской литературы — Коста Хетагурова. Творческая, научно-публицистическая, общественная деятельность великого поэта стали предметом монографических исследований. Первая монография, в которой исследовалась творческая лаборатория «Осетинской лиры» Коста Хетагурова, принадлежала перу А. А. Хадарцевой. Работа увидела свет в 1955 году. Вскоре вышла книга Л. П. Семенова «К вопросу об отношении Коста к русской культуре». Монография, также как и предыдущее исследование, являлась итогом долгих лет кропотливой работы. В ней рассматривалась проблема литературных влияний, роли русской культуры и русской литературы в развитии осетинской художественной культуры. На конкретных примерах автор проследил тесную связь творчества Коста с русской литературой.

1956 год прошел под знаком 50-летия со дня смерти Коста Хетагурова. К этому времени было приурочено издание ряда его произведений. Впервые издается собрание сочинений поэта в трех томах под редакцией Х. Н. Ардасенова с переводом на осетинский язык почти всего того, что было написано Коста на русском языке. Тогда же в Москве издается «Избранное» Хетагурова.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов вышли подряд три монографии о жизни и творчестве поэта, написанные Н. Джусойти, В. Корзуном и Г. Кравченко⁴⁰¹. Последний из авторов предпринял

⁴⁰¹ Джусоев Н. Г. Коста Хетагуров. Сталинир, 1958; Корзун В. В. Коста Хе-

еще одну важную работу. Он приступил к созданию «Летописи жизни и творчества Коста Хетагурова». К сожалению, «Летопись...» осталась незавершенной.

*Группа ученых и писателей Осетии. Слева направо:
3-я З. М. Салагаева, 4-я К. Г. Цхурбаева, 5-я А. А. Хадарцева,
6-й В. И. Абаев, 10-й Н. Г. Джусойти*

Помимо общих работ, посвященных изучению жизни и деятельности поэта, исследовались и отдельные аспекты его творчества. Большой научный интерес представляло изучение проблемы соотношения литературы и фольклора в творчестве Коста Хетагурова. Этой теме была посвящена работа З. М. Салагаевой «Коста Хетагуров и осетинское народное творчество», вышедшая к 100-летию со дня рождения поэта. В работах Н. Г. Джусойти, А. А. Хадарцевой, К. Е. Гагкаева анализировались мировоззренческие аспекты творчества Коста, его исторические и этические взгляды, драматургическое наследие и театральная деятельность.

Наряду с исследованием творчества Хетагурова с середины 1950-х годов начинается монографическое изучение творчества и других осетинских писателей. В 1955 году вышла в свет книга, посвященная Коста Хетагурову. Очерк жизни и творчества. М., 1957; Кравченко Г. И. Коста Хетагуров. Жизнь и деятельность. Орджоникидзе, 1961.

священная творческому пути Арсена Коцоева. Большой литературоведческий интерес вызывало творчество Ивана Джанаева (Нигера). В 1956 году была издана монография С. Т. Марзоева «Проблема положительного героя в творчестве Нигера». Тогда же увидела свет работа А. А. Хадарцевой «Творческий путь Давида Туаева»⁴⁰².

Вначале осторожно, а затем все более активно в исследовательские планы стали включаться имена представителей национальной творческой интеллигенции, которых еще в начале 1950-х клеймили как «буржуазных националистов». Среди них были писатели, умершие еще до Октябрьской революции и в советское время, и те, кто подвергся политическим репрессиям и гонениям в 1930-е годы. То, что историки и литературоведы обратились к жизни и творчеству Елбыздыко Бритаева, Дзахо Гатуева, Инала Канукова, Батырбека Туганова, Георгия Цаголова являлось свидетельством менявшейся общественно-политической атмосферы, смягчения политического климата в стране во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов. Но широкому кругу читательской аудитории общественная деятельность и произведения этих представителей осетинской культуры, а также исследования, посвященные их жизни и творчеству, оставались малоизвестными. В отмеченные годы шло накопление и обобщение материала, осмысление творческого метода, что позднее превращалось в глубокие, добротные исследования. Так, спустя почти двадцать лет после начала исследовательской работы была опубликована монография З. Н. Суменовой, посвященная жизни и творчеству Инала Кануков⁴⁰³.

В целом, анализ состояния осетинского литературоведения середины 1950-х — середины 1960-х годов, свидетельствует о позитивных сдвигах в ней. Однако в отмеченные годы не удалось реализовать программу по написанию «Истории осетинской литературы», сформулированную в свое время Нигером. Неотработанность отдельных узловых литературоведческих вопросов, отсутствие научных исследований о жизни и творчестве отдельных писателей не позволили авторскому коллективу на должном научном уровне решить вопросы, позволявшие представить до-

⁴⁰² Хадарцева А. А. Становление и развитие осетинского литературоведения // СОИГИ 70 лет. С. 97.

⁴⁰³ Суменова З. Н. Инал Кануков. Жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1972

статочно полную картину истории осетинской литературы. Поэтому Х. Н. Ардасенов, возглавлявший исследовательскую группу, проанализировав полученные результаты, счел наиболее приемлемым написание не «Истории осетинской литературы», а «Очерка развития осетинской литературы», ограничившись при этом дореволюционным периодом. В 1959 году «Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период» увидел свет. В ней автор проследил литературный процесс в его историческом развитии, уделив существенное внимание вопросам зарождения и становления осетинской художественной литературы.

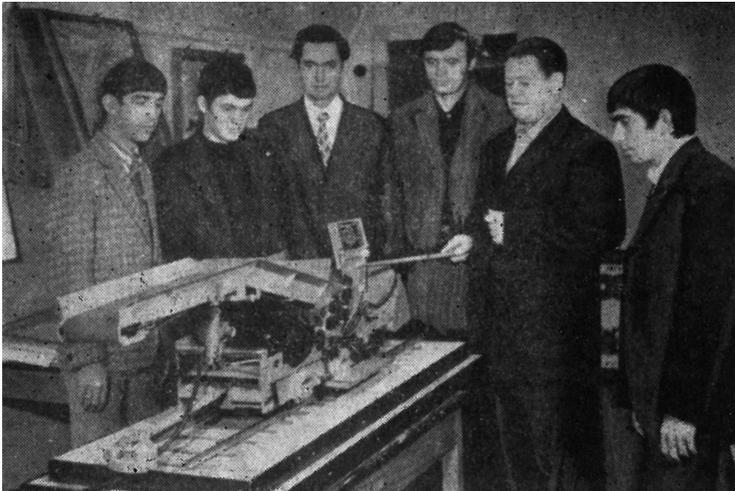
В целом во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов Особенности социально-экономического и политического развития Северной Осетии, в контексте общегосударственных задач, определяли приоритетные направления научной деятельности, включавшие как традиционные, так и новые области научного знания. Хозяйственно-экономическое развитие республики, рост индустриальных отраслей производства стимулировали развитие естественных наук, способствовали разработке передовых технологических новаций, обеспечивавших повышение эффективности производственных процессов, в частности, горнодобывающей промышленности и цветной металлургии, сельскохозяйственного производства. Изменение политического климата в обществе в значительной степени влияло на развитие общественных наук и, прежде всего, исторической науки. Во второй половине 1950-х — середине 1960-х годов расширяется тематика научных исследований, меняются оценки некоторых исторических событий, возвращаются имена несправедливо забытых или репрессированных ученых, писателей, художников. Но, несмотря на «оттепельные» перемены, неизменно оставался принцип сохранения идеологической и идейно-политической значимости всех научных изысканий, подчинение средней и высшей школы, всех общественных наук задачам воспитания граждан в духе советского патриотизма и преданности социалистическим идеалам. Данные установки в значительной мере определяли содержание и направление деятельности научных и научно-педагогических кадров вузов и научных учреждений в Северной Осетии во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов.

3.4. Основные исследовательские направления в области естественно-технических наук во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов

Научно-техническая революция формировала приоритеты в развитии различных отраслей науки. Необходимость решения атомной и ракетной проблемы, освоение космических просторов подняли на огромную высоту значение технического знания в СССР. В Северной Осетии научно-технический прогресс в большой степени ассоциировался с деятельностью Северо-Кавказского горно-металлургического института. СКГМИ стал крупным научно-исследовательским центром на Северном Кавказе. Научные исследования ученых института, как и в предыдущие годы, осуществлялись в неразрывной связи с потребностями и запросами предприятий горнодобывающего и металлургического комплекса страны.

Вторая половина 1960-х — начало 1970-х годов явились для научных подразделений Северо-Кавказского горно-металлургического института, так же как и для подавляющего большинства учреждений подобного типа, наиболее продуктивным периодом в плане научно-исследовательских изысканий. Исследовательская деятельность ученых и преподавателей института сосредоточивалась на нескольких главных направлениях: повышение эффективности горнодобывающей и металлургической промышленности, расширение сырьевой базы завода «Электроцинк», усовершенствование методов разработки месторождений полезных ископаемых, а также процессов извлечения цветных, благородных и редких металлов. Большое место в научных разработках занимали проблемы механизации и автоматизации производственных процессов, вопросы совершенствования организации труда на металлургических предприятиях Северного Кавказа. Многие научные разработки, направленные на совершенствование производственного процесса, повышение безопасности и улучшение условий труда, пройдя успешную апробацию на заводах «Электроцинк», «Победит», Садонском свинцово-цинковом комбинате, на многих других горнодобывающих и металлургических предприятиях

страны, затем внедрялись в производство. Сотрудники института активно сотрудничали с Тырныаузским комбинатом Кабардино-Балкарии. На протяжении 1960-х — начала 1970-х годов для комбината было выполнено более 20 научно-исследовательских работ. Одним из наиболее важных исследований, результаты которого нашли широкое применение в производстве, стала работа по изысканию рациональных параметров буро-взрывного комплекса при отработке скарных руд на руднике «Молибден». Внедрение этого новшества снижало трудоемкость выпуска руды. Ученые и преподаватели института профессор И. А. Остроушко, кандидаты технических наук Е. Г. Бобин, С. И. Крохин, В. И. Емекеев и другие выполнили немало других исследований для комбината. Они работали над решением таких научно-технических проблем, как механизированное заряджение скважин и минных камер пневмозарядниками, внедрение опытной системы автоматического регулирования процесса среднего дробления.

*Профессор В. И. Емекеев и доцент А. Г. Ключев со студентами
на полигоне горных машин*

Важным фактором оценки исследовательской деятельности работников института являлось его официальное признание. В частности, в 1966 году СКГМИ был присужден диплом второй

степени Выставки достижений народного хозяйства СССР за разработку и внедрение в производство пневматических колонн для зарядки взрывных скважин и узлов.

Финансирование научно-исследовательских работ осуществлялось по двум каналам: за счет государственных бюджетных средств и заключения хозяйственных договоров. Ограниченность бюджетных вливаний делала второй способ более предпочтительным. Государство поощряло его, но жестко контролировало при этом доходы. В 1971-1975 годах объем хоздоговорных работ, выполненных сотрудниками института, составил 3 млн. 625 тыс. рублей. Из этой суммы доля вложений, выделенных предприятиями Северной Осетии на проведение исследований, составляла 2 млн. 25 тыс. рублей⁴⁰⁴.

В Северо-Кавказском горно-металлургическом институте довольно успешно действовала практика привлечения к работе по госбюджетным и хоздоговорным проектам студентов. Это была одна из важных организационных форм привлечения молодых людей к научно-исследовательской деятельности. Работа велась в студенческих научных кружках. Но наиболее эффективным видом научного творчества признавались студенческие конструкторские бюро. Студенты СКГМИ спроектировали семь планетарных редукторов для завода «Электроцинк». Среди изобретений были различные приборы и устройства, которые рекомендовались для внедрения на предприятиях страны. В 1970 году в студенческом конструкторском бюро строительного факультета для Бесланского маисового комбината по исследованиям института, проводившимся на хоздоговорной основе, были выполнены 10 курсовых работ, а в следующем году на это предприятие на два месяца был откомандирован студенческий отряд «Наука», освоивший 50 тыс. рублей⁴⁰⁵.

В 1974 году в Москве состоялась выставка, посвященная Северо-Кавказскому научному центру высшей школы. Она проходила под девизом «Участие молодых ученых и специалистов в ускорении научно-технического прогресса». На ней были представлены

⁴⁰⁴ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 39-40.

⁴⁰⁵ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С.41.

25 научно-исследовательских работ молодых ученых и студентов Северо-Кавказского горно-металлургического института. В 1970-е годы на кафедре промышленной электроники действовало студенческое конструкторское бюро «Инвертор», выполнявшее в год 15-20 курсовых и 7-10 дипломных проектов. Коллективом СКБ была выполнена работа для одного из предприятий г. Киев. Опытный образец успешно работал и был рекомендован для серийного внедрения в промышленное производство. Предполагаемый экономический эффект от внедрения одного образца составлял 20 тыс. рублей. Такие изобретения демонстрировали высокий научный потенциал молодых исследователей Северо-Кавказского горно-металлургического института⁴⁰⁶.

В 1960-е — 1970-е годы движение изобретателей в СКГМИ получило широкое распространение. Координация деятельности изобретателей и рационализаторов в этом направлении осуществлялась через патентно-информационную и метрологическую службы, созданные в 1975 году. Во второй половине 1970-х годов ученые института подали 185 заявок на изобретения и 105 из них были рекомендованы к получению авторских прав. В институте хорошо были известны имена профессоров А. М. Давидсона и П. А. Воронина, являвшихся авторами 10 изобретений. Ежегодный экономический эффект от изобретений доцента А. И. Денисова составлял свыше полумиллиона рублей. Изобретение профессора А. В. Ягупова «Способ самоизмельчения руд и других минеральных материалов и устройство для его осуществления» успешно выдержало испытания на Днепровском электродном заводе в г. Запорожье. Оно вызвало интерес западных ученых. О признании значимости изобретения свидетельствовали и патенты, выданные автору в США, Канаде и Франции. Изобретательством и рационализацией занимались и многие другие научные сотрудники и преподаватели вуза: профессор Е. В. Маргулис, доценты В. А. Кечин, К. К. Мулухов, Е. Г. Бобин и другие. Экономический эффект от внедрения изобретений ученых СКГМИ только за три года с 1978 по 1980 год составил 1 млн. 252 тыс. рублей⁴⁰⁷.

⁴⁰⁶ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 41.

⁴⁰⁷ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 53-54.

В изобретательской деятельности тесно переплетались творческое и практическое начало. Идея ученого получала реальное воплощение в жизни благодаря работе инженеров и техников. Нередко складывались довольно устойчивые и успешные тандемы. В активе профессора В.И. Емекеева и старшего инженера научно-исследовательского сектора В.В. Сергеева, к примеру, насчитывалось 14 авторских свидетельств⁴⁰⁸.

Большим недостатком в организации научно-исследовательской деятельности являлось то, что значительное число изобретений так и оставалось на уровне авторских разработок и не получало применения в промышленном производстве. Крайне негативное влияние на результативность изобретательской деятельности оказывала неразвитость системы материального и морального стимулирования со стороны государства как на уровне разработки и реализации идеи, так и внедрения ее в производство.

Примерно такая же ситуация складывалась и в отношении многих научных разработок ученых Северо-Кавказского горно-металлургического института. Подавляющее большинство перспективных исследовательских работ, из-за отсутствия должной организации научной и технической доводки изобретения, нехватки государственного финансирования, незаинтересованности производственного комплекса в совершенствовании технологического процесса и повышении эффективности труда, оставалось на уровне эксперимента. Такое нерациональное использование творческого потенциала профессиональных кадров одного из ведущих технических вузов Северо-Кавказского региона неблагоприятно отражалось на развитии конструкторской мысли, сдерживало творческий процесс, порождало социальную апатию и вело в конечном итоге к отставанию в важных сферах, определявших научно-технический прогресс. Застойные тенденции особенно отчетливо стали проявляться к началу 1980-х годов. Наряду с другими факторами (традиционно более высокий интерес среди представителей титульной национальности к гуманитарным отраслям знания, наметившаяся тенденция пере-производства кадров специалистов, и соответственно падение

⁴⁰⁸ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 54.

спроса на них, низкий уровень оплаты труда инженерно-технического персонала и др.), они вели к падению интереса к овладению инженерно-техническими специальностями. Вместе с тем падал престиж учебных заведений технического профиля, в том числе Северо-Кавказского горно-металлургического института.

В структуре общественного производства Северной Осетии сельское хозяйство занимало традиционно высокое место. Со второй половины 1960-х годов сельскохозяйственная наука в республике получает новый импульс, обусловленный снятием идеологических препон для развития генетики, биофизики, биохимии. Разработка научных и практических вопросов растениеводства, земледелия, животноводства, механизации, электрификации сельского хозяйства с учетом новых требований общественно-технического прогресса велась на базе филиала Всесоюзного научно-исследовательского института крахмала и патоки при Бесланском маисовом комбинате, на базе научно-исследовательской лаборатории, учебно-опытного хозяйства, факультетских и кафедральных лабораторий Горского сельскохозяйственного института. Значительное расширение исследовательской проблематики в области сельскохозяйственной науки стало возможно в результате создания в 1971 году на базе существовавших научно-исследовательских подразделений, в том числе сельскохозяйственной опытной станции, Северо-Кавказского научно-исследовательского института горного и предгорного сельского хозяйства. Аналогичные сельскохозяйственные станции в свое время были созданы при участии ученых Горского сельскохозяйственного института и в соседних северокавказских республиках: Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии. Практическим полигоном для организации научно-исследовательской работы и внедрения научных разработок были хозяйства республики, а также колхозы, совхозы и промышленные предприятия автономных республик Северного Кавказа.

Научные традиции, заложенные основателями Горского сельскохозяйственного института В.Ф. Раздорским, Д.А. Тарноградским, Н.В. Рязанцевым, А.М. Панковым были продолжены их учениками и следующими поколениями выпускников вуза

Х. Б. Дзанаговым, К.И. Трофименко, Е. В. Рубилиным, И. С. Грабовским, Н. А. Крестовым, и многими другими. Укрепление материально-технической базы института, формирование профессиональных научных кадров способствовало расширению научно-исследовательских возможностей его подразделений. Научно-исследовательская и опытно-конструкторская работа велась по госбюджетной и хоздоговорной тематике⁴⁰⁹.

Основными исследовательскими направлениями в области сельскохозяйственной науки в 1970-е годы являлись разработка теоретических основ и методов программирования высоких урожаев сельскохозяйственных культур на обычных и мелиорируемых землях; изучение закономерностей формирования почв, почвенного покрова и его сельскохозяйственного использования, составление почвенных карт и классификация почв.⁴¹⁰

Большим вкладом в изучение строения, состава, свойств предгорной зоны Северной Осетии стали исследования, проводившиеся на протяжении многих лет под руководством Е. В. Рубилина. Ученым было опубликовано более 100 работ по генезису и географии почв края. Основные результаты исследовательской работы были изложены в монографии «Почвы предгорий и предгорных равнин Северной Осетии».

Масштабные исследования почв Северо-Кавказского региона были проведены профессором П. Е. Простаковым. Результаты работы были обобщены в двухтомной монографии «Агрономическая характеристика почв Северного Кавказа». Немаловажное значение имело исследование староместных сортов сельскохозяйственных культур Центрального и Восточного Предкавказья. Эти исследования закладывали фундамент для развертывания селекционной работы.

Одним из наиболее важных направлений в области селекции сельскохозяйственных культур являлась работа по выведению новых сортов кукурузы, занимавшей значительное место в структуре сельскохозяйственного производства республики. Повышенное внимание со стороны руководства страны к возмож-

⁴⁰⁹ См.: 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 25-29.

⁴¹⁰ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 53.

ностям Северной Осетии в возделывании этой культуры служило важным стимулирующим и поддерживающим фактором развития селекционной работы в этом направлении. Ученые-аграрии искали способы выведения новых сортов и гибридов кукурузы, повышения их урожайности. Работа велась на базе агрономического факультета Горского сельскохозяйственного института и сельскохозяйственной опытной станции. Начиная с 1971 года, в селекционную работу активно включились научные сотрудники Северо-Кавказского научно-исследовательского института горного и предгорного сельского хозяйства.

В 1970-е годы Институт горного и предгорного сельского хозяйства последовательно работал над решением задач интенсификации сельскохозяйственного производства. Наряду с селекционной деятельностью ученые-аграрии проводили исследования по использованию водных ресурсов Северного Кавказа при возделывании сельскохозяйственных культур, разрабатывали вопросы орошения земель в различных природно-климатических зонах региона⁴¹¹.

Многие годы селекционной деятельностью по выведению новых сортов кукурузы занимались профессора сельхозинститута К.И. Трофименко, Ф. Я. Коновалов. Среди ученых-селекционеров, добившихся заметных результатов в создании новых сортов сельскохозяйственных культур был профессор А. Б. Саламов. В результате многолетних, кропотливых изысканий он вывел новый сорт кукурузы «Осетинская белая зубовидная», гибриды «ВИР — 37», «Горская желтая кремнистая», «Круг грозненский». Работа над выведением новых сортов кукурузы происходила с учетом природно-климатических и почвенных возможностей региона. Ученые занимались большой селекционной работой по выведению новых сортов традиционных сельскохозяйственных культур. К примеру, А. Б. Саламовым был создан сорт помидоров «Терский», сорт фасоли «Осетинская 302». Новые сорта карликовых и полукарликовых подвоев вывел профессор Р. Г. Цаболов. Его подвои получили широкое распространение по всему Северному Кавказу⁴¹².

⁴¹¹ 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 27.

⁴¹² 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному уни-

А. Б. Саламов

На агрономическом факультете Горского сельскохозяйственного института в рассматриваемые годы продолжалась работа по выведению новых сортов многолетних трав, картофеля и других культур. Обследовались и изучались сорта сельскохозяйственных культур, распространенных в Центральном и Восточном Предкавказье, которые служили исходным материалом для получения новых селекционных сортов. Многие научные разработки ученых Горского сельскохозяйственного института проходили апробацию, а затем внедрялись на колхозных и совхозных полях Северной Осетии и других северокавказских республик⁴¹³.

Успех внедрения открытий селекционеров во многом зависел от координации научно-исследовательской деятельности многих ученых-аграриев. Вопросы теории и практики водопотребления сельскохозяйственных культур, возделываемых в республиках Северного Кавказа, были исследованы профессором Г.К. Лыговым. Он разработал научные рекомендации по орошению земель в различных природно-климатических зонах региона. И поныне не потеряли своей научной значимости и работы профессора Г.Е. Немерюка, открывшего круговорот солей в результате их миграции в атмосферу из почвы и растений. Изучением влияния органических удобрений на почвы и растения и разработкой рекомендаций по их применению в различных районах Северного Кавказа на протяжении 1960-х — 1980-х годов занимался профессор Г.Г. Джанаев.

Зоотехническая наука в Северной Осетии развивалась по нескольким основным направлениям: совершенствование пород различных видов сельскохозяйственных животных, разработка новых методов лечения болезней крупного и мелкого рогатого скота, формирование кормовых рационов и т.д. Проблемой совершенствования местных пород скота многие годы занимался про-

верситету 90 лет. С. 27.

⁴¹³ 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. Орджоникидзе, 1977. С. 16.

Г. Г. Джанаев

фессор Х. Б. Дзанагов⁴¹⁴. Он вывел породу коров, приспособленных к жизни в суровом горном климате, дававших удои молока до 3 тыс. килограмма в год с четырехпроцентной жирностью.

Одним из важных направлений сельскохозяйственного производства являлось развитие овцеводства. Совершенствование популяции овец в Северной Осетии и на Северном Кавказе занимались профессора ГСХИ Г. Ф. Мухин, Г. С. Авсаджанов, М. А. Жаболиев. Исследованием вопросов закономерностей роста, развития кожного и шерстного покрова овец разных пород и разных групп занимался Г. С. Авсаджанов. Изучению Карачаевской и Осетинской породы овец и созданию рассадника для их разведения посвятил свои работы Г. Ф. Мухин. Довольно продолжительное время М. А. Жаболиев трудился над созданием кроссбридных овец на основе скрещивания пород овец «Осетинской», «Ставропольской» и «Линкольн».

Предметом научного интереса профессора Д. И. Войтко являлся вопрос совершенствования продуктивных качеств свиней крупной белой породы.

Еще одним направлением деятельности ученых-зоотехников и ветеринарных врачей являлась работа над совершенствованием качества молочной продукции. В частности, вопросами производства биомолока занимался доцент А. А. Анатовский. Он был одним из первых, кому удалось выделить штаммы микроорганизмов, пригодные для производства биомолока.

Научные исследования в области агроинженерии проводились в Горском сельскохозяйственном институте практически со дня его основания. Однако слабая материальная и научно-техническая база сдерживали развитие исследовательских работ. Ситуация стала выправляться начиная с 1950-х годов, когда ученые

⁴¹⁴ Первый выпуск института состоял из трех человек. Одним из них был Х. Б. Дзанагов. Он стал также первым среди осетин доктором сельскохозяйственных наук. — 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 29.

института занялись совершенствованием конструкций сельскохозяйственных машин, с целью приспособления их для работы в условиях горного и предгорного ландшафта. В эти годы, в частности, были созданы приспособления к зерноуборочному комбайну для уборки эфирномасличных культур.

Заметное продвижение в развитии инженерной науки наметилось в 1960-е — 1970-е годы. В эти годы под руководством А. В. Калоева развернулась работа по созданию системы автоматического вождения колесных тракторов. На рубеже 1970-х — 1980-х годов на испытательном полигоне ГСХИ были проведены успешные испытания этой системы. Она была признана одной из лучших в мире среди подобных систем⁴¹⁵.

*Виноградоуборочный
комбайн ВК.*

Автор И. А. Стоюшкин

Работы профессора И. А. Стоюшкина положили начало новому методу комбайновой уборки винограда в СССР. Практически одновременно с североосетинскими учеными над этой же проблемой работали американские инженеры. В 1970-е годы в результате научной и опытно-конструкторской работы группы И. А. Стоюшкина, в которую входили Г. И. Гребенюк, С. М. Джибилов, Б. Х. Котиев, П. А. Козаев, Ю. Н. Саватеев, Т. О. Тебиев, был

создан комбайн для уборки технических сортов винограда ВК-1. В 1977 году впервые в мировой практике виноградарства виноуборочным комбайном в производственных условиях проведена уборка урожая технических сортов винограда методом прямого комбайнирования с переработкой ягод на сусло в процессе их сбора. В процессе испытания достигалась высокая производительность труда. При одном обслуживающем человеке выработка комбайна за 8-10 часов работы составляла 4-5 га. Для уборки урожая такой площади вручную требовался труд 80-100 человек⁴¹⁶.

⁴¹⁵ 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 30.

⁴¹⁶ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 59.

В 1980-е годы эта машина дважды проходила модернизацию. На ее базе Б. Х. Котиевым и С. М. Джибилловым был создан комбайн ВК–2, установивший мировой рекорд по сезонной выработке. Другая модель комбайна ВК-2М, модернизированная С. М. Джибилловым и А. Б. Кудзаевым под руководством И. А. Стоюшкина, также с успехом прошла государственные испытания. Разработанный группой И. А. Стоюшкина способ сбора винограда получил патенты многих западных государств, в том числе Германии, Италии, Франции⁴¹⁷.

В 1970-е годы созданные на базе Горского сельскохозяйственного института научно-исследовательские лаборатории и конструкторские бюро: Опытно-селекционная станция, Центральное конструкторское бюро с экспериментальным цехом (в 1973 году), отраслевая научно-исследовательская лаборатория биотехнологии производства кормового белка, отраслевая лаборатория садовых машин и другие подразделения (в 1979 году) способствовали активизации научных разработок в сфере технического оснащения и усовершенствования технологических процессов в сельскохозяйственном производстве. В 1969-1970 годах профессором Ю. И. Крамаровым на факультете электрификации была создана лаборатория по применению токов повышенной частоты в сельскохозяйственном производстве. На протяжении 1970-х — 1980-х годов на базе этой лаборатории, под руководством Ю. И. Крамарова, а после его гибели профессора И. К. Хузмиева, были осуществлены многие научно-технические проекты, предусматривавшие разработку новых методов и средств применения электроэнергии повышенной частоты в сельскохозяйственном производстве; создание электрооборудования для электрообогрева, освещения, облучения и создания микроклимата в теплицах и прочее, и имевшие большое значение для развития различных отраслей сельского хозяйства. В перечне изобретений лаборатории были электрофарезы для обработки почвы, измельчители кормов, стригальные машины, водоподъемные установки, ветроэнергетические станции, малые гидростанции, мостовые агрегаты, аэро-

⁴¹⁷ 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. С. 30

зольные генераторы и др. Безредукторный молочный сепаратор был удостоен 4-х медалей ВДНХ СССР, генератор импульсов для электроизгороди — серебряной медали ВДНХ и золотой медали Лейпцигской ярмарки. Статический преобразователь частоты тока для электродвигательных агрегатов получил 2-ую премию ВДНХ.

Разработки лаборатории садовых машин ГСХИ, создававшиеся в тесном сотрудничестве с ГСКБ «Плодсельхозмаш», Всесоюзным институтом сельскохозяйственного машиностроения, Всероссийским институтом садоводства и питомниководства, также неоднократно отмечались на различных выставках и конкурсах. Плодоуборочный комбайн МПУ-1А был удостоен на ВДНХ золотой медали и получил высокую оценку специалистов немецкой технической палаты на Лейпцигской ярмарке. Большой интерес в ряду образцов плодоуборочной техники, созданных научными сотрудниками лаборатории, представляла машина МПУ-3. Она имела простую конструкцию и была весьма эффективна при возделывании садов на склонах.

Все создававшиеся сельскохозяйственные машины проходили испытания на опытной станции института. Здесь отрабатывались приемы механизации посевов пропашных культур, испытывалась работа кукурузоуборочных машин, приспособлений к зерновому комбайну для уборки эфирномасличных культур. Опытная станция позволяла находить наиболее рациональные и приемлемые типы и наборы машин для механизации обработки и уборки сельскохозяйственных культур в конкретных географических и природно-климатических условиях, выявить способы их наиболее эффективной эксплуатации⁴¹⁸. Горский сельскохозяйственный институт и сельскохозяйственная опытная станция успешно работали во многих направлениях сельскохозяйственной науки.

Однако общим недостатком в деятельности научных подразделений Горского сельскохозяйственного института, Северо-Кавказского научно-исследовательского института горного и предгорного сельского хозяйства, впрочем, как и всех научных учреж-

⁴¹⁸ См.: 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 16-19.

дений республики, являлся низкий процент внедрения научных разработок на промышленном уровне.

Причина низкой эффективности результатов научной деятельности крылась в слабом финансировании научных проектов на начальном этапе и стадии их доработки, в отсутствии производственных возможностей для внедрения конечного продукта, в инерционности мышления потребителей, в нескоординированной деятельности сторон, ответственных за внедрение научно-технических разработок в производство. В итоге, многие научные разработки осваивались не полностью, оставаясь на уровне эксперимента, или не реализовывались вовсе. В лучшем случае лишь половина изобретений внедрялась в массовое производство.⁴¹⁹

В 1960-е — 1980-е годы одним из главных подразделений вузовской науки оставался Северо-Осетинский государственный медицинский институт, на базе которого развивалась медицинская наука. Традиционными направлениями научно-исследовательской работы научных подразделений медицинского института на протяжении всей ее истории являлись проблемы непосредственно связанные с проявлениями краевой и профессиональной патологии. Актуальность сохраняли исследования факторов, вызывавших заболевания желудочно-кишечного тракта, дыхательных путей, опорно-двигательной системы, щитовидной железы и других систем организма, разработка методов их лечения и профилактики. Благодаря научным разработкам профессоров и преподавателей мединститута удалось добиться позитивной динамики в лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта, болезней эндокринной системы, совершенствовалась методика лечения хирургическими средствами болезней желудка. Развивались и другие разделы клинической медицины: травматология и ортопедия. В них внедрялись новые методы диагностики и оперативного лечения.

Большой объем научно-исследовательской работы имел конкретную, практическую направленность и был обусловлен нали-

⁴¹⁹ Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. Т. 2. С. 130.

чем в республике горнорудной и металлургической промышленности. Многие исследования, связанные с выяснением влияния этих производств на здоровье человека и профилактикой заболеваний, проводились на базе заводов «Электроцинк», «Победит», Садонского свинцово-цинкового комбината. Часть научных исследований осуществлялась за счет бюджетных средств, другие выполнялись как хоздоговорные работы. В 1975 году

А. Х. Адырхаев

институт работал над четырьмя договорными темами: «Изучение общей реактивности организма под влиянием производственных факторов свинцово-цинкового производства (М. С. Ахриева, М. Д. Дигоева)», «Распространенность и особенности течения бронхитов и других пылевых болезней легких у рабочих в основных цехах завода «Победит» и разработка профилактических мероприятий (А. Х. Адырхаев, З. Е. Дзугкаев, Г. А. Георгиади)», «Эффективность медико-биологических методов профилактики заболеваний среди работающих в основных цехах завода «Электроцинк» (О. Г. Хугаева, Т. Г. Бутаева, Е. Т. Алферова, С. Д. Беляев)», «Изменения слизистой оболочки верхних дыхательных путей у рабочих завода «Победит» при интоксикации аэрозолем молибдена и кобальта (Г. А. Георгиади)».

Интересно рассмотреть характер проводившихся работ на примере одной из перечисленных тем. Так, работа Г. А. Георгиади была предпринята с целью выяснить характер изменений слизистой оболочки верхних дыхательных путей у рабочих завода «Победит», работавших в цехах, в воздушной среде которых имелись аэрозоли тяжелых металлов, в том числе молибдена и кобальта. При проведении исследования использовались известные в науке методики (риноцитоскопия, ольфактометрия, ринопневмометрия). В эксперименте участвовали 200 рабочих, из них считались здоровыми 40 мужчин и 65 женщин. Большинство здоровых рабочих имели небольшой стаж работы, до трех лет. Но даже у них были выявлены те или иные изменения слизистой оболочки полости носа и функции обонятельного анализатора, проявляв-

шиеся в снижении обоняния, нарушении функций мерцательного эпителия, дегенеративных изменениях в клетках цилиндрического эпителия слизистой оболочки полости носа. Рабочих с гиперпластическими процессами в гортани, с явлениями хронического тонзиллита и отита брали на диспансерный учет. В отдельных случаях рекомендовалось изменить профессию⁴²⁰.

Подобные исследования проводились на многих предприятиях республики. Как правило, объем финансирования этих работ был невелик. Поэтому выводы по результатам проводившихся исследований носили рекомендательный характер для медико-санитарных частей предприятий. В данной ситуации эффективность научных исследований, их влияние на снижение показателей заболеваемости среди персонала в большой степени зависела от позиции руководителей предприятий. Если руководство предприятия не игнорировало, а учитывало рекомендации ученых и выделяло средства на осуществление мер по улучшению условий работы в цехах, оказанию квалифицированной медицинской помощи, периодически организовывало профилактические осмотры, обеспечивавшие своевременное выявление первых симптомов интоксикации, и проводило диспансеризацию, то это благотворно сказывалось на здоровье работников, занятых во вредном производстве.

В 1970-е годы организация научно-исследовательской работы в вузах и научных учреждениях строилась в русле борьбы с «мелкотемьем» и «многопроблемностью». С учетом этих требований осуществлялась исследовательская деятельность научных подразделений Северо-Осетинского медицинского института. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РСФСР от 15 июня 1977 года научный профиль СОГМИ был определен пятью проблемами: 1. Научные основы профилактики, диагностики и лечения важнейших инфекционных заболеваний, в том числе вирусных и природно-очаговых; 2. Научные основы гигиены труда и профпатологии; 3. Травма, травматизм и ортопедические заболевания; 4. Научные основы применения физических факторов внешней среды в лечебных и профилак-

⁴²⁰ ЦГА РСО — А.. Ф. 687. Оп. 4. Д. 55. Л.34.

ческих целях; 5. Физиология, патология и биохимия эндокринной системы⁴²¹.

В соответствии с отмеченными проблемами, остававшимися основными научными направлениями с момента организации медицинского института, осуществлялось программно-целевое планирование научно-исследовательской деятельности. Масштабы и характер работы во многом определялись условиями и потребностями республики. Основная тематика была тесно связана с вопросами краевой патологии. Данное обстоятельство определило интерес к изучению физиологии и патологии эндокринной системы, патогенеза, лечения и профилактики эндокринных заболеваний.

Начало этому научному направлению в республике положили исследования И. Г. Дзилихова, Е. Я. Резницкой, Б. М. Брина, Н. Н. Прониной. Проблемы эндокринологии, в частности, изучения эндемического зоба в Северной Осетии, морфологии зоба, его распространенности по отдельным населенным пунктам, хирургического лечения в 1970-е — 1980-е годы оставались в центре внимания

Р. Д. Хубецова

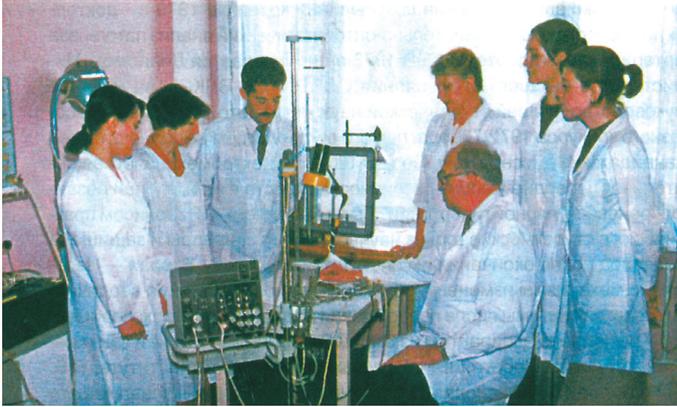
ученых института Р. Д. Хубецовой, Ф. С. Дзугкоевой, В. Б. Брина, З. В. Хетагуровой, В. Х. Дзобелова, Д. А. Езеевой, Ф. А. Николовой. Благодаря внедрению разработок этих ученых в медицинскую практику наметилось снижение показателей заболеваемости эндемическим зобом. Разрабатываются новые методы лечения и профилактики тиреотоксикоза и сахарного диабета⁴²².

Другим важным направлением научных исследований медицинского института в 1960-е — 1970-е годы являлась проблема профилактики, диагностики и лечения инфекционных, паразитарных и венерических заболеваний. Заметный вклад в развитие этих направлений медицины внесли научно-практические исследования профессоров К. Т. Овнатаняна, А. Е. Хаева, З. Г. Басиева, А. М. Рамоновой, доцентов И. А. Отараева, З. И. Калитиной,

⁴²¹ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 6.

⁴²² История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. 1939-1999. Владикавказ, 2001. СС.44-45.

А. А. Езеева. Внедрение новых методов лечения, пропаганда и осуществление санитарно-гигиенических мероприятий обеспечили резкое снижение заболеваемости населения республики бруцеллезом, трихинеллезом, гельминтозами, токсоплазмозом, трахомой.

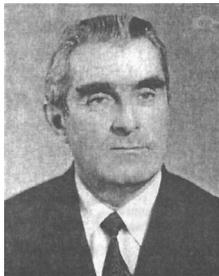

В. Б. Брин с сотрудниками кафедры нормальной физиологии

Важнейшим достижением в области здравоохранения и медицинской науки в республике стала положительная динамика в лечении туберкулеза, одного из самых тяжелых и распространенных заболеваний в крае. Внедрение в медицинскую практику флюорографических установок и всеобщая диспансеризация населения с начала 1950-х годов позволили проводить массовые осмотры населения на выявление туберкулеза. Широкое применение в практике лечения туберкулеза находили новейшие методы с использованием новых лекарственных средств, прежде всего антибиотиков. Важным исследовательским направлением являлось изучение проблемы лечения этой сложнейшей болезни на фоне других серьезных заболеваний. К примеру, в середине 1970-х годов Ф. Х. Шамилевой, С. Б. Хетагуровой под руководством З. Г. Басиева были проведены изыскания и клинические испытания по теме: «Лечение больных туберкулезом легких с сопутствующей патологией». Ученые предложили оптимальные схемы лечения больных с заболеваниями желудочно-кишечного тракта, печени, сердечно-сосудистой системы, основанные на

опыте лечения 200 человек. При лечении использовалась внутривенная химиотерапия туберкулеза. Форма сопутствующей патологии определяла комбинацию этиотропной и патогенетической терапии. При рациональной комбинированной терапии удовлетворительные результаты получались даже у тяжелого контингента больных, страдающих язвенной болезнью желудка, хроническим гепатитом, циррозом печени. Методика лечения была внедрена в 8-ми отделениях Республиканского противотуберкулезного диспансера⁴²³.

В 1960-е — 1970-е годы учеными и преподавателями Северо-Осетинского медицинского института немало делалось для внедрения достижений медицинской науки в работу органов здравоохранения республики. В 1973 году из ректората на кафедры института было направлено 37 методических писем и инструкций, предназначенных для внедрения на практике. В том же году было получено методическое письмо о клинике лечения токсикозов у детей. По инициативе профессора Е. Ф. Чамоковой состоялась клиническая конференция, обсудившая методическое письмо. Решения, принятые по итогам обсуждения были положены в основу работы вновь созданного отделения интенсивной терапии детской больницы. Тогда же стали применяться аллергологические методы диагностики и специфической терапии бронхиальной астмы при лечении детей. Одновременно началась подготовка специалистов, способных работать с новыми методиками⁴²⁴.

У. Т. Такулов

Большие возможности для внедрения медицинских достижений открывались на кафедрах хирургического профиля. В 1970-е — начале 1980-х годов в клинике общей хирургии успешно продвигалась работа по внедрению в практику операции резекции желудка в модификации профессора У. Т. Такулова, с 1963 по 1978 год заведовавшего кафедрой общей хирургии Северо-Осетинского медицинского института. Внедрялась

⁴²³ ЦГА РСО — А., Ф. 687. Оп.4. Д. 55. Л. 19.

⁴²⁴ ЦГА РСО — А., Ф. 687. Оп.4. Д. 41. Л. 121-122.

сакроспинальная блокада в комплексном лечении острых панкреатитов, проводилось электрохирургическое лечение больных с варикозным расширением вен нижних конечностей. Кафедра госпитальной хирургии занималась также разработкой метода брюшного диализа, фонографией брюшной полости при перитонитах на аппарате, разработанном учеными института. В работу хирургического отделения Республиканской больницы внедрялась перитонеоскопия при острых хирургических заболеваниях. В стоматологическом отделении больницы при лечении больных стал широко применяться гемодез; внедрялся опыт работы по использованию формализованной гомокости при цистэктомии и секвестрэктомии, разработанные в центральных медицинских институтах⁴²⁵.

Богатая природа, целебные минеральные источники Северной Осетии создавали уникальные возможности для развития курортного комплекса. В 1960-е — 1980-е годы изучение и использование курортных ресурсов республики по-прежнему оставалось одним из ведущих направлений в планах научно-исследовательской работы СОГМИ. На базе действовавших в высокогорных районах республики санаторно-курортных учреждений (санатории в Цее, Фаснале, Нузале) продолжалась работа по совершенствованию методов лечения и профилактики туберкулезных больных⁴²⁶.

Концентрация сил и средств на развитие этого направления создавала благоприятные предпосылки для развития исследований в области лечебного использования минеральных вод Северной Осетии при лечении больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями, ревматоидным артритом, хроническими заболеваниями желудочно-кишечного тракта, мочеполовой системы, с эндокринными и кожными заболеваниями. В 1970-е — 1980-е годы продолжалось активное исследование содержания и химического состава вод Кармадонских источников, курортов «Серноводск», изучение влияния их на организм человека. На основе проведенных исследований затем сложился целый комплекс лечебно-профилактических мероприятий, направленных на лечение заболева-

⁴²⁵ ЦГА РСО — А.. Ф. 687. Оп.4. Д. 41. Л. 123-124.

⁴²⁶ Здравоохранение и медицина в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. Вып. 7. Ч. 1. С. 26-27.

ний желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой и опорно-двигательной системы.

Исследование проблем курортологии шло по пути разработки показаний и противопоказаний к использованию курортных факторов Северной Осетии. По результатам научных исследований в области курортологии в 1970-е годы были защищены 2 докторские и 12 кандидатских диссертаций, изданы 3 монографии, 4 сборника научных трудов, проведе-

Н. Н. Пронина

ны научно-практические конференции и юбилейная научная сессия совместно с Пятигорским НИИ курортологии⁴²⁷. Изучением лечебного действия высококонцентрированных сероводородных ванн курорта «Тамиск» при истинной экземе, изучением ряда показателей функционального состояния организма и разработкой рациональных методов сульфидной бальнеотерапии занимался Б. А. Тотоонов. В 1983 году по этой теме им была защищена докторская диссертация — первая по дерматологии в Северной Осетии и первая по дерматокурортологии на Северном Кавказе⁴²⁸.

Разработкой вопросов влияния курортных факторов на здоровье населения и развития курортной зоны в регионе занимались многие другие преподаватели и научные сотрудники СОГМИ: Н. Н. Пронина, И. Х. Габанова, Е. Ф. Чамокова, А. Х. Адырхаев, З. В. Хетагурова, Л. М. Мосин, С. Я. Иоффе, Л. Б. Мальцева и т.д. Серьезное внимание уделялось проблеме внедрения научных разработок. К примеру, по результатам выполненных в 1977 году научных исследований институт включил в план внедрения на 1978-1979 годы 25 предложений, в том числе 5 союзного значения по практическому использованию Тибских минеральных вод, 4 — федерального уровня и 16 — местного. В 1978 году в Бюро рационализации и изобретательства было представлено 3 заявки на регистрацию изо-

С. Я. Иоффе

⁴²⁷ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 8-9.

⁴²⁸ История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. С. 340-341.

бретения и оформлено 17 рационализаторских предложений⁴²⁹. Санатории и курорты Северной Осетии пользовались большой популярностью. В республику приезжали лечиться не только из европейской части России, но и из Сибири и других регионов Советского Союза.

3.5. Развитие осетиноведения в контексте социально-политических процессов второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов

В исследуемый период одним из центров научной мысли Осетии оставался Северо-Осетинский государственный педагогический институт, занимавшийся наряду с подготовкой преподавательских кадров разработками в области гуманитарных и естественных наук. Важнейшим в истории вузовского образования и науки Северной Осетии стал 1969 год. В этом году Северо-Осетинский государственный педагогический институт на основании постановления Совета Министров СССР от 2 ноября 1967 года был преобразован в Северо-Осетинский государственный университет Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. В ведение университета, помимо уже существовавших образовательных структур, были переданы учебно-консультационные пункты Всесоюзного юридического института и Заочного института торговли, расположенные в г. Орджоникидзе. На их основе были созданы юридический и экономический факультеты.

Приобретение в 1969 году Северо-Осетинским пединститутом университетского статуса повлекло за собой значительные структурно-функциональные изменения в высшем учебном заведении, отражавшиеся на укреплении материально-финансовой базы, расширении подготовки научно-педагогических кадров. Повышались требования к университету как к высшему учебному заведению, ответственному за организацию эффективной научной деятельности в области технологических и обществовед-

⁴²⁹ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 85. Л. 9.

ческих проблем, подготовку научных и педагогических кадров не только для своей республики, но и для других регионов страны.

В конце 1960-х — начале 1980-х годов основными направлениями научно-исследовательской работы в области естественных и технических наук являлись физика и технология полупроводниковых соединений и создание приборов на их основе, химия природных вод, исследование соединений редких элементов методами физико-химического анализа, исследование природных ресурсов Центрального Кавказа и проблем их рационального использования.

В исследовательской деятельности преподавателей и сотрудников СОГУ достаточно высоким был удельный вес изысканий в области общественных наук. Однако, если в 1960-е годы под влиянием «оттепельных» процессов наметилось некоторое расширение проблемно-тематической структуры общественных наук, то в 1970-е — 1980-е годы никаких существенных новаций в этой области уже не наблюдалось. Тематика научных исследований оставалась неизменной. Она включала историю большевистского движения и коммунистической партии в Северной Осетии; проблемы этнокультурных, политических, революционно-демократических связей России с народами Кавказа. Неизменный интерес вызывали вопросы взаимовлияния и взаимодействия языков и литератур народов Северного Кавказа; соотношения национального и интернационального в развитии советского общества; научно-технической революции и эффективности социалистического производства; проблемы совершенствования социалистической демократии и законности; проблемы государственного и правового развития Северной Осетии.

Разработкой этих и ряда других обществоведческих проблем ученые Северо-Осетинского госуниверситета занимались в тесном сотрудничестве с Северо-Осетинским научно-исследовательским институтом, остававшимся базовым научным учреждением республики. Спектр исследовательских проблем СОНИИ был довольно широк. Он охватывал вопросы социально-экономического, политического и культурного развития не только Северной Осетии, но и всего Северного Кавказа с древнейших времен

до современности. На 1 января 1976 года в штате СОНИИ насчитывалось 45 человек, в том числе 33 научных сотрудника. В институте работали один доктор наук, восемнадцать кандидатов наук и один лауреат Ленинской премии⁴³⁰.

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений в деятельности института являлась фольклористика, в том числе нартоведение. Научные конференции 1956 года в Орджоникидзе и 1963 года в Сухуми расширили научную проблематику нартского эпоса. Предметом изучения стали проблемы связи осетинского эпоса с эпосами других народов, рассмотрение соотношения эпоса с другими жанрами, поэтика жанра. Изучением этих и других вопросов занимались фольклористы, лингвисты, литературоведы.

В своих работах «О Созруко и гумском человеке», «Цирыхъ» осетинских нартовских сказаний», «Легендарное колесо нартовских сказаний» Б. А. Алборов исследовал этнонимы, термины с неясной этимологией, встречающиеся в эпосе. Опираясь на данные исторической и лингвистической науки, он обосновал их иранское происхождение.

В. И. Абаев в своей работе «Скифо-европейские изоглоссы», изучив вопрос о скифо-европейских параллелях в области языка и мифологии, пришел к заключению о том, что в данном случае речь может идти не о типологическом сходстве, а скорее о сходстве в результате исторических контактов. Объектом сравнительно-исторического анализа для В. Абаева стали нартовский и скандинавский эпосы. Вслед за Ж. Дюмезилем ученый обнаружил сходство между двумя образами: Сырдона и Локки. Объяснение этому факту ученый видел в существовании конкретных контактов в определенную историческую эпоху, когда произошла встреча двух миров: скифо-сарматского и германского племени

*Лауреат Ленинской
премии С. М. Абаев*

⁴³⁰ Научный архив СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 127. Л. 32.

герулов, которые наряду с норвежцами участвовали в заселении Исландии⁴³¹.

Тему взаимосвязи нартовского эпоса с другими эпосами продолжал Т. А. Гуриев. В своей работе «К проблеме генезиса осетинского нартского эпоса (о монгольском влиянии)», опираясь на большой фольклорный материал, исследовал вопрос о монгольском влиянии на формирование нартовского эпоса. Однако не все его выводы о степени влияния монгольского фактора на осетинский вариант нартовского эпоса были признаны нартоведами. В частности, как писала Т. А. Хамицаева, «... увлеченный темой, часто в случаях, где следует говорить о типологических сходствах, [Т. Гуриев] видит монгольское влияние (монгольская легенда о зачатии от луча солнца Алан-гоа и рождении ее трех сыновей и осетинская легенда о рождении Сатаны; рождение самой Алан-гоа и Дзерассы)»⁴³².

По-прежнему неизменный интерес вызывали нартовские герои, среди которых одним из наиболее ярких образов оставалась Сатана. Анализу этого образа были посвящены работы З. Абаевой («К образу Сатаны нартского эпоса») и Н. Мамиевой (Сатана в осетинском нартском эпосе). Опираясь на разные варианты нартского эпоса, бытующие у кавказских народов, авторы проследили эволюцию образа Сатаны. Выводы во многом оказались схожими. Исследователи обосновывали идею о том, что на протяжении эпоса образ сильной и гордой Сатаны эволюционировал до образа бытового, лирического плана. Подтверждение этой идее они находили во всех вариантах нартовского эпоса⁴³³.

Активное исследование различных аспектов нартовского эпоса продолжалось на протяжении 1970-х — 1980-х годов. В значительной мере работа стимулировалась решением Академии наук СССР, признавшей необходимым осуществить научное издание

⁴³¹ См.: Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965. С. 98-109.

⁴³² Хамицаева Т. А. Итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. С.75.

⁴³³ Хамицаева Т. А. Итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. Владикавказ, 1995. С.75.

эпосов всех народов СССР. Реализовать этот проект были призваны Институт мировой литературы совместно с региональными научно-исследовательскими институтами. В Северо-Осетинском научно-исследовательском институте работа в этом направлении началась в 1970-е годы. Многолетний труд сотрудников института увенчался выходом в свет в 1989-1991 годах осетинского нартского эпоса в 3-х томах в академической серии «Эпос народов СССР». Значительный вклад в издание эпоса внесли Т. А. Хамицаева, А. Х. Бязыров, Г. А. Дзагуров, А. А. Дзантиев. Первая книга открывалась исследованием В. И. Абаева о нартовском эпосе. Здесь же публиковались оригинальные тексты на разных диалектах и говорах. Вторая книга содержала переводы на русский язык, которые в соответствии с требованиями научного перевода осуществлялись максимально близко к оригиналу. Третья книга содержала паспортные данные текстов, комментарии. Она включала сведения о собирателях эпоса, перечень имен сказителей, глоссарий и прочие справочные материалы. Академическое издание осетинского нартовского эпоса явилось большим шагом в освоении богатого эпического наследия осетинского народа.

Во второй половине 1960-х — начале 1980-х годов заметно расширяются исследования и других жанров устного народного творчества. В 1973 году увидела свет монография Т. Хамицаевой «Историко-песенный фольклор». В ней были исследованы различные аспекты проблемы: классифицированы типы осетинских исторических песен (песни, таурахъи, кадаги), выяснена историко-событийная основа, время и обстоятельства сложения песен, проанализированы художественные средства, характеризующие этот фольклорный жанр. Большое внимание в монографиях и научных публикациях Л. Чибирова, С. Габисовой, Дз. Тменовской и других уделялось семейно-обрядовой, календарно-обрядовой поэзии осетин, детскому фольклору. Объектом научного изучения становятся фольклорные произведения советского периода⁴³⁴.

Важным исследованием на стыке фольклористики и литературоведения явилась работа Ш. Джикаева «Фольклорные тради-

⁴³⁴ См.: Габисова С. З. Осетинские народные песни о Ленине // Известия СО-НИИ. Орджоникидзе, 1966. Т.26.

ции в осетинской советской поэзии (1917-1941)», написанная в 1968-1972 годах. Проведя анализ поэтического творчества осетинских писателей 1920-х — 1930-х годов, автор выявил связь поэзии с фольклором не только в близости сюжетов, мотивов, образов, но и в воздействии на нее народно-поэтических принципов изображения действительности. Он увидел ее в творческом освоении эстетического опыта и нового воплощения его идеалов⁴³⁵.

Следует отметить, что в отличие от ряда других отраслей гуманитарного знания фольклористика развивалась в относительно более благоприятных условиях. Велась активная полевая работа. В 1960-е — 1980-е годы в ходе ежегодно организуемых фольклорных и этнографических экспедиций в сельские районы республики шло интенсивное накопление памятников народного творчества. Поисковая работа велась не только в «полевых» условиях. Ценные материалы извлекались из фондов архивов Москвы, Ленинграда. В 1970-е годы в архивах АН СССР и Института востоковедения сотрудниками Северо-Осетинского НИИ были выявлены тексты осетинских песен, сказок, пословиц, поговорок, собранные Всеволодом Миллером во время его поездок в Осетию. Эти материалы, переснятые на микропленку, приобретенные институтом, дополнили богатую коллекцию фольклорных документов Северо-Осетинского научно-исследовательского института.

Ежегодно Отдел рукописных фондов (ныне Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и научных исследований) пополнялся новыми материалами по истории и культуре Осетии. К примеру, в 1969 году институт приобрел фольклорные записи Е. Б. Туаевой (исторические сказания, сказки, пословицы) и Н. В. Хетагуровой (народные песни, заплачки, молитвословия). Архивные фонды дополнились также воспоминаниями, рассказами и песнями о жизни и подвигах участников революции и Гражданской войны⁴³⁶.

Выявление, сбор, обработка и систематизация новых и отложившихся в фондах архивов и редких изданиях произведений

⁴³⁵ Хадарцева А. А. Становление и развитие осетинского литературоведения // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. С. 98.

⁴³⁶ Научный архив СОИГСИ. Ф. 126. Оп. 3. Д. 211. Л. 49.

народного творчества позволили в 1960-е — 1980-е годы осуществить публикацию большого количества фольклорных сборников. Большим событием в осетинской фольклористике стало издание «Осетинского народного творчества» в двух томах (1959. Т.1; 1961. Т.2). Подготовленное З.М. Салагаевой, оно вобрало в себя большое количество уникальных фольклорных текстов, извлеченных из архивных фондов СОНИИ. В 1976 году К.Ц. Гутиевым было осуществлено издание осетинской афористической поэзии на языке оригинала. Это популярное издание включало в себя пословицы, поговорки, проклятия, благожелания, клятвы, приметы, присловия, метафорические выражения. А в 1980 году издательство «Наука» опубликовало научное издание осетинской афористической поэзии. Составителем и переводчиком выступил Г.А. Дзагуров. Он также собрал и перевел книгу осетинских сказок, вышедшую в 1978 году в серии «Сказки и мифы народов Востока». В нее вошли сказки разных жанров: волшебные, новеллистические, бытовые, о животных. Книга была снабжена комментариями и типологическим анализом сюжетов.

1960-е — 1980-е годы явились временем больших успехов в собирании и публикации богатого фольклорного наследия осетинского народа. Однако и здесь имелись свои «запретные» темы. В 1970-е годы было решено возобновить издание «Памятников народного творчества»⁴³⁷. В эти годы ведется работа по подготовке к изданию 6-го тома. Но по решению партийных кураторов из плана была исключена глава по обрядово-похоронной поэзии. Ее решили заменить произведениями осетинской народной поэзии. В 1974 году сборник под названием «Песни далеких лет», представлявший собой собрание осетинской народной поэзии, был

⁴³⁷ В 1920-е годы были изданы четыре выпуска «Памятников народного творчества осетин». Первый выпуск (1925 год) включал нартовские сказания на русском языке, записанные Гациром Шанаевым в 1870-е годы. Во втором выпуске (1927 год) было представлено дигорское народное творчество разных жанров в записи Михаила Гарданова. Третий (1928 год) и четвертый (1929 год) выпуски содержали нартовские сказания и сказки в записи Цоцко Амбалова. В 1941 году был осуществлен еще один выпуск «Памятников народного творчества осетин». Он включал нартовские и даредзановские сказания на осетинском языке, собранные Казбеком Казбековым в фондах архивов и извлеченные из ранее опубликованных изданий.

издан. Он был подготовлен сотрудниками института З. М. Салагаевой и Т. А. Хамицаевой. А публикация 6-го выпуска «Памятников народного творчества осетин» состоялась в 1992 году. В него были включены трудовые, мифологические песни, календарная и семейно-обрядовая поэзия в переводах А. Хадарцевой, Т. Хамицаевой, Т. Саламова, Д. Тменовой, а также статьи по этнографии. Книга была снабжена комментариями и словарем.

На протяжении рассматриваемого периода одним из актуальных направлений осетинского литературоведения оставалось изучение творчества Коста Хетагурова. Исследования Н. Джусойти, З. Суменовой, А. Хадарцевой, З. Салагаевой, В. Цаллагова углубляли представления о мировоззренческих, историко-этических взглядах поэта, драматургическом наследии, театральной и публицистической деятельности Коста. Осуществлялась публикация его произведений. В 1974 году в издательстве «Художественная литература» вышло трехтомное собрание сочинений К.Хетагурова, составленное К.Ц. Гутиевым. Успех исследовательской и издательской деятельности обуславливался постоянным поиском и накоплением новых материалов о жизни и деятельности выдающегося представителя осетинского народа. Так, в 1969 году Отдел рукописных фондов института приобрел у Н. Н. Петровой рукопись — автограф сборника поэта «Ирон фандыр», признанный наиболее поздней из всех известных рукописей Коста. В ней содержались неизвестные до этого времени стихотворения. Тогда же были приобретены автограф стихотворения «Предчувствие», письма поэта к Н. Хетагурову, подлинники его фотографий и другие материалы⁴³⁸.

Продолжалось изучение творчества других осетинских писателей: Ц. Гадиева, Нигера, А. Коцоева, М. Камбердиева, А. Гулуева, Д. Мамсурова, Д. Туаева. Реабилитация осетинских писателей, подвергшихся в 1930-е годы репрессиям, возвращала в исследовательское поле осетинского литературоведения имена А. Кубалова, И. Арнигона, Г. Малиева, Г. Баракова, К. Дзесова, К. Фарниона, Ч. Беджызаты, С. Кулаева и др.

1960-е — 1970-е годы — время бурного роста романной про-

⁴³⁸ Научный архив СОИГСИ. Ф.126. Оп. 3. Д. 211. Л.49.

Х.Н. Ардасенов

зы в осетинской литературе, развивавшейся в двух основных направлениях: создание современного и исторического романа. Литературоведов привлекали вопросы художественного осмысления истории Осетии на фоне глубоких социальных преобразований, преломления в художественном произведении проблем исторической преемственности, социальной адаптации личности, поиска нравственного идеала.

В 1960-е годы продолжалась работа над «Очерком истории осетинской советской литературы». Перед авторским коллективом стоял ряд специфических задач. Важными среди них были исследование вопросов становления и развития жанров, определение их национальной специфики. Существенный вклад в разработку проблематики издания внесли Х. Ардасенов, А. Хадарцева, Н. Джусойти. Ими были написаны обобщающие разделы и большая часть литературных портретов. В работе над «Очерком...» участвовали ученые и писатели Л. Семенов, Н. Лукашенко, З. Салагаева, Г. Калоев, С. Марзоев, Д. Гиреев, З. Сагутонов, Т. Балаев, Е. Бекоев, Н. Еремеева, Х. Дзугев, Д. Излецкая, Т. Цомаева, Т. Хамицаева, З. Хетагурова. В 1967 году «Очерк истории осетинской советской литературы», увидел свет. В основу книги был положен хронологический принцип изложения материала. Каждая глава предварялась статьей, содержащей общую оценку литературного процесса на определенном этапе развития и творческие портреты наиболее известных писателей, представлявших анализируемый временной отрезок. Творчество осетинских писателей рассматривалось в контексте общественно-политических процессов. «Встроенностью» произведений художественной литературы в общественный процесс, совпадением с политическими требованиями времени определялась их общественная и культурная значимость.

Несмотря на определенную избирательность и «пустоты» в привлеченном материале, объяснимое в духе времени идеологи-

ческое оформление текста, «Очерк истории осетинской советской литературы» являлся важным шагом в развитии осетинского литературоведения. В нем были рассмотрены основные этапы и обобщены достижения осетинской художественной литературы в условиях общественной трансформации 1920-х — 1960-х годов, изменившей содержание общественной жизни Северной Осетии и оказавшей огромное влияние на развитие осетинской культуры⁴³⁹.

«Очерк истории осетинской советской литературы», также как и опубликованный несколькими годами ранее «Очерк развития осетинской литературы Досоветский период», выявил «белые пятна» осетинского литературоведения и заложил основу для дальнейшего, более углубленного изучения спорных и малоизученных вопросов осетинского литературного процесса в исторической ретроспективе.

В начале 1980-х годов была издана «История осетинской литературы» в двух томах (Т. 1; 1981; Т. 2; 1985). Н. Джусойти исследовал историю возникновения и развития осетинской художественной литературы с древнейших времен до 1940-х годов. Монография вобрала в себя опыт предыдущих исследований и подвела итоги развития осетинского литературоведения советского периода.

В истории лингвистического осетиноведения 1960-е годы отмечены важным событием. Именно на эти годы приходится завершение многолетней работы над «Грамматикой осетинского языка» в двух томах. В 1963 году вышел первый и в 1969 году второй том издания. Над фундаментальным трудом работали Г. Ахвледиани (главный редактор), В. Абаев, А. Агнаев, К. Гагкаев, М. Гуриева, Т. Гуриев, М. Исаев, Т. Козырева, Н. Кулаев, А. Цагаева, Р. Цаболов. В 1960-е — 1970-е годы ведется учеными Северо-Осетинского НИИ и филологического факультета Северо-Осетинского государственного университета кропотливая лексикографическая работа. В эти годы дважды (в 1964 и 1970) с дополнениями переиздавался осетинско-русский словарь А. Ка-

⁴³⁹ Цориева И. Т. Культура и власть в Северной Осетии (середина 1940-х — середина 1960-х гг.). Владикавказ, 2008. С.174.

саева⁴⁴⁰. В 1970 году в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» вышел русско-осетинский словарь В. И. Абаева.

Большим достижением лингвистического осетиноведения второй половины XX века является «Историко-этимологический словарь осетинского языка» В. И. Абаева в 5-ти томах. С 1958 по 1989 год вышли 4 тома издания (Т. 1. М.-Л., 1958; Т. 2. Л. 1973; Т. 3. Л., 1979; Т. 4. Л., 1989). В 1995 году был опу-

В. А. Кузнецов

бликован 5 том — Указатель к словарю. Ученый исследовал этимологию и историю осетинских слов на широкой сравнительно-лексикографической базе, используя материал 190 языков мира, проследил связи осетинского языка с иранскими и индоевропейскими, а также тюркским, финно-угорским и другими языками. При этом, автор исходил из определения осетинской лексики как исконно иранского наследия, выявлял и разделял субстратные и заимствованные элементы в словарном составе языка. Фундаментальный труд В. И. Абаева, энциклопедия истории осетинского народа, его языка и культуры, получил признание научного мира. За третий том издания В. И. Абаев был удостоен в 1981 году Государственной премии СССР. В 1964 году В. И. Абаев стал первым лауреатом премии Коста Хетагурова.

Во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов заметно продвигается археологическое и этнографическое изучение Северной Осетии. Научные изыскания в этом направлении осуществлялись в тесном сотрудничестве с научными учреждениями Москвы, Ленинграда, Тбилиси, другими научными центрами. В Северной Осетии совместно с археологическими экспедициями Северо-Осетинского НИИ, Северо-Осетинского госуниверситета, Республиканского музея краеведения работали экспедиции Института археологии АН СССР, Государственного исторического музея, Государственного музея этнографии народов СССР. Археологические памятники на территории Северной

⁴⁴⁰ Гуриев Т. А. Разработка вопросов языкознания в СОИГИ// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С.55.

Осетии исследовались В. А. Кузнецовым, В.И. Марковиным, Л.Г. Нечаевой, Е.Г. Пчелиной, М.П. Абрамовой и другими. Хронологически диапазон исследований охватывал время от эпохи палеолита до позднего средневековья, а территориально — и горы, и равнину республики. В результате полевых работ было выявлено и исследовано множество новых памятников. Учеными проводилась фиксация и обследование разновременных и разнохарактерных археологических памятников на территории Северной Осетии и соседних республик. Изучались памятники каменного века (Кобан, Моздок), курганы эпохи бронзы (Дзуарикау, Хазнидон, Ахсарисар, Чикола, Новоосетинская), могильники сарматского времени (Комарово), аланские городища и катакомбы (Зилги, Алагир, Змейская, Карца), позднесредневековые каменные ящики, склепы, культовые сооружения (Эльхотово, Дзивгис, Махческ, Фаснал, Уакац) и пр.⁴⁴¹ На протяжении многих лет велись разведка и раскопки различных археологических объектов Карачаево-Черкессии, в том числе одного из крупнейших на Кавказе аланских городищ — Нижне-Архызского, являвшегося центром Аланской епархии и раннефеодального аланского государства. Археологами СОГУ производились планомерные раскопки разновременных памятников на территории Ставропольского и Краснодарского краев. В 1967-1969 годах В. А. Кузнецовым и В.Х. Тменовым исследовался один из самых значительных на Северном Кавказе склеповых некрополей («Город мертвых») у селения Даргавс. Это позволило пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на склеповую культуру эпохи позднего средневековья. Материалы проведенных изысканий легли в основу изданных впоследствии многочисленных статей и монографий по археологии, древней и средневековой истории Осетии⁴⁴².

Изучение археологических и историко-археологических памятников велось с применением современных методов исследова-

⁴⁴¹ Тменов В. Х. Археологическое изучение Северной Осетии в 1971-1985 гг. (итоги, основные проблемы) // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 3.

⁴⁴² Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С.126-127.

дования; постоянно совершенствовалась и методика раскопок. Археологами, изучавшими период палеолита, производился биохимический анализ проб грунта, анализ остеологического материала и т.д. В 1970-е — начале 1980-х годов для датировки памятников средневекового зодчества впервые в практике северокавказской археологии стал применяться лихенометрический анализ (по мхам и лишайникам). Методика датировки архитектурных памятников по известковому раствору, запатентованная как научное открытие, была разработана учеными Северо-Осетинского госуниверситета. Для выявления закономерностей и взаимосвязи различных конструктивных элементов башенной и склеповой архитектуры довольно успешно использовались методы математико-статистического анализа исследуемых памятников; путем соответствующих расчетов был определен модуль, использовавшийся средневековыми зодчими при строительстве оборонительных сооружений. Совершенствованию методики и качеству проводимых работ во многом способствовали подготовка квалифицированных специалистов археологов и расширение структуры археологических научных учреждений⁴⁴³.

Во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов расширяется структура научных учреждений, занимавшихся археологическим и этнографическим исследованием северокавказского региона. В 1980 году выделился в самостоятельную структурную единицу отдел археологии и этнографии в СОНИИ; в 1978 году организованы Северо-Кавказская археологическая экспедиция при СОГУ; были открыты также отдел памятников, Археологический музей при университете, расширились творческие и научные контакты археологов. С 1973 года в республике работала бригада под руководством архитектора Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината В. Е. Кулакова, которая осуществила паспортизацию и фотофиксацию памятников архитектуры горной части Осетии. Министерством культуры Северной Осетии и Северо-Осетинским НИИ в 1980 году был подготовлен к изданию первый выпуск «Свода памятников

⁴⁴³ Тменов В. Х. Археологическое изучение Северной Осетии в 1971-1985 гг. (итоги, основные проблемы) // XIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 4.

истории и культуры Северной Осетии». Для оказания помощи в составлении «Свода» в СОГУ в 1978 году была создана на хоздоговорных началах группа во главе с А.Х. Магометовым. Работа финансировалась Министерством культуры СО АССР и Всероссийским обществом по охране памятников истории и культуры, выделившими группе 25 тыс. рублей. В ходе проведенных разысканий были подготовлены и сданы 225 комплектов документации на памятники. По итогам работы исследовательской группы СОГУ был признан Северо-Кавказским научным центром высшей школы головным на Северном Кавказе учреждением Минвуза РСФСР по археологическому изучению памятников древности. Было принято также решение о создании при университете отраслевой историко-археологической лаборатории⁴⁴⁴.

А. Х. Магометов

Результативность археологических исследований во многом зависела от координации деятельности усилий ученых республики и различных научных центров страны. Об успешности координированного подхода к организации научно-исследовательской деятельности свидетельствовали совместные экспедиции ученых Северо-Осетинского НИИ, Северо-Осетинского государственного университета и Института археологии в начале 1980-х годов. На протяжении нескольких полевых сезонов совместной экспедицией этих научных учреждений велись раскопки одного из крупнейших на Северном Кавказе «земляных» городищ у селения Зилги. В результате изучения этого памятника участники экспедиции (В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская, И. А. Аржанцева) пришли к ряду выводов принципиального характера. Они выявили многослойный характер памятника и определили его как один

⁴⁴⁴ ЦГА ИПД РСО — А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 328. Л. 78.

из протогородских центров, возникших в регионе в первой половине I тыс. н. э.⁴⁴⁵

В эти же годы объединенными экспедициями археологов Северной и Южной Осетии раскапывались могильники сармато-аланского времени у селения Гусыра в Куртатинском ущелье, исследовались кобанские и раннесредневековые памятники у селений Нижний Зарамаг и Цми. Материалы этой экспедиции указывали на прочное освоение ираноязычными племенами горной зоны Северной Осетии в течение длительного периода времени и их оседание здесь. Перспективными признавались дальнейшие раскопки открытого В. Кузнецовым кобанского поселения у селения Нижний Зарамаг, дававшего представления о малоизвестных и малоизученных бытовых памятниках кобанцев. В середине 1980-х гг. была осуществлена также совместная разведочная экспедиция Северо-Осетинского и Юго-Осетинского научно-исследовательских институтов по выявлению археологических и историко-архитектурных памятников Трусовского ущелья. Договор о научном сотрудничестве между СОНИИ и СОГУ позволил провести в 1985 году крупную объединенную археологическую экспедицию в горных районах Северной Осетии⁴⁴⁶.

Археологическая наука являлась одним из наиболее динамично развивающихся направлений осетиноведения в 1960-е — 1980-е годы. Важным научным форумом, обсуждавшим проблемы и подводившим итоги археологических разысканий, являлись «Крупновские чтения», посвященные памяти Е. И. Крупнова — видного ученого-кавказоведа, внесшего значительный вклад в развитие археологической науки на Кавказе. Первые «Чтения» состоялись в 1971 году по инициативе группы североосетинских археологов во главе с В. А. Кузнецовым. С тех пор, регулярно проводимые в различных городах Северного Кавказа, они определяют проблематику и отражают со-

⁴⁴⁵ Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 130.

⁴⁴⁶ Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи// Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 130-131.

стояние развития археологической науки в регионе.

Во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов продолжается активное и плодотворное изучение проблем традиционной и современной этнографии Северной и Южной Осетии. В монографиях и статьях В.К. Тотрова, Я.С. Смирновой, В. П. Кобычева, Н.Г. Волковой, Б. А. Калоева, А. Х. Магомедова, Л. А. Чибирова, З. Д. Гаглоевой, В. Уарзиати исследовались вопросы материальной и духовной культуры осетин и других народов, населявших территорию Северного Кавказа.

В. С. Уарзиати

Большим исследованием хозяйственного быта и материальной культуры северных осетин являлась монография А. Х. Магомедова «Культура и быт осетинского народа». Ученый рассмотрел историю социальных институтов осетин (общественный строй и социальные отношения, брак и семья, обычное право, обычаи и традиции) в их историческом развитии.

В 1967 году вышло в свет историко-этнографическое исследование Б. А. Калоева «Осетины», хронологически охватившее период с древнейших времен до современности. В монографии поднимался широкий круг проблем, связанных с изучением форм хозяйственной деятельности, земледелия, скотоводства, домашних промыслов и ремесел, современных сельского хозяйства и промышленности, религиозных верований, общественных и семейных отношений, видов поселений и жилищ, культурного развития, этнического состава населения Северного Кавказа. Центральное место в работе уделялось проблеме этногенеза осетин, для освещения которой автор привлекал не только всю совокупность доступных ему этнографических материалов, но и археологические и фольклорные источники, данные топонимики и т.д. На протяжении почти всей жизни Б. Калоев продолжал совершенствовать и дорабатывать свой труд, привлекая новые документальные источники. Монография вы-

держала не одно издание и до сих пор не потеряла научной актуальности⁴⁴⁷.

Одним из главных исследовательских направлений являлась совместная «полевая» работа этнографов Северной Осетии, Москвы, Ленинграда и других городов страны. Во второй половине 1960-х — 1970-х годах в горах Северной и Южной Осетии работала этнографическая экспедиция под руководством А. И. Робакидзе. В ее составе были ученые Северо-Осетинского НИИ и Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР. Участники экспедиции исследовали формы жилищ и структуру поселения горной Осетии, хозяйственный быт и социальные взаимоотношения осетин. Материалы экспедиции подтверждали культурно-историческую общность народов Кавказа, такие характерные для всего кавказского ареала явления хозяйственного быта и культуры, как отгонная система альпийского скотоводства, высокая степень интенсификации полеводства, довольно сложная система орошения, патронимическая форма поселения, монументальные жилые комплексы и т.д.

В 1973-1975 годах, а затем 1983 году Институтом этнографии АН СССР совместно с Северо-Осетинским НИИ под руководством В.К. Гарданова проводились этносоциологические обследования сельского и городского населения Северной Осетии. Целью экспедиций было выявление нового и традиционного в быте, материальной и духовной культуре осетинского народа. Накопленные материалы легли в основу многочисленных статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций⁴⁴⁸.

В историческом осетиноведении в середине 1960-х — 1980-х годов доминирующее место заняла советская тематика. Круг исследований, связанных с досоветской историей Осетии, в частности развитием государственности, феодальных отношений, массовых народных движений конца XVIII — первой трети XIX века заметно сузился. Пожалуй, исключением в ряду отмеченных про-

⁴⁴⁷ Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1967.

⁴⁴⁸ Тменов В. Х. Археология и этнография Северной Осетии: история изучения, проблемы, задачи // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С.128.

блем стала история русско-осетинских отношений, роли России в историческом развитии Осетии, что объяснялось необходимостью обоснования идей интернационализма и дружбы народов. Важный вклад в изучение русско-осетинских отношений и истории Кавказской войны, в определение места Осетии в системе отношений Кавказа и России в период XVIII-XIX вв., влияние России на социально-экономическое и культурное развитие Осетии внесли работы М. М. Блиева, В. В. Дегоева, М. С. Тотоева и других⁴⁴⁹.

Заметное развитие в отмеченный период получает исследование вопросов социально-экономического и политического развития Осетии в конце XIX — начале XX веков. В работах Б. Х. Ортабаева, А. Т. Тамаева, Ю. В. Харуева эта проблема рассматривалась в контексте обострения социально-классовых противоречий в процессе становления и развития рыночных, капиталистических отношений, формирования революционной ситуации на Северном Кавказе⁴⁵⁰.

Историческая наука развивалась в непростых условиях. Сложность решения многих вопросов определялась необходимостью учета требований марксистской методологии. Классовый подход лежал в основе освещения событий революции и Гражданской войны, вопросов динамики социальной структуры североосетинского общества в послереволюционный период. Приоритетное внимание уделялось процессу формирования и развития рабочего класса и обоснованию идеи о решающей роли национального отряда пролетариата в формировании осетинской

⁴⁴⁹ Блиев М. М. Осетинское посольство в Петербурге. Орджоникидзе, 1961; Его же. Русско-осетинские отношения, 40-е годы XVIII в. — 30-е годы XIX в. Орджоникидзе, 1970; Блиев М. М., Киняпина Н. С., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII в. — 80-е годы XIX в. М., 1984); Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М., 1987; Тотоев М. С. История русско-осетинских культурных связей. Орджоникидзе, 1977; Берозов Б. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980.

⁴⁵⁰ Ортабаев Б. Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Великого Октября. Владикавказ, 1992; Тамаев А. Т. Крестьянство Северной Осетии в период первой мировой войны, Февральской буржуазно-демократической революции и подготовки Великого Октября: дисс... канд. ист. наук. Орджоникидзе, 1979.

социалистической нации. В рамках общесоюзных программ исследовалась история городов и сел, фабрик и заводов Северной Осетии⁴⁵¹. Осуществлялась публикация документов и материалов по истории социально-экономического и культурного развития республики⁴⁵².

Одним из наиболее разрабатываемых направлений исторической науки стала революционная тематика. В 1960-е годы необходимость ее изучения обосновывается в партийных решениях в ходе подготовки празднования юбилейных революционных дат. Исследование вопросов истории революционного движения в Осетии, расстановки классовых и политических сил, участия разных социальных слоев осетинского общества в Гражданской войне стимулировалось подготовкой к изданию второго тома «Истории СО АССР». В 1960-е — 1970-е годы публикуется ряд работ по этой теме. Монография Д. З. Коренева «Революция на Тереке 1917-1918 гг.», изданная в 1967 году, была интересна тем, что писалась непосредственным участником тех событий. В ней было много наблюдений — авторских впечатлений от увиденного, а также новых документальных материалов, которыми располагал автор. Близка по теме к этой книге была коллективная монография «Октябрьская революция и Гражданская война в Северной Осетии», опубликованная в 1979 году. Книга А.К. Кесаева «Из истории борьбы трудящихся Северной Осетии за власть Советов», увидевшая свет в том же году содержала революционно-биографические портреты деятелей революции в Северной Осетии⁴⁵³. Наличие большого объема исторической литературы по проблеме вызвало необходимость историографического анализа и обобщения накопленного знания. Одной из таких работ, посвященных историографии истории Октябрьской революции и Гражданской войны на Те-

⁴⁵¹ Ларина В. И. Очерк истории городов Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960; Семенов Л. П. и др. Орджоникидзе-Владикавказ. Орджоникидзе, 1972; Бесланский маисовый комбинат: историко-экономический очерк. Орджоникидзе, 1982.

⁴⁵² Из истории завода «Электроцинк». Орджоникидзе, 1980; Культурное строительство в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1976. Т. 1; 1983. Т. 2; Городу Орджоникидзе 200 лет. Орджоникидзе, 1985 и т.д.

⁴⁵³ Тотоев Ф. В. Некоторые вопросы историографии Северной Осетии. // Северо-Осетинскому институту гуманитарных исследований 70 лет. С. 28.

реке, явилась докторская диссертация Н. Д. Малиева⁴⁵⁴.

Необходимость обоснования идеи о рабочем классе как «интеллектуальном и моральном двигателе общественного развития», главной движущей силе в строительстве нового общества объясняла растущий исследовательский интерес к истории рабочего класса Северной Осетии. Особое внимание уделялось определению роли партийных органов в формировании и развитии рабочих кадров в период советской трансформации 1920-х — 1930-х годов. Во второй половине 1960-х — 1970-е годы эта тема активно разрабатывается в историческом осетиноведении. В диссертационных исследованиях Х. Г. Гутнова, А. Г. Фарниева, Р. И. Цориева и других рассматривалась деятельность партийных организаций по формированию системы вовлечения различных категорий населения в общественное производство, подготовке квалифицированных рабочих кадров. Актуальным исследовательским направлением являлось изучение проблемы создания национальных рабочих кадров⁴⁵⁵.

Изучение Х. С. Черджиевым и А. А. Аствацатуровым проблемы формирования осетинской социалистической нации непосредственно связывалось с обоснованием идеи о решающей роли национального отряда пролетариата в формировании осетинской социалистической нации⁴⁵⁶.

Значительное место в осетиноведении занимала история Великой Отечественной войны, активно разрабатывавшаяся в рам-

⁴⁵⁴ Малиев Н. Д. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в национальных районах Северного Кавказа в освещении советской историографии (1918-1978 гг.): дисс. ... док. ист. наук. Орджоникидзе, 1984.

⁴⁵⁵ Гутнов Х. Г. Деятельность Северо-Осетинской парторганизации по выполнению первого пятилетнего плана по промышленности и сельскому хозяйству: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1969; Фарниев А. Г. Северо-Осетинская партийная организация в борьбе за выполнение плана второй пятилетки в области промышленности и сельского хозяйства: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969; Цориев Р. И. Деятельность Северо-Осетинской парторганизации по осуществлению ленинского плана электрификации в республике: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1975 и др.

⁴⁵⁶ Аствацатуров А. А. О формировании и развитии осетинской социалистической нации. Орджоникидзе, 1963; Черджиев Х. С. Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1.

ках общесоюзной традиции. В частности, в работах Т.Т. Худалова раскрывались массовый героизм народа в тылу и на полях сражений, патриотизм и пролетарский интернационализм⁴⁵⁷. За пределами научных изысканий оставались проблемы повседневности, социальной и психологической адаптации человека в условиях войны.

Сотрудники СОНИИ. Слева направо: Х. С. Черджиев (директор), Т. Н. Дзгоев, В. М. Корнев. 1960-е гг.

Тема, обязательная для обществоведов в 1960-е — первой половине 1980-х годов, была связана с историей Коммунистической партии. В 1962 году Северо-Осетинский обком КПСС сформировал авторский коллектив по написанию истории республиканской партийной организации. К работе были привлечены ученые Северо-Осетинского научно-исследовательского института и вузов республики. В 1969 году «Очерки истории Северо-Осетинской партийной организации» были изданы. Идеологический посыл, положенный в основу работы, предопределил одномерность и схематизм в освещении социальной и политической истории республики. В соответствии с принятой исследовательской тра-

⁴⁵⁷ Худалов Т.Т. В тылу врага. Орджоникидзе, 1976; Абаев А.И. Рабочий класс Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны. Орджоникидзе, 1978.

дицией в «Очерках...» много говорилось о классовой борьбе, о решающей и направляющей роли Коммунистической партии в социалистическом строительстве. При этом игнорировалось существование иных политических партий и движений, отсутствовало упоминание о противоречиях социализма, была обойдена тема политических репрессий.

В 1970-х — 1980-х годах большая группа североосетинских историков (М.М. Блиев, В.К. Гарданов, Б. А. Калоев, В. А. Кузнецов, А.Х. Магометов, В.Х. Тменов, Ф.В. Тотоев и другие) была привлечена к работе над четырехтомным академическим изданием «История народов Северного Кавказа». Реализовать удалось только половину проекта. В 1988 году в издательстве «Наука» были опубликованы два тома издания. Первый том охватывал период с древнейших времен до конца XVIII века (под редакцией Б.Б. Пиотровского), второй том — с конца XVIII века до 1917 года (под редакцией А.Л. Нарочницкого). Несмотря на очевидную идеологическую заданность основополагающих позиций, этот фундаментальный труд имел большое значение для развития научной мысли Кавказа и занял достойное место в историческом регионоведении. Он явился своеобразным итогом многолетней исследовательской традиции в научном кавказоведении. Издание закладывало основу для дальнейшего изучения истории социально-экономического, политического и культурного развития народов Северного Кавказа.

Как известно, историческая наука всегда в наибольшей мере, чем другие отрасли гуманитарного знания зависела от идеологии и политических реалий времени. Один из современных российских историков, Г.Д. Алексеева, исследуя проблемы исторической науки 1960-х — 1980-х годов, отмечает, в частности характерный для этого периода «разрыв между конкретно-историческими исследованиями ученых и той теоретической доктриной, которая господствовала в советском обществе в виде официальной идеологической системы и государственной концепции отечественной и всемирной истории». Она отмечает в частности, что по ряду важных проблем «шел бурный процесс накопления фактов, однако в рамках господствовавшей в науке схемы они

либо совсем не учитывались, либо осмысливались неглубоко, что не отвечало требованиям науки. Это можно проследить на работах по истории КПСС, которая располагала богатейшей источниковой базой, истории непролетарских партий в России, истории исторической науки XIX-XX вв. и других»⁴⁵⁸.

Участники совещания, посвященного написанию многотомной истории народов Северного Кавказа

Историческое регионоведение в Северной Осетии развивалось в контексте общесоюзных тенденций и страдало теми же «болезнями», что и вся советская историческая наука. В 1960-е годы проблемно-тематическая структура исторического осетинovedения пополнилась несколькими новыми темами (история партийных организаций Северной Осетии, тема революции и Великой Отечественной войны, проблема соотношения национального и интернационального в развитии советского общества). В последующие два десятилетия принятая тематика не претерпевает никаких существенных изменений или коррекций. Отмеченные проблемы заняли доминирующее положение в научных изысканиях ученых. Однако подходы к их изучению, формировавшиеся

⁴⁵⁸ Алексеева Г. Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика. (60-80-е годы XX века). М., 2003. С. 22.

в рамках официальной идеологической системы, оставляли мало простора для объективного научного анализа. Трактовка тех или иных исторических событий и явлений не предполагала вариативности и самостоятельности суждений исследователя вне зависимости от официально принятой в науке концепции. Заданные исследовательские схемы определяли избирательность в подборе и интерпретации документальных источников, призванных подкреплять господствовавшие теоретические построения. Инвариантность организации научного процесса, не допускавшая свободы научного творчества, обедняла содержание исторических исследований, препятствовала формированию объективной картины прошлого. В подобной ситуации вклад в науку определялся индивидуальными личностными качествами, уровнем профессионализма, исследовательским талантом ученого, отношением к научному творчеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х годов, характеризующиеся многообразием и сложностью сочетания социально-политических и идеологических процессов, в существенной мере определили особенности развития науки и образования в Северной Осетии. Научные и образовательные учреждения национально-автономной республики являлись составными частями единой общесоюзной системы научных центров и учебных заведений, что обусловило идентичность форм государственного управления и их самоорганизации в рамках общесоюзной практики. Вместе с тем, они выступали в качестве структурных элементов историко-культурной традиции, сложившейся на региональном уровне. Поэтому культурная политика государства в сфере науки и образования проводилась здесь с учетом национальных и региональных особенностей, на основе сложившейся системы образования и научных традиций.

В периодизации развития научно-образовательной сферы Северной Осетии в рассматриваемый период выделяются три хронологических этапа: последнее сталинское десятилетие, период «оттепели» (середина 1950-х — 1960-х годов) и годы «застоя» (конец 1960-х — начало 1980-х годов), что связано с изменениями в общественно-политической жизни страны. В результате, они различаются по стратегическим целям и задачам, ставившимся перед органами образования и научными коллективами, по характеру и темпам реформирования научно-образовательного пространства, по особенностям формирования профессиональных научных и научно-педагогических кадров, по определению приоритетных направлений научно-исследовательской деятельности.

Послевоенное десятилетие занимает особое место в истории науки и образования. В новых геополитических реалиях существования СССР значительно изменилась роль интеллектуального вклада народов в послевоенное строительство. Речь шла не только о формировании научно-образовательной базы социалистического строительства, о подготовке профессиональных кадров специалистов, в том числе в регионах, но и о создании

здесь качественно новой системы обучения научных и образованных кадров, способных усваивать и решать идеологические сверхзадачи развития социалистического государства в условиях складывавшегося двухполюсного мира. Такое понимание исторической ситуации объясняет наличие двух тенденций в развитии науки и образования в Северной Осетии в обозначенное время. С одной стороны, происходит количественное и качественное наращивание научно-образовательного пространства республики, с другой, — наблюдается усиление идеологического воздействия на сферу науки и образования.

Формируя научно-образовательную политику, государство исходило из партийного толкования принципа необходимости и целесообразности. Утилитарно-прагматический подход к решению проблем развития науки и образования определял динамику научно-образовательного процесса в Северной Осетии в послевоенные годы. Принимались меры по восстановлению начальной школы и введению обязательного семилетнего образования. Успех выполнения задачи всеобщего непосредственно связывался с вовлечением всех детей в школу. Поэтому велась постоянная работа по недопущению отсева детей из школ, минимизации неуспеваемости и второгодничества. Несмотря на крайнюю ограниченность средств, укреплялась материально-техническая и учебно-методическая база школ, оптимизировался учебный процесс.

В образовательных планах существенное внимание уделялось ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения. Причем в послевоенные годы акценты образовательной политики переносятся на работу среди молодежи призывного и допризывного возраста. Это объяснялось не только потребностью народного хозяйства в образованных кадрах, но и необходимостью укрепления обороноспособности страны, обеспечения армии и флота грамотными специалистами, способными обслуживать новую военную технику и готовыми к выполнению боевых задач.

Проблема формирования научно-кадрового потенциала в первые послевоенные годы находилась в центре внимания партийно-государственных органов. Реализация образовательной политики привела к значительным количественным и структурным

изменениям в системе высшего и среднего профессионального образования Северной Осетии. Выросла сеть средних специальных учебных заведений, в вузах открылись новые факультеты, расширился перечень специальностей. Контингент студентов вузов с 1945/46 по 1956/57 учебный год увеличился почти в два раза, учащихся средних специальных учебных заведений более чем в полтора раза. В послевоенное десятилетие отличительной особенностью образовательной политики советского государства на региональном уровне являлась реализация программы расширенной подготовки профессиональных кадров специалистов из представителей коренной национальности, как за счет республиканских ресурсов, так и силами ведущих научно-образовательных центров страны. Создание системы льгот и поощрений в сфере профессионального образования для представителей коренного населения национальных регионов СССР было нацелено на более полное обеспечение потребностей народного хозяйства страны в квалифицированных кадрах специалистов. Проводившаяся политика способствовала также повышению общего образовательного и культурного уровня коренного населения. Наконец, формирование инженерно-технических, научных, научно-педагогических кадров, специалистов творческих профессий из осетин, составлявших большинство среди многонационального населения Северной Осетии, содержало важный идеологический и социально-политический ресурс развития, так как создавался лояльный к власти интеллектуальный и профессиональный слой общества, обеспечивавший устойчивую социальную базу для проведения социально-экономической и культурной политики.

Середина 1950-х — середина 1960-х годов отмечены глубоким реформированием системы образования. В эти годы общеобразовательная школа претерпела две реформы, ставившие целью существенную трансформацию всей системы просвещения и кардинально менявшие содержание учебного процесса. Одна из них обслуживала идею создания единой интернациональной общности — «советский народ» и предусматривала унификацию всей системы образования в национальных автономиях РСФСР. «Языковая» реформа, продолжавшаяся в Северной Осетии на

протяжении 1950-х — первой половины 1960-х годов, изменила статус родного языка в национальной школе. Перевод обучения в национальной школе на язык межнационального общения был объективно востребован, поскольку в условиях растущей интеграции народного хозяйства центра и регионов страны русский язык играл все более значимую роль во всех сферах общественной жизни. Но для традиционной культуры, развития национального самосознания последствия реформы и сопутствовавшее ей сужение сферы языкового общения оказались неоправданно тяжелыми.

Другая реформа была связана с осуществлением идеи политехнизации среднего образования. Как известно, первая попытка создания «трудовой» школы в 1920-е годы завершилась возвращением в 1930-е — 1940-е годы к традиционной классической модели школы в «несколько осовремененной» форме. Новый подход к реализации прежней идеи оформился к середине 1950-х годов, когда отчетливо проявилось нарастающее несоответствие содержания образования потребностям социально-экономического развития. Осуществление школьной реформы ставило в основу преобразований системы просвещения контрапункты реформы 1920-х годов: соединение обучения с производительным трудом, активное участие школы в общественной жизни, производственная практика школьников, существенное усиление, даже доминирование политехнического содержания образования. Средняя десятилетняя школа превратилась в одиннадцатилетнюю.

Однако реформа не достигла своей цели. Она не только не обеспечивала профессиональной подготовки, но и сдерживала общее культурное и интеллектуальное развитие учащихся. В итоге, в середине 1960-х годов результаты реформы подверглись существенной переоценке. Средняя общеобразовательная школа вновь стала десятилетней. Ей вернули традиционный статус учебного заведения, предназначенного, прежде всего, для того, чтобы давать прочные знания по предметам гуманитарного и естественного цикла.

Вместе с тем, не все обретения школьной реформы 1950-х — первой половины 1960-х годов были отвергнуты. Многие нара-

ботки нашли применение в учебном процессе во второй половине 1960-х — 1980-е годы. Например, сохранялось (хотя нередко в весьма неэффективной форме) трудовое обучение школьников. Учебные заведения стали намного активнее и результативнее взаимодействовать с окружающей социальной средой. При определенном господстве «твердых знаний» как основной цели обучения выявилась тенденция к проблемному преподаванию, которую творчески развивали педагоги-новаторы.

Конструктивным итогом половинчатой политехнической реформы стал приобретенный опыт функционирования средней школы на принципах политехнизации. Он был учтен в ходе разработки и реализации во второй половине 1960-х — 1970-е годы новой концепции государственной политики в области подготовки квалифицированных кадров рабочих через создание единой системы начального профессионально-технического образования.

Высокие требования к уровню образовательной подготовки молодежи диктовались потребностями технологически сложных производств, которые нуждались в высокопрофессиональных научных и технических кадрах. В последующие годы проводится модернизация системы общего среднего образования в соответствии с задачами научно-технического прогресса. По итогам работы специальной объединенной Комиссии Академии наук СССР и союзной Академии педагогических наук в 1965-1966 годах было изменено содержание школьных программ, а к середине 1970-х годов было введено всеобщее обязательное среднее образование.

Преобразования конца 1960-х — начала 1980-х годов, носившие явно выраженный характер поиска оптимальной модели, сменились в 1984 году новой реформой образования. В «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» опять вводилась одиннадцатилетняя школа, устанавливалось обучение детей с шестилетнего возраста, серьезно пересматривались программы в плане повышения их научного уровня. Инновационным моментом реформы выступало введение обучения компьютерной грамотности, основам семейной жизни. Намечалось также вновь вернуться на базе «производственных комбинатов» к не потерявшей актуальности идее

получения учащимися профессии в условиях общеобразовательной школы. Со второй половины 1980-х годов начинается отсчет нового этапа в реформировании системы школьного образования, продолжающегося по настоящее время и неразрывно связанного с модернизационными преобразованиями в современном российском обществе.

В этой связи следует напомнить, что отличительной особенностью развития профессиональной школы во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов явилась технократизация системы специального образования, что было обусловлено тогда растущей ориентацией экономики страны на приоритетное развитие отраслей тяжелой промышленности в условиях научно-технического прогресса. Происходившие процессы нашли выражение, в частности, в структурном расширении учебных заведений естественно-технического профиля Северной Осетии. Они несколько изменили организацию сферы высшей школы, в которой традиционно высоким был уровень развития гуманитарных наук. В вузах республики открываются новые факультеты, отделения, расширяется специализация в области естественно-технических наук, растет количество выпускников по инженерно-строительным, сельскохозяйственным, медицинским специальностям.

Характерным отличием развития системы профессионального образования, прежде всего высшей школы, в 1960-е — 1970-е годы стало также значительное развитие вечерней и заочной формы обучения. Особенно впечатляющими были изменения по вечерней форме обучения, где темпы роста обучавшихся в несколько раз превышали общие показатели роста численности студентов. Несмотря на определенные издержки и недостатки в развитии вечерней и заочной форм обучения в 1960-е — 1980-е годы, они не только восполняли потребности народного хозяйства в специалистах с высшим профессиональным образованием, но и решали задачу обеспечения социальной мобильности, создания социальных лифтов для работающей на производстве молодежи.

Сложившаяся на протяжении четырех послевоенных десятилетий система образования служила фундаментом для развития

науки и научного пространства республики. Анализ содержания культурной политики в сфере науки и научных учреждений, позволяет с позиции сегодняшнего дня выявить амбивалентность в деятельности партийно-государственных органов. Научная политика строилась с учетом социально-политических и хозяйственных задач послевоенного восстановления и развития, а начиная с середины 1950-х годов исходя из потребностей научно-технического прогресса. Кроме того, помимо решения практических задач, наука в советском обществе всегда исполняла роль орудия идеологической работы.

В целом отмеченные факторы определяли содержание и направление научной деятельности в Северной Осетии на протяжении послевоенного двадцатилетия, проводившейся на базе трех основных структурных подразделений: научных учреждений вузов и промышленных предприятий, а также научных центров республиканского подчинения. В рассматриваемые годы осуществляется государственная поддержка научно-исследовательской деятельности, ведется подготовка научных кадров, наряду с существовавшими научными учреждениями создаются новые, укрепляется их материально-техническая база, формируются новые отрасли научного знания, приоритетные исследовательские направления. Вместе с тем, доминирование идеологических факторов неизбежно приводило к существенному сужению поисковых возможностей по ряду научных направлений в области естественно-технических и гуманитарных наук. Политическая регламентация научной деятельности, хотя и несколько смягчившаяся в период «оттепели», особенно отчетливо проявлялась в развитии исторической науки.

Во второй половине 1960-х — первой половине 1980-х годов сфера науки в республике в структурном плане не претерпела каких-либо существенных изменений. Она по-прежнему подразделялась на три основных направления: промышленную, вузовскую и собственно республиканскую науку. К примеру, на всех крупных промышленных предприятиях («Электроцинк», «Победит», «ОЗАТЭ», «Электроконтактор», Вагоноремонтный завод и другие) действовали научные лаборатории, опытно-конструктор-

ские бюро, которые занимались разработкой и внедрением научно-технических изобретений, нацеленных на совершенствование технологических процессов и повышение производительности труда. К наиболее крупным подразделениям этой группы относился опорный пункт Центрального научно-исследовательского института крахмально-паточной промышленности при Бесланском маисовом комбинате, который был создан еще в 1940-е годы.

Теперь внутри этих подразделений наблюдались значительные институциональные подвижки. В 1970-е годы здесь были сформированы новые научно-производственные учреждения. В августе 1971 года, в частности, на базе работавшей с 1937 года Северо-Осетинской селекционной станции был организован Северо-Кавказский научно-исследовательский институт горного и предгорного сельского хозяйства. Среди новых научных учреждений естественно-технического профиля, основанных в 1970-е годы, значились проектный институт «Кавказгипроцветмет», специальное конструкторское бюро «Цветметавтоматика», Орджоникидзеовское отделение института ВНИИцветмет. Научная деятельность многих из них была непосредственно связана с потребностями предприятий оборонного комплекса («Гран», «Рубин», номерные заводы), созданных на территории Северной Осетии в 1960-е — 1970-е годы.

Другой важной составляющей научного пространства республики являлась вузовская наука, развивавшаяся на базе научно-исследовательских лабораторий, научно-производственных центров, опытных хозяйств высших учебных заведений республики. Характерной чертой вузовской науки являлось доминирование исследований в сфере естественно-технических наук, что объяснялось преобладанием в структуре высших учебных заведений республики учреждений естественного и технического профиля. Вузовская наука была призвана решать задачи повышения эффективности промышленного и сельскохозяйственного производства, совершенствования системы здравоохранения, повышения благосостояния общества.

В структуру республиканской науки были включены Центральный государственный архив, Республиканская научная

библиотека, Художественный музей и другие подобные учреждения. Республиканский музей краеведения ежегодно выступал организатором и участником археологических, этнографических и других экспедиций, в ходе которых были собраны тысячи разнообразных ценнейших экспонатов и материалов, свидетельствовавших о богатстве природы и духовной культуры края. Существенное место в научной деятельности учреждений, входивших в структуру республиканской науки, отводилось решению задач культурно-просветительского характера, пропаганде научных знаний, нравственно-эстетическому, политическому воспитанию подрастающих поколений.

Исключительное место среди научных учреждений республики гуманитарного и обществоведческого профиля в 1960-е — 1980-е годы занимал Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. Институт являлся базовым научным учреждением, занимавшимся исследованием не только различных направлений осетиноведения, но также вопросами социально-экономического, политического и культурного развития народов Северного Кавказа. Он в значительной мере определял «лицо» обществоведческой, гуманитарной и экономической науки Северной Осетии в отмеченные годы. Северо-Осетинский НИИ находился в непосредственном подчинении Совета Министров СО АССР и формально был причислен к республиканской науке. Фактически же по значимости научных разработок и вкладу в развитие осетиноведения и кавказоведения он выходил далеко за рамки этой структуры.

Таким образом, сводная характеристика работы позволяет сделать вывод о практически значимых сопряжениях реформ второй половины 1940-х — первой половины 1980-х годов в сфере науки и образования Северной Осетии с современными проблемами системы образования и науки модернизационного периода. Они имеют не только исследовательский и познавательный смысл, но и научно-практическое и организационное значение для новых преобразований.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абаев В. И.	182, 194, 195, 209-212, 216-222, 248, 250, 251, 255, 257, 283, 285, 290, 291
Абаев С. М.	283
Абаева З. В.	255, 284
Абдушелашвили М. Г.	250
Абилов А. А.	9
Абрамова М. П.	292
Абхазов И. Н.	200
Авсаджанов Г. С.	269
Агеенко И. А.	236
Агеенков В. Г.	108, 223, 224, 230
Агнаев А.	290
Агкацев В. М.	137, 205, 243
Адырхаев А. Х.	274, 280
Алагов Т.	149, 161
Алборов Б. А.	185, 212, 213, 255, 283
Алексеев В. Н.	205, 250
Алексеева Г. Д.	302
Аликов Х.	196
Алферова Е. Т.	274
Амонашвили Ш.	91
Анатовский А. А.	269
Анисимов С. М.	108
Анисимова В. М.	103
Анчабадзе З. В.	205, 206
Ардасенов Х.	213, 216, 256, 259, 289
Аржанцева И. А.	294
Арнигон И.	288
Арсагов Г.	246
Аствацатуров А. А.	300
Ахвледиани Г.	290
Ахриева М. С.	274

Б

Бабич В.	118
Багаев Н.	209
Багиров М. Д.	198
Базаев А. М.	103
Байтуганов Б. М.	103
Бакланов М. С.	108
Балаев Т.	289
Бараков Г.	288
Баракова А. Г.	187
Баскаев Д.	122
Басиев З. Г.	276, 277
Батюня А.	46
Беджызаты Ч.	288
Бекоев Е.	289
Беляев В. Г.	107
Беляев С. Д.	274
Берладина К. А.	253
Бзаров Р. С.	11
Бигулаев Б.	188
Битиев С. Н.	195, 201
Битиева Е.	161
Блиев М. М.	168, 245, 248, 249, 298, 302
Бобин Е. Г.	261, 263
Богуславский М. В.	92
Бородин Н. И.	107
Борский И. В.	108
Боциев Б.	209
Брин Б. М.	186, 276
Брин В. Б.	276, 277
Бритаев Е. Ц.	213, 216, 258
Бритаев С.	213
Бугданов Г. В.	186, 234
Булацев Т.	158
Бурнышев А. В.	9
Бутаев К. С.	246

Бутаева Т. Г.	274
Бушуев С.К.	198, 245
Бязыров А. Х.	255, 285
Бязырова В. Т.	103
В	
Ванеев З. Н.	205
Верт Н.	81
Верховцев М. П.	223, 224
Виноградов В. Б.	250
Виноградов В. В.	220
Виноградов И. С.	168
Войтко Д. И.	269
Волков И.	92
Волкова Н. Г.	296
Воронин П. А.	263
Г	
Габанова И. Х.	280
Габеев С.	161
Габисова С. З.	285
Гагкаев К.Е.	200, 201, 257, 290
Гаглоева З. Д.	296
Гаглойти Ю. С.	250
Гадзаов Б.М.	168
Гадиев Ц.	288
Газзаев А. А.	195
Галазов А. Х.	10, 60, 167
Гальцев В. С.	195, 196, 242, 243, 246
Гамрекели В. Н.	250
Гарданов Б. Б.	246
Гарданов В.К.	210, 297, 302
Гатуев Дз.	258
Георгиади Г. А.	274
Герандоков М. Х.	9
Гиоев М. И.	168
Гиреев Д.	289
Горький М.	214

Грабовский И. С.	185, 225, 266
Гребенюк Г. И.	270
Гудиев А. Х.	167
Гулуев А.	288
Гуриев А. Е.	223
Гуриев Т. А.	284, 290
Гуриева М.	290
Гутиев К.Ц.	287, 288
Гутнов Х. Г.	188, 201, 300
Д	
Давидсон А. М.	230, 263
Дегоев В. В.	169, 298
Дегоев В. М.	103
Дедегкаев С. Т.	9
Денисов А. И.	263
Де-Фриу В. И.	235
Джанаев А. К.	188, 195, 239, 242, 243, 245
Джанаев Г. Г.	268, 269
Джанаев И. см. Нигер	
Джамбулатова З.К.	9
Джибилов С. М.	270, 271
Джикаев Ш.	285
Джикаева А.	216
Джомарджидзе Л. С.	166
Джусойти Н. Г.	209, 256, 257, 288-290
Дзагуров Г. А.	285, 287
Дзанагов Х. Б.	224, 225, 266, 269
Дзантиев А. А.	285
Дзбоев К.	158
Дзгоев Т.Н.	301
Дзеранов В.	158
Дзесов К.	288
Дзилихов И. Г.	276
Дзобелов В. Х.	276
Дзокаев К.Х.	239
Дзугкаев З. Е.	274

Дзугкоева Ф. С.	276
Дзуцев Х.	289
Дигоева М. Д.	274
Динензон А. И.	187
Доев А. Б.	185
Долгов Ф.	168
Дружинина Е. И.	206
Духанин И. Н.	223, 224
Дьяконов И. М.	217
Дынник В.	208
Дюмезиль Ж.	283
Е	
Евнина Е. М.	169
Егоров К. см. Гагкаев К.	
Езеев А. А.	277
Езеева Д. А.	276
Емекеев В. И.	107, 187, 231, 261, 264
Епифанов И. Л.	169
Епхийев Т.	209
Еремеева Н.	289
Ермолов А. П.	200
Ж	
Жаболиев М. А.	269
Жуковский Е. И.	108, 223
И	
Ивнев Р.	209
Излецкая Д.	289
Ильин Е.	92
Иосифов И. М.	235
Иоффе С. Я.	280
Исаев М. И.	10, 290
Исаенко А.	169
К	
Кабалоев Б. Е.	125, 167
Кабоев В.	161
Казбеков Г. В.	247

Казбеков К.	213
Казиев А.	168
Каймаразов Г. Ш.	9
Калитина З. И.	276
Калоев А. В.	270
Калоев Б. А.	209, 250, 251, 255, 295, 301
Калоев Г.	289
Калоева З.	158
Калоев Н. И.	168
Камбердиев М.	288
Камболов Т. Т.	11
Кануков И.	212-214, 258
Караковский В.	92
Касаев А.	290
Катаев В. А.	168
Кафтанов С.	189
Кесаев А. К.	299
Кесаева К.	161
Кечин В. А.	263
Кибизова Р. М.	101, 103
Киняпина Н.С.	169
Кирилин В.	82
Клюев А.Г.	261
Кнорринг К.Ф.	200
Кобычев В. П.	296
Ковалевская В. Б.	252, 294
Ковалев С. С.	169
Козаев З.	158
Козаев П. А.	270
Козырева Т.	290
Кокиев Г. А.	194-196, 200-203, 244
Коновалов Ф. Я.	234, 267
Кониев Ю. И.	167
Коренев Д. З.	299
Корзун В.	256
Корнев В.М.	301

Косыгин А. Н.	112
Котиев Б. Х.	270, 271
Коцоев А.	258, 288
Кочисова Р.	213
Кравченко Г.	256
Крамаров Ю. И.	271
Крейтер	186
Крестов Н. А.	225, 235, 266
Крикунов В. П.	205, 206
Крохин С. И.	108, 261
Круглиевская А. М.	35, 103
Крупнов Е. И.	205, 207, 250-252, 295
Кряжев Г. С.	229
Кубалов А.	288
Кудзаев А. Б.	271
Кузнецов В. А.	242, 250, 252, 291, 292, 294, 295, 302
Кузнецов К.	244
Кузнецова Л. М.	187
Кулаев Н.	290
Кулаев С.	288
Кулаков В. Е.	293
Кулов Б. С.	9
Кулов К.Д.	122, 195, 208, 244
Кулов С.Д.	188, 242, 246
Кулумбекова М. Г.	57
Кундухов М.	198
Куссаева С.	188
Кустов М. И.	245
Кучиев А. Г.	78, 145
Кучиев Авр.Г.	180, 188
Кушева Е. Н.	206
Л	
Ленин В. И.	53
Лехтеров Н.	149
Ломако П.Ф.	105
Лосева Е. А.	35

Лукашенко Н.	289
Лыгов Г.К.	268
Лысенкова С.	92
Люткин Н. И.	168
М	
Магомедов Р. М.	198
Магометов А. А.	168
Магометов А. Х.	168, 253, 294, 296, 302
Мазуренко Н. П.	35, 103,
Маленков Г. М.	122
Малиев Г.	288
Малиев Н. Д.	18, 249, 300
Маликов Б. Ф.	107
Малкиель И. В.	186
Мальцева Л. Б.	280
Мамиева Н.	284
Мамиконян М.И.	228
Мамсуров Д.	288
Мамсуров Т.	212-214
Мамсуров С. Г.	246
Мануйлов В. А.	169
Маргулис Е. В.	263
Марзоев С. Т.	258, 289
Марковин В.И.	252, 292
Марр Н. Я.	201, 216-218, 220, 221
Машковский И. И.	236
Маяковский В.	214
Медоев Б.	168
Мелетинский Е. М.	254
Миллер В.	201, 286
Минасян Г.	169
Молотов В. М.	53
Мосин Л. М.	280
Мостиев Б. М.	168
Мулухов К.К.	263
Мухин Г. Ф.	269
Мчедлишвили	207

Н	
Нарочницкий А. Л.	302
Немерюк Г. Е.	268
Несмеянов А.	220
Нечаева Л. Г.	292
Нечипурнова Е. С.	35
Нигер (И. Джанаев)	209, 258, 288
Николова Ф. А.	276
Ногаев Ф. Д.	150, 161
Ньютон	80
О	
Оболенский Н. Н.	234
Овнатанян К. Т.	276
Озерецкая Р. Т.	187
Ортабаев Б. Х.	168, 298
Остроушко И. А.	108, 223, 231, 261
Отараев И. А.	276
П	
Павлов И. П.	235
Панков А. М.	224, 265
Пашкина П. А.	103
Петрова Н. Н.	288
Пиотровский Б. Б.	302
Пламеневский Я. Н.	108, 223
Плиев И. А.	137, 138
Погорелый А. Д.	108, 223, 224, 229
Покровский М. Н.	197, 198, 200
Поспелов П. Н.	205
Потемкин В. П.	19
Пронина Н. Н.	280
Простаков П. Е.	266
Прохуренко Л. И.	10
Пузощатов Д. Ф.	108, 223
Пушкин А. С.	53
Пчелина Е. Г.	253, 292

Р

Раздорский В. Ф.	235, 265
Рамонова А. М.	276
Рахман В. И.	236
Резницкая Е. Я.	236, 237, 276
Робакидзе А. И.	297
Рубилин Е. В.	186, 224, 266
Руткевич М. Н.	80
Рылов А. П.	224
Рязанцев Н. В.	225, 235, 265

С

Саватеев Ю. Н.	270
Савкуев С.	188
Сагутонов З.	289
Садович М. М.	103
Салагаева З. М.	257, 287-289
Саламов А. Б.	234, 267, 268
Саламов Б. А.	187
Саламов Т.	288
Семенов Л. П.	182, 256, 289
Сергеев В. В.	264
Сивков К. В.	244
Симонович Ф. Ф.	200
Скитский Б. В.	194, 195, 202, 206, 210, 211, 214, 215, 239
Смирнов Я. С.	253, 296
Соссюр Ф. де	217
Сталин И. В.	53, 212, 216, 220, 222
Стародубский Б. А.	167
Стоюшкин И. А.	270, 271
Студенецкая Е. Н.	253
Суменова З. Н.	258, 288
Суслов М. А.	244

Т

Такоев С. А.	246
Такулов У. Т.	278

Тамаев А. Т.	298
Гарноградский Д. А.	185, 187, 235, 265
Тебиев Т. О.	270
Тедтоев А.	188
Текиев В. Д.	9
Тменов В. Х.	292, 301
Тменова Дз. Г.	285, 288
Тогоев Д. Н.	246
Тогошвили Г. Д.	250
Токаев А.	65
Токаев Алихан	212, 213
Тотоев М. С.	14, 168, 180, 188, 195, 202, 203, 216, 239, 243-246, 248, 298
Тогоев Ф. В.	302
Тотоонов Б. А.	280
Тотров А. Г.	34
Тотров В. К.	253, 296
Трегубов С. М.	236
Трофименко К. И.	234, 266, 267
Туаев Д.	258, 288
Туаева Е. Б.	286
Туганов Б.	258
Туганов М. С.	208
Туккаев С. А.	200, 201
Турчанинов Г. Ф.	250
У	
Уарзиати В.	296
Уруймагов М. З.	35, 103
Ф	
Фадеев А. В.	206, 245
Фарниев А. Г.	300
Фарнион К.	288
Федоров В. Н.	108, 223
Федоров К. Г.	169
Филатова Г.	168
Франк-Каменецкий И. Г.	217

Х

Хадарцева А. А.	14, 188, 256-258, 288, 289
Хаев А. Е.	276
Хамицаева Т. А.	284, 285, 288, 289
Хоруев Ю. В.	298
Хасиев А.	158
Хетагуров Г. В.	107
Хетагуров К. Л.	256, 257, 288, 291
Хетагурова З. В.	276, 280
Хетагурова З.	289
Хетагурова Л. Г.	228
Хетагурова Н. В.	286
Хетагурова С. Б.	277
Хоскинг Дж.	146
Хохлов Р. В.	167
Хохов А.	209
Хрущев Н. С.	75, 118, 137, 233, 241
Хубецова Р. Д.	228, 276
Хугаева О. Г.	274
Худалов Т. Т.	301
Хузмиев И. К.	271
Хутиев Х. М.	9

Ц

Цаболов К.	158
Цаболов Р.	290
Цаболов Р. Г.	267
Цагаева А.	290
Цаголов Г. М.	216, 258
Цаликова Н. М.	103
Цаллагов В.	288
Цвирко В. К.	168
Цицианов П. Д.	200
Цомаева Т.	289
Цориев Р. И.	300
Цуциев Б. А.	216, 247
Цхурбаева К. Г.	257

Ч

Чамокова Е. Ф.	278, 280
Чеджемов Т.	166
Черджиев Х. С.	10, 239, 245, 247, 300, 301
Чернецкая З. С.	234
Чибилов Л. А.	253, 285, 296
Чибилов Х. Т.	245
Чочиев Т.	168

Ш

Шамиль	198, 199, 241, 242
Шамилева Ф. Х.	277
Шанаев Б.	196
Шарапов И. П.	186
Шаталов В.	92
Шотаев Н. Ф.	168
Штебер Э. А.	234

Щ

Щетинин М.	92
------------	----

Э

Эреба Н. В.	187
-------------	-----

Я

Ягупов А. В.	263
--------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
Научный архив СОИГСИ — Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
ЦГА ИПД РСО — А — Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Северная Осетия — Алания
ЦГА РСО — А — Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания

Научное издание

Цориева Инга Тотразовна

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ
(вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.)

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор – *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка – *А.В. Черная*
Дизайн обложки – *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 19.08.12.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Times». Усл. п.л. 19,0.
Заказ № 98. Тираж 500 экз.

ИПО СОИГСИ им. В.И. Абаева
362040, Владикавказ, пр. Мира, 10.